ГУБЕРНСКІЙ ДОМЪ

3-4 (54-55)
2003

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

3-4 (54-55)
2003

Время Общество Знание

Городище-городок 4
Хранители на долгие годы 6
«Короткая волна» Николая Шмидта 10
Вохомской школе 135 лет 14
Выставки. Очарование пейзажа 20
Вспоминают старожилы 22
О провинции с любовью 25

Свидетельства Архивы Документы

Об основании села Вознесенье 29
Люби и помни. Дорогами земли вохомской 31
Обычаи и обряды. Престольные праздники 49
Из истории сел и деревень 58
Крестьянское застолье 66
Моя родословная. Князевы 71
Судьбы. «Всех я простил» 75

Литература Искусство Культура

Вохомские говоры 81
Промыслы и ремесла 85
Ходил по деревням художник 92
Обычаи и обряды. Братщины 97
Летние игрища в Вохме 100
Зимние игрища и беседки 105
Творчество. Леонид Попов, Герман Котов 110
Народное краснословие 114
Бабушкин сундук 116

Учредитель — администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, Костромской областной фонд обязательного медицинского страхования, объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

«О, это благодатная сторонка!..»

Сказительница и певунья Г.А.Холмова.
Фото 1990-х гг.

Вохме 345 лет

"О, это благодатная сторонка, уж такая сторонка, что просто и сказать нельзя! Сокровища природы там неисчислимы, неистощимы – рябчики, стерлядь, орехи – чего хочешь, того просишь. И все-то дешево! Меха – нипочем! Мужички занимаются выгодными промыслами. Просто золотое дно!"

П.В. Засодимский.
"Лесное царство".
1878 г.

ЛЮБЕЗНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Побывав за 10 лет во всех бывших уездных городах Костромской губернии, добрались мы, наконец, и до старинного русского села с красивым именем Вохма, по давнему – Вознесенье. Уездным центром оно, правда, не было, да и в Костромскую губернию не входило, но тем более интересно познакомиться с его удивительной историей и самобытной культурой, узнать многих замечательных людей, оставивших свой след в земных трудах и народной памяти. И новые страницы из прошлого нашего края, нашего Отечества помогут нам лучше понять современную жизнь России.

Надежда ШАДРИНА,
глава самоуправления Вохомского района

«ВСЕМ НИЗКИЙ ПОКЛОН»

В 2003 году нашему поселку исполняется 345 лет.

Старинное русское село Вознесенье (Вохма) возникло на перекрестке древних торговых путей, и издавна здесь проводились ежегодно 4 ярмарки. Земля славилась плодородием почв и изобилием хлеба, далеко за пределами было известно людям о высоком качестве вохомского льна, поэтому и сейчас (уже шуточно) Вохму называют «золотым дном».

В первые годы советской власти село Вознесенье переименовано в село Вохму по названию протекающей поблизости реки.

В настоящее время Вохма является административным центром одного из самых крупных районов северо-востока Костромской области, расположенного на расстоянии около 500 км от областного центра.

Сегодня в Вохомском районе проживает около 14 тысяч человек, в том числе около 7 тысяч дети и молодые люди в возрасте до 30 лет, около 4,5 тысяч – пенсионеры.

Людей вохомской земли всегда отличал патриотизм, любовь к Отечеству, к своей малой родине. Им свойственны такие качества, как трудолюбие, привязанность к родной земле, непосредственная доброта, неподкупное гостеприимство и терпеливость.

Во время Великой Отечественной войны Вохомский район отправил на фронт около 12 тысяч человек, около 6 тысяч из них не вернулось назад, 8 воинов стали Героями Советского Союза и один – кавалером 3-х орденов Славы.

Светлая память тем, кто ушел из жизни, защищая Родину!

Бесценен труд людей, вложенный в развитие Вохомского края.

Не только в области знают имя известного сыродела Валентины Ивановны Бураковой, Героя Социалистического Труда. Большой вклад в развитие сельского хозяйства района внесли бывшие председатели колхозов Николай Павлович Аверкиев (колхоз «Большевик»), Анатолий Михайлович Шадрин (колхоз «Правда»), Аркадий Георгиевич Толстобров (колхоз «Дружба»), Семен Степанович Дружинин (совхоз «Заветлужский»), заслуженный агроном Анна Дмитриевна Герасимова, работавшая в колхозе «Вохма», доярка-трехтысячница Мария Михайловна Зайцева и ныне работающая заведующей семенной инспекцией Алевтина Ивановна Васькова.

Много сил было потрачено лесозаготовителями на развитие лесной промышленности, тогда еще только развивающейся отрасли в районе. По достоинству были отмечены государством бригадир нижнескладской бригады Вохомского лесопункта Виталий Петрович Кулаков, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, начальник Вохомского леспромхоза Александр Федорович Храмов, долгое время возглавлявший коллектив.

С уважением люди вспоминают имена заслуженных учителей: Валентину Павловну Некрасову, Валерьяна Ефимовича Большакова, Бориса Арсентьевича Шадрина, Вениамина Антоновича Шадрина; отличников просвещения Георгия Степановича Брянцева, Юрия Анатольевича Подобина и заслуженных врачей Анну Николаевну Русяеву, Екатерину Семеновну Кузнецову.

И сегодня рядом с нами живут и трудятся замечательные люди. Они учат детей, лечат людей, заботятся о престарелых, строят дома и дороги, перевозят грузы, водят автобусы, работают в лесу и на полях. Это почетные граждане нашего района: директор музыкальной школы Валентина Ивановна Чичерина, заслуженный работник культуры; Людмила Александровна Окулова, директор Талицкой средней школы, отличник просвещения; Нина Васильевна Пупырева и Иван Васильевич Паранич, председатели СПК; Мария Алексеевна Зайцева, начальник МУП «Вохомский РСУ» и многие другие.

Низкий поклон всем!

Желаю жителям Вохомского края здоровья и благополучия, добра и мира.

«ВОХОМСКАЯ ОТЧИНА»

В начале 2003 года наша детская библиотека объявила о проведении районной литературно-творческой экспедиции юных краеведов «Вохомская отчина», посвященной 345-летию со дня основания с. Вохма. Участники экспедиции выполняют поисковые задания, пишут самостоятельные работы, отвечают на вопросы краеведческой викторины. Весь материал оформляется в альбомах, буклетах, сопровождается рисунками и фотографиями, а задания даны по трем темам: «Вот моя деревня, вот мой дом родной», «Где родился, там и пригодился», «Хранители».

Итоги конкурса будут подводиться на районном фестивале юных талантов «Вохомская радуга» в 2004 году, посвященном юбилею Вохомского района.

Читатели Вохомской детской библиотеки получили работу на лето. Кому досталось описать родословную своей семьи или написать интересный рассказ о своих родственниках, прославивших наш Вохомский край. Другие вызвались сочинить легенду или сказку о родном крае. Третьи – захотели нарисовать рисунок на тему «Прошлое, настоящее и будущее с. Вохма». А самые рукодельные будут мастерить куклам одежды, такие, в каких ходили предки.

Кроме того ребята могут посетить занятия краеведческих четвергов, чтобы еще больше узнать об истории своего края, природе, о замечательных людях нашего села.

Первое занятие краеведческого четверга было посвящено истории села Вохмы. На встречу с ребятами была приглашена директор краеведческого музея Н.И. Лебедева. К занятию были оформлены в библиотеке стенды «Вохме – 345», на которых разместились старые фотографии из архивов музея, интересный исторический материал, и стенд фотографий в читальном зале «Старый альбом открывает страницы».

«История имени, фамилии, рода» – так называлась беседа-игра, в ходе которой ребята познакомились с тем, какие фамилии были распространены на территории нашего края, откуда они произошли, а также узнали, как составить генеалогическое древо.

Очень заинтересовала ребят выставка в краеведческом музее – «Народный костюм вохомских крестьян». Их ждет еще очень много интересного, программа рассчитана на все лето: это и встречи со старожилами с. Вохма, с поэтом Л.Н. Поповым, посещение выставки и встреча с местными художниками, экскурсия на природу, игры и викторины. А в конце лета все участники экспедиции соберутся в читальном зале на подведение итогов.

Г.М. УНАНЯН,
заведующая Вохомской детской библиотекой

У памятника землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Фото 2002 г.

ГОРОДИЩЕ-ГОРОДОК

НОВЫЙ ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ В ВЕРХНЕМ ПОВЕТЛУЖЬЕ

В 2001-2002 гг. в Вохомском районе Костромской области проводились археологические раскопки интересного памятника, получившего название «Городище-городок». Городище было известно с XVII в. Под этим же названием оно отмечено и в «Вологодских губернских ведомостях» в 1889 г. (№ 23). Однако археологические исследования на данном памятнике значительно удревнили его историю, а также позволили по-новому взглянуть на историю древнерусской колонизации костромского Заволжья и историческую географию северо-восточной Руси.

Городище-городок расположен на останце у подножия коренной террасы левого берега р. Вохмы, правый приток – р. Ветлуги, левый приток – р. Волги, в 100 м к западу от села Спас (Семеновская сельская администрация) Вохомского района. Место, занимаемое городищем, в обиходе местных жителей прозвано как «Золотое дно». Размеры городища 160 х 20-40 м по направлению север-юг – запад-восток соответственно. Останец возвышается над урезом воды р. Вохмы около 5 м и на 3 м над уровнем старицы. Площадка городища задернована. Возможно, городище ранее располагалось на правом берегу р. Вохмы, так с восточной стороны его ограничивает старица р. Вохмы, которая на данный момент представляет собой заболоченное место. С южной стороны сохранились остатки вала, возвышающегося над современным уровнем городища на 1 м.

Мощность культурного слоя составляет от 80 до 120 см. Его анализ позволяет говорить, что первопоселенцы приходят сюда в XII в. Наиболее интенсивно городище развивается в древнерусский период, а именно: в XIII-XV вв., – продолжая существовать и в XVI-XVII вв. Позднее, с конца XVII в., видимо, в связи с переносом центра поселения на верхнюю террасу левого берега р. Вохмы, с развитием там русского села Спас, а также с отсутствием опасности военных и грабительских набегов, жизнь городища затухает.

Находки представлены: производственно-бытовыми железными предметами, в том числе ножами, дужками от котлов, топорами, гвоздями; предметами вооружения – железными и костяными наконечниками стрел; сельскохозяйственным инвентарем – в древнерусском слое был обнаружен железный сошник; предметами рыбной ловли – костяными рыболовными крючками, глиняными грузилами; украшениями – медным перстнем, другими бронзовыми изделиями.

Большой интерес вызывают многочисленные свидетельства развития костяной индустрии. Наиболее многочисленными являются находки костяных качедыков, встречаются уникальные костяные поделки – лошадки; многочисленны и изделия из кости со следами обработки с трудно определимым функциональным назначением (возможно, часть из них являлась заготовками).

Массовыми находками являются керамические изделия. Среди них фрагменты и целые формы горшков различной вместимости и пропорций, фрагменты мисок, пряслица, которые использовались в качестве насадки на веретено для придания ему центробежной силы при прядении. Нередко посуда орнаментировалась различными вариантами линейного декора, волной, насечками, канелюрами. Подобные типы декора характерны для посуды древнерусского времени. Орнаментальные композиции с сочетанием нескольких элементов декора представлены реже. Кроме того, у ряда фрагментов днищ присутствуют гончарные клейма.

На памятнике встречена и импортная поливная керамика – фрагменты расписной посуды, называемой кашином. Данные фрагменты покрыты прозрачной бирюзовой поли-

вой со следами черной подглазурной росписи. Она производилась в городах Золотой Орды и была дорогостоящей посудой, присутствие которой характерно для богатых усадеб знати.

В процессе раскопок зафиксированы следы 8 срубных построек, как правило, рубленых в «обло». В большинстве случаев у строений сохраняется деревянный накат из поперечных досок, перпендикулярный одной из стен конструкций, по всей видимости, являвшийся полом построек, исключением является одно сооружение, где заполнение дна представлено серо-желтой глиной, возможно, использовавшейся как гидроизоляция. Одно из строений по своему функциональному назначению являлось косторезной мастерской, судя по большому количеству резаной кости (заготовок), необработанной кости и готовых поделок, обнаруженных во внутрипространственном заполнении конструкции. Мастерская отличалась от остальных исследованных построек большей площадью, с другой стороны, показательно отсутствие столь многочисленного керамического материала, как в остальных сооружениях. Кроме того, обнаружены четыре округлых в плане ямы хозяйственного значения – погреба, линия деревянного частокола и открытое кострище.

Результаты археологических исследований уже сейчас позволяют говорить о

Археологические находки в Городище-городке. 2002 г.

нерядовом статусе городища. Городок являлся не просто укрепленным поселением. Здесь было развито местное ремесленное производство, которое обслуживало не только местные нужды, но и потребности ближайшей округи (косторезное производство). Городок имел торговые связи с древнерусскими городами, Золотой Ордой и народами Прикамья. В градостроительном отношении он приближался к городскому типу поселений, поскольку имел элементы городской планировки, а именно: усадьбы, ограниченные частоколами. Все это говорит о статусе Городка как ремесленно-торгового поселения, приближающегося к поселениям городского типа и выполняющего функции военно-оборонительного центра.

Скорее всего, Городок был одним из немногих укрепленных центров, контролировавших торговые связи между Сухоно-Вычегодским и Волжским торговыми путями. Он находился на пограничье влияния Новгородской и Ростово-Суздальской (позднее: Московского княжества) земель. В пределах чьих владений развивалась история Городка – задача, которую будут решать дальнейшие археологические исследования памятника.

Сергей АЛЕКСЕЕВ,
Алексей НОВИКОВ

ХРАНИТЕЛИ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

Слово директору Вохомского краеведческого музея Нине Ивановне Лебедевой

– Нина Ивановна, местное краеведение настолько уникальное явление, что история возникновения каждого музея в глубинке – целое событие культурной жизни. Расскажите об этом.

– Впервые музей в Вохме был открыт в 1919 году по инициативе земского врача Михаила Александровича Осипова. Будучи страстным краеведом и образованным человеком, он приложил много сил для создания музея. Сначала здесь был один лишь сельскохозяйственный отдел: собирались образцы почв края, образцы зерновых и бобовых культур, сельскохозяйственные орудия... В том же 1919 году начал оформляться и медицинский отдел. М.А. Осипов с помощью фельдшера Михаила Ивановича Мишенева и лаборанта Бориса Павловича Алферова приготовил медицинские препараты (заспиртованные в банках разные опухоли, язвы и т. п.), было много картин и плакатов на медицинские темы.

Местные жители, прослышав про музей, стали безвозмездно приносить вещи. Так появились образцы крестьянской одежды, вышитые полотенца, образцы крестьянских изделий из бересты, корней, прутьев ивы и т. д. Сначала наш музей размещался на 1-м этаже деревянного дома по ул. Советской, № 56, а в 1920 году решением волисполкома музею было выделено дополнительное помещение в каменном 2-этажном здании близ Вознесенской церкви, где совместно со смешанной гимназией располагались сапожная и столярная мастерские.

Заведующей музеем была назначена учительница Любовь Константиновна Мишенева, усилиями которой были открыты новые отделы: природоведческий (картины, коллекции насекомых, чучела птиц и зверей), исторический и бытовой.

В работе музея активно участвовала местная интеллигенция: учителя проводили беседы о воспитании детей, врачи и фельдшеры – о правилах гигиены, здоровом образе жизни, об уходе за новорожденными...

Однако музей в Вохме просуществовал недолго. Осенью 1926 года его закрыли: помещение понадобилось для сберкассы и расширяющейся начальной школы. Музейные экспонаты были переданы школе II ступени, реорганизованной в 1931 году в педтехникум. Здесь, в старом двухэтажном здании, для музея была выделена небольшая комната на первом этаже, а не поместившуюся часть экспонатов сложили на чердак. Многие экспонаты, будучи доступны каждому, были тогда растащены. С тех пор жизнь музея пошла по другому руслу: он стал школьным музеем, и население его уже почти не посещало.

Постановлением ВЦИК от 15 июля 1929 г. была ликвидирована Северо-Двинская губерния и территория нашего района вошла в состав Северо-Двинского округа Северного края с центром в г. Великий Устюг. Во время этой реорганизации наиболее ценные экспонаты музея были переданы по акту в уездный город Никольск, в образовавшийся там музей. В числе переданных в Никольск экспонатов, как вспоминал И.А. Кузнецов, преподаватель педтехникума и средней школы в Вохме, была коллекция древних монет, приобретенная где-то для музея Л.К. Мишеневой, коллекция бабочек, а также и 2-метровый бивень мамонта, найденный в 1910 г. соседковскими (из дер. Соседково – **Н.Л.**) мальчишками во время купания в речке Вочке, близ дер. Латышово.

– Благодаря чему музей в Вохме все-таки не погиб и, наверное, благодаря кому?

– Много лет школьным музеем руководила Роза Николаевна Синцова, а шефствовал над ним заслуженный учитель РСФСР Валериан Ефимович Большаков, замечательный краевед, который зажег

всех своих учеников собирательской работой. Ребята из исторического кружка собирали экспонаты и краеведческий материал, вели переписку с московскими и ленинградскими государственными музеями, записывали легенды родного края, сами проводили экскурсии.

Именно на основе школьного музея и был открыт в 1969 году Вохомский районный краеведческий музей – филиал Костромского областного музея. Первым его заведующим, старшим научным сотрудником, стал Герман Леонидович Котов, учитель-биолог по образованию. Было выделено помещение на первом этаже бывшей Вознесенской церкви. Был проведен значительный ремонт, готовилось открытие музея...

Но в декабре 1970 г. случился пожар. Музей от пожара спасли толстые стены, так что экспонаты успели вынести в рядом стоящий интернат средней школы, в тот дом, где музей начинал свою жизнь в 1919 году. Лишь в 1974 г. для музея было подобрано помещение – здание Сретенской кладбищенской церкви, которое, после смены нескольких хозяев (здесь в свое время располагались больница, коммунальные квартиры и даже инкубатор) находилось в полуразрушенном состоянии. В 1975 году музей занял это здание, где ему было суждено прожить почти 20 лет. Большое количество интереснейших выставок и событий состоялось за эти годы в стенах Вохомского музея. Неизменным оставалось одно – удивительные, замечательные люди, преданные своему делу. Г.Л. Котов в одном из писем, вспоминая свою работу в музее, написал так: «За экспонаты и работу музея болел – это для меня жизнь». И это не пустые слова: именно первый директор районного музея сумел создать в коллективе атмосферу творчества, которая постоянно присутствует в музее.

Орлова Полина Яковлевна, сменившая в 1976 году Котова, вместе с сотрудниками Т.Н. Ковалевой, А.Н. Холмовой, А.М. Поповой и А.М. Шадриной проводили большую работу среди населения и школьников района. В 1970-80-е годы коллектив музея проделал огромную неоценимую работу по сбору экспонатов – более 5000 предметов музейного значения! За эти годы были собраны прекрасные коллекции тканой крестьянской одежды, долбленых деревянных ковшей, деревянной расписной посуды, огромное количество предметов быта, различных документов, которые и сегодня являются гордостью Вохомского музея!

– Расскажите о том, что особенно привлекает в музей посетителей?

– Музей ежегодно посещали около 4000 чел., не только жители Вохомского района, но и павинцы, боговаровцы, даже школьники Поназыревского и Пыщугского районов, ведь такой музей – единственный на северо-востоке области.

За последние годы более 15 музейных выставок предлагалось посетителям. Благодаря

Сотрудники Вохомского музея (слева направо): А.Е. Шадрина – смотритель; А.Н. Холмова – научный сотрудник; Т.Н. Ковалева – смотритель, П.Я. Орлова – директор музея . Фото 1980 г.

совместным усилиям Костромского музея-заповедника и администрации Вохомского района был отремонтирован первый выставочный зал музея и открылась юбилейная выставка, посвященная Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Популярностью у посетителей пользуются такие выставки, как: «Вохма – торговое село», «Время и люди (мода XX века)», «Праздник русского самовара», «Замечательные люди Вохомского края», «Вышитые картины Ираиды Пигиной», «Звонкоголосое чудо России», «Подужные колокольчики в коллекции Анатолия Смердова», «Выставка богослужебного облачения», «Ветлужские черемисы в Костромском крае»... Две последние созданы на материалах из фондов Костромского музея-заповедника.

Сегодня в нашем музее три прекрасных, просторных и светлых выставочных зала, где регулярно организуются интересные выставки. Фонды музея постоянно пополняются новыми экспонатами, например, коллекцией вышитых картин И.Ф.Пигиной, пейзажами В.Г. Пономарева, подарочными пасхальными яйцами, вышитыми бисером Л.Н. Мику, и многими, многими другими.

– В условиях оторванности от центров архивной информации трудно вести научную работу. Как вы выходите из положения?

– Сотрудники музея кропотливо собирают научную информацию и материалы не только исторические, но и о современной жизни нашего края, продолжая, конечно, заниматься изучением архивов Вологды, Архангельска и других городов.

В нашем музее по-прежнему работают люди увлеченные, бескорыстные, настоящие энтузиасты своего дела. Надо сказать, что в музеях вообще случайных людей не бывает: здесь либо уходят сразу, либо остаются на долгие годы. Более 10 лет трудится научный сотрудник Нина Николаевна Ляпугина – скромный, влюбленный в свое дело человек, обаятельная женщина. За эти годы каждый музейный экспонат неоднократно побывал в ее руках – она изучает материалы, уточняет атрибутику предметов, следит за условиями их хранения, ведет большую просветительную работу – экскурсии, тематические вечера и беседы, занимается научной работой.

Отрадно, что и молодые сотрудники также проявляют интерес к музейной работе: Ирина Юрьевна Мигутина работает в Вохомском музее совсем недавно, второй год, но уже все посетители музея с удовольствием слушают ее рассказ о храмовых и престольных праздниках Вохомского края, о традициях празднеств. Самоотверженно трудятся смотрители музея Ж.А. Антонова и Н.П. Боц, они не только следят за чистотой и порядком в музее, но при необходимости могут ответить и на вопросы посетителей о каждом предмете, представленном на выставке.

Когда между людьми, делающими одно общее дело, складываются добрые, творческие отношения, это всегда позитивно отражается на работе. У нас большие планы на будущее: будут новые выставки, новые открытия, и жизнь в нашем музее будет продолжаться еще долгие-долгие годы!

Татьяна СМИРНОВА

Л.М.Чичерина – мастер ткачества. Фото 1990-х гг.

Семья Швецовых.

Семья Мамонтовых.

А.А.Мамонтова с мужем Михаилом и подругой.

Д.И.Баев с семьей.

Фото 30-х гг.

«КОРОТКАЯ ВОЛНА» НИКОЛАЯ ШМИДТА

Шел июнь 1928 года. Сотни миллионов людей с волнением следили за развязкой событий, разыгравшихся в Арктике. Одно имя – Нобиле – было у всех на устах. Замолкла рация дирижабля «Италия», возвращавшегося на базу после сенсационного полета к Северному полюсу. Сомнений не оставалось – произошла катастрофа. Но живы ли аэронавты, и где их искать?

Раненный при катастрофе итальянский радист Джузеппе Бьяджи, скрючившись в крохотной палатке на дрейфующем льду, тщетно отстукивал «SOS». Мир не слышал его.

Первым сигнал бедствия принял вохомский радиолюбитель Николай Шмидт – теперь уже его имя замелькало в заголовках газет. На поиски аэронавтов отправлялись экспедиции – 16 судов, 22 самолета, более полутора тысяч человек из шести стран! Но именно советским людям удалось спасти затерянных среди льдов Ледовитого океана участников полета...

События в Арктике, потрясшие мир более 70 лет назад, не забыты и сегодня. Десятки книг, сотни статей. Совместный советско-итальянский фильм «Красная палатка» прошел по всем киноэкранам мира. Обидно только, что Николай Шмидт,

Николай Шмидт. Фото 1920-х гг.

один из героев этой исторической эпопеи, показан в кинокартине этаким неотесанным деревенским пареньком. Вроде бы просто случайность, что именно он первым услышал сигнал «SOS».

Рассказывают, что в годы войны итальянские партизаны назвали свой отряд отрядом Бьяджи-Шмидта. А в 1976 году именем Бьяджи-Шмидта был назван лагерь итальянской экспедиции в Гренландии.

О мировой славе в селе Вохма никто не помышлял. Однако газеты всего мира поминали дотоле никому не известную Вохму, которую нельзя было найти на самой подробной карте мира...

Какова же судьба виновника этой славы Николая Шмидта и почему ему удалось принять сигналы бедствия?

Родился Николай Шмидт в 1906 году в Киеве. Отец его, Рейнгольд Эрнестович, был военным инженером и педагогом. Мать, Анастасия Григорьевна (в девичестве княжна Маматкази), закончила Петербургский институт благородных девиц, владела немецким, французским и английским языками, играла на фортепиано, знала много рукоделий. В семье было четыре сына.

Николай с малых лет проявлял интерес к технике. Воображение его было потрясено, когда на уроке физики он узнал о «телеграфии без проводов», как тогда называли радио. В 14 лет, будучи учеником школы второй ступени во Владивостоке, Николай уже проводит серьезные опыты, раздобыв где-то или смастерив катушку Румкорфа, он собирает в 1920 году свой первый искровой передатчик.

После смерти отца семья Шмидтов в 1924 г. переехала в Нижний Новгород – центр радиотехнической мысли страны. Не удивительно, что увлечение радио с новой силой охватывает юношу.

Только год прожила семья Шмидтов в Нижнем Новгороде. Задержись она там, и судьба непременно привела бы

Николая в стены знаменитой радиолаборатории, где он вырос бы в радиоинженера, возможно, и ученого. Но судьба распорядилась иначе.

После смерти мужа Анастасия Григорьевна едва сводила концы с концами. У нее было несколько сестер. Одна из них, Вера Григорьевна, жила на станции Шарья Северной железной дороги, сын другой – Екатерины Григорьевны – служил лесничим в этих же краях, на кордоне, недалеко от села Заветлужье Нижегородской губернии. Вот к ним-то, поближе к земле, где полегче было прокормить троих сыновей, и перебралась Анастасия Григорьевна.

В Заветлужье Шмидты поселились в комнатушке над лавкой инвалидной артели. Николай стал «избачом», заведовал избой-читальней. Владимир работал на заготовке и сплаве леса. Шура был еще подростком.

Вскоре в Заветлужье разнеслась молва о Николае, который увлеченно конструировал радиоприемники. Николай с радостью делился своими знаниями и опытом с заветлужскими парнями. Многие по его примеру собирали немудреные радиоаппараты. Подумать только: в селе, где и электричества-то не было (!), – массовое радиолюбительство! Оазис в глухом лесу! И если раньше вести в эти места доходили с большим опозданием, то маленькие аппараты, которые мастерили Шмидт и его ученики, помогали людям лучше чувствовать пульс времени, ритм жизни страны, помогали узнавать о делах всенародных.

В 1927 году произошло очень важное в жизни Николая событие. Он встретил человека, с которым в течение десяти лет занимался радиотехникой. Это был шестнадцатилетний юноша Михаил Смирнов.

Николай буквально заворожил своего нового приятеля радиотехническими опытами. Все лето они провели вместе, а когда начался учебный год, вместе поехали в Вознесенье-Вохму.

В Вохме Смирнов продолжал учиться в школе, а Шмидт стал работать киномехаником.

«Образовалось что-то вроде радиолюбительского кружка, – вспоминал Борисов Авенир Петрович. – Если мы делали только детекторные приемники, то у Шмидта они были самых разных конструкций. Два стола в его комнате были заставлены различными приборами, а на полу стояли аккумуляторы – элементы с кислотой. Антенна его приемника была натянута между двумя жердями: одной, укрепленной на колодезном столбе возле дома, и другой – на елке, росшей невдалеке, за небольшим логом».

Николай Шмидт не мог не заинтересоваться короткими волнами, мечтал сделать передатчик. Ну, а что касается приемников, то вот что об этом рассказывает он сам в статье журнала «Огонек» в 1928 году. «За период с 1924 года мной было сконструи-

Диплом

Николай Шмидт

Выдан

Диплом посвящен памяти Николая Шмидта, радиолюбителя принявшего сигналы бедствия дирижабля "Италия", потерпевшего катастрофу во время экспедиции Умберто Нобиле к северному полюсу в 1928 г.

№

Диплом, посвященный памяти Н. Шмидта, учрежденный клубом радиолюбителей-коротковолновиков г. Шарья.

ровано множество различных приемников, главным образом с двухсеточными лампами низких анодных напряжений (негде было достать высоковольтные анодные батареи). Последний вариант сконструированного мной приемника представлял собой комбинацию немецкой передвижки для КВ и рефлекса. На этом одноламповом приемнике мной и был принят сигнал «SOS» с «Италии».

Коротковолновая станция, которую захватил с собой радист экспедиции Нобиле Джузеппе Бьяджи, вопреки приказанию своего командира, капитана Марлано, сыграла решающую роль в спасении людей.

Вечером 3 июня 1928 года, через неделю после катастрофы дирижабля «Италия», сидевший у коротковолнового приемника Николай Шмидт вдруг насторожился. Сильные атмосферные шумы и замирания мешали приему, но его чуткое ухо уловило чей-то зов о помощи. «Италия... Нобиле... SOS... SOS... SOS... терре... тено...» – записал он. Как потом выяснилось, переданные на итальянском языке Бьяджи слова «около острова Фойн» слились и были поняты Шмидтом как Земля Франца Иосифа. (Аналогичную ошибку через несколько дней допустил и радист на плавучей базе итальянской экспедиции – судне «Читта ди Милано»).

Первой его мыслью было тут же вызвать своего друга Мишу Смирнова, который уехал к родителям в Заветлужье. Побежал на почту и дал телеграмму. «Получив ее, – вспоминал Михаил Сильвестрович – я бросился в Вохму. Тридцать пять км пробежал за 5 часов. На следующий день, уже в Вохме, мы с Николаем снова приняли сигналы «SOS». Они прослушивались хорошо. Решили дать телеграмму в Москву, в Общество друзей радио».

Однако телеграмму у них принять отказались, считая ее текст несерьезным. И только после распоряжения начальника почты Селезнева телеграмма была отправ-

Дом по ул. Маяковского, где жил Н. Шмидт. (В настоящее время не существует).

лена. Содержание ее было достаточно туманным: «Москва. ОДР. Мукомлю. Италия. Нобиле. Шмидт. 3.06.28». (Л.В. Мукомль – председатель Общества друзей радио СССР).

«Поэтому на следующий день на почте в Вохме царило небывалое оживление. Общество друзей радио, ОСОАВИАХИМ, редакции газет, Наркомат иностранных дел запрашивали подробности о принятом сообщении и о самом радиолюбителе. Шмидта просили продолжать наблюдения в эфире. Срочно выслали ему посылку с радиодеталями.

Сведения о Нобиле немедленно были переданы Комитету помощи «Италии», а оттуда через Совнарком – в итальянское консульство. В Риме эти сведения получили уже 4 июля». (1)

Как же сложилась дальнейшая судьба этого замечательного человека? Через некоторое время после событий 1928 года Шмидт и Смирнов были приглашены на работу операторами радиостанции «Малый Коминтерн» в Великий Устюг. В их обязанности входила трансляция иностранных и иногородних радиостанций. Затем, через три месяца, их вызвали в Москву, где они присутствовали на торжественном заседании, посвященном возвращению нашей спасательной экспедиции на «Красине». Общество друзей радио наградило их грамотами, а Николаю еще были вручены именные золотые часы.

Все эти события совершенно изменили жизнь обоих радиолюбителей. В Москве они прожили несколько месяцев. Работали в лаборатории, которой руководил П.В. Шмаков, впоследствии крупный специалист в области телевидения. Потом их вызвали на собеседование к И.Е. Горону, тоже ставшему известным радиоинженером. Он учинил им настоящий экзамен, а потом предложил поехать на работу в Ташкент, где были нужны люди, которые могли бы помочь в налаживании первых линий коротковолновой связи. Так Н. Шмидт стал работать в Управлении связи УзССР радиоинженером.

Некоторое время перед войной он выполнял функции начальника радиоотдела в Управлении. Он построил более 30 маломощных передатчиков, которые были установлены в узбекских городах. Некоторое время вместе со Шмидтом работал и Михаил Смирнов, затем судьбы друзей разошлись.

В начале Великой Отечественной войны Николай Шмидт был репрессирован по обвинению в шпионаже. Возможно, в этом сыграла свою роль его немецкая фамилия. В 1942 году он был расстрелян. Реабилитировали этого замечательного человека только в 1984 году. В Вохомском музее имеется справка, в которой говорится: «...12 июля 1984 г. Верховный Суд Узбекской ССР прекратил уголовное дело, по материалам которого в 1942 году был осужден Шмидт Николай Рейнгольдович. Шмидт Н.Р. реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления».

Прошли годы, но о Николае Рейнгольдовиче Шмидте жива память у его земляков.

Так, с 10 по 12 июля 1998 года в Вохме состоялась радиоэкспедиция, в которой приняли участие 10 радиолюбителей из Шарьи, Мантурова и С.-Петербурга. Среди участников были и школьники. За три дня работы радиолюбители провели 1300 сеансов, держали связь с 77 странами, в том числе и с Антарктидой. Во время июльской экспедиции был снят фильм, сделано множество фотографий, но, самое главное, учрежден Диплом имени Николая Шмидта. (2)

О.Н. ТРАВИНА,
преподаватель
Вохомского ПУ-25;
И.ЛЕБЕДЕВ, учащийся
ПУ-25

Примечания

1. Кудреватых Л.А. Избранное. – М. Советский писатель. – 1981. – С. 32.
2. Мигутина И.Ю. Хорошо, что кто-то еще помнит. – Вохомская правда. – 1998 г., 15 сентября.

ВОХОМСКОЙ ШКОЛЕ 135 ЛЕТ

История Вохомской средней школы уходит в далекий 1867 год, когда Никольское земское собрание открыло в селе Вознесенье-Вохма 1 сентября земское училище – начальную школу на шестикопеечный сбор с населения и на средства земства. Эта земская начальная школа явилась непосредственной предшественницей Вохомской средней школы. Учились в то время в земской школе дети купцов, зажиточных крестьян.

Декретом СНК РСФСР от 16 декабря 1918 года «О единой трудовой советской школе» и в с. Вохме были открыты школа II ступени и две школы I ступени. Преимущественное право поступления в школу II ступени имели дети рабочих, крестьян-бедняков, и только на свободные места приглашались дети середняков и служащих. Численность учащихся в школе II ступени была невелика: в 1924-25 году – 172 ученика и 10 учителей, в 1927-28 – 227 учеников и 12 учителей. Старшие группы, кроме общеобразовательных предметов, изучали спецкурсы, получали профильный уклон: педагогический, кооперативный, сельскохозяйственный.

В августе 1931 г. Вохомская школа II ступени реорганизуется: 5 и 6 классы составили Вохомскую ШКМ, а 8 и 9 классы стали первыми и вторыми курсами Вохомского педтехникума.

Трудными для учащихся и учителей были годы Великой Отечественной войны. Один за другим уходили на фронт учителя, почти каждый месяц осенью и в начале календарного года призывали в армию учащихся 9 и 10 классов. За годы Великой Отечественной войны на фронте погибли 5 учителей и более 40 выпускников разных лет. Их имена хранит «Книга памяти» Вохомского района, они написаны на стендах наряду с именами Героев Советского Союза.

Директорами школы на протяжении многих лет работали уважаемые люди, отличники просвещения СССР Г.С. Брянцев и Ю.А. Подобин. Они внесли неоценимый вклад в развитие школьных традиций, укрепление базы и повышение качества образования и воспитания детей.

В 1983 г. для школы было построено новое каменное трехэтажное здание, и она отпраздновала новоселье. Сейчас здесь учатся 680 детей. Школа уже давно стала центром местной маленькой вселенной. Но и в столицах учатся наши выпускники. Только в этом году студентами вузов (в том числе и престижных вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Ульяновска, Ярославля и т.д.) стали около 50 % выпускников.

Школа всегда давала своим выпускникам и профессиональные навыки – тракториста, шофера, доярки. Сегодня здесь обучаются водители не одной, а трех категорий АВС. Ежегодно около 63 % выпускников по окончании школы получают права водителя категории «А», «В», «С».

Здание Вохомской средней школы, построено в 1941 г. Фото 1979 г. (Ныне здание не существует).

Школа может гордиться своими выпускниками, такими, как Леонид Вениаминович Кузнецов, окончил школу с золотой медалью, после окончания института Международных отношений работал в Министерстве иностранных дел; Михаил Иванович Кузнецов – Герой Социалистического Труда; Лев Арсентьевич Каплин, Леонид Александрович Кудреватых, Леонид Николаевич Попов – поэты, писатели, члены Союза писателей России и др.

Талантливые ученики были всегда, но их талант наиболее полно раскрывается на олимпиадах. Растет число учащихся школы – призеров районных олимпиад и участников областных олимпиад, участников научно-практической конференции «Шаг в будущее», где наши ребята показывают неплохие знания. Многие учатся в заочных школах при вузах России, в Летней многопредметной школе. По итогам 2001-2002 учебного года 40 % учащихся закончили школу на «4»и «5».

В школьную программу вводятся сейчас такие предметы, как МХК, экология, экономика. Существует при школе и педкласс, выпускники которого ежегодно поступают в КГУ им. Некрасова и с успехом там учатся.

Создана у нас детская организация «Дружба» и клуб старшеклассников «Юность», приоритетным направлением деятельности которых является интеллектуально-познавательное. Работают в школе и различные кружки. Школа поддерживает тесную связь с районной библиотекой, ДТЮ, ДК. Сегодня у ребят большой популярностью пользуются волейбольная и баскетбольная секции. Каждое лето учащиеся совершают турпоходы по родному краю, которые организует учитель физкультуры В.Н. Скрябин. Создан при школе и краеведческий музей, где собран богатый материал по истории нашего края.

На сегодняшний день в школе работает 54 учителя-предметника. Интересен тот факт, что большая часть педколлектива – бывшие выпускники. 8 педагогов имеют высшую квалификационную категорию, 25 – первую, 8 человек удостоены звания «Отличник народного образования». О квалификации нашего педколлектива говорит и тот факт, что в 2001 году учительница русского языка и литературы Е.П. Окуловская стала победителем областного конкурса «Учитель года». А возглавляет коллектив директор школы В.Н. Чигарева, заслуженный учитель РФ. И во многом благодаря именно ее опыту, таланту, стараниям, школа считается лучшей не только в районе, но и в области. Нашим учителям благодарны многие поколения вохмичей. Не случайно каждый год они приходят в родную школу, чтобы сказать слова благодарности тем, кто дал им путевку в жизнь.

Н.П. ПОПОВА,
заведующая отделом образования администрации Вохомского района

В школьном музее. Фото 1961 г.

ОТ КРУТОЙ ГОРЫ ДО ХОРОШЕЙ

О детских экскурсиях по родному краю рассказывает Владимир Николаевич Скрябин, учитель физкультуры Вохомской средней школы

– Владимир Николаевич, расскажите, как к вам пришла страсть к туризму?

– Уже со второго класса с ребятами ходили в «стихийные» походы, правда, организаторами выступали старшеклассники. Малышей никто не обижал. Ходили от дома на 5-15 км. С собой брали продукты, ведра, посуду, одеяла. Бывало, уходили на две ночи на реки Малую, Великую, где водится много пескарей, ельцов, хариуса. В лесу наблюдали, как с дерева на дерево перепрыгивают белки. Встречались с очень осторожной куницей. На реке наблюдали за жизнью бобров. Как они строят плотину, плавают, чистят свою шкурку.

Ребята рассказывали, как встретили в лесу медведицу с медвежатами. Все обошлось , так как было приличное расстояние. Встречались с енотовидной собакой и росомахой.

Однажды ходили с тремя ночевками. Большинство «дневали» в тюрике (конусообразный шалаш), ходили на Росомахинское болото. Запомнилось, что в одном месте «подняли» лося из лужи, он укрывался в ней от насекомых. А на просеке нашли останки медведя с отрезанными задними ногами. Еще запомнилась на болоте сладкая прошлогодняя клюква, которую ели горстями.

– Любовь к природе, к лесу – это от родителей?

– Вся жизнь, весь быт семьи, живущей в селе, связаны с природой. Она кормилица и помощница. Дважды бывал на сенокосе с отцом и старшим братом Николаем. Сенокос находился в 40 км от дома в 2-х местах р. Малой, на р. Паломке. Жили в шалаше по несколько дней. Однажды отец ушел косить в 3 часа, а мы с братом остались в шалаше. Отец по следам определил, что к нам подходил медведь. Страха не было, была какая-то детская бравада.

Запомнились большие ровные сосны, которые растут на большой территории в несколько километров. Ровная земля, почти без травы, усыпанная сосновыми шишками, боровые рыжики.

В августе-сентябре всегда ходили за грибами за Маслетику, Рассоху, Адамову лыву. В урожайный год ходили в лес по 10 раз: самые заядлые собирали грибы на продажу.

– А как вы стали учителем?

– В 1977 году закончил Верхне-Ентальскую среднюю школу. Поступил в Кировский горный техникум Мурманской области. Учиться не стал, вернулся домой. Два года проработал в Ентальском леспромхозе. А потом решил поступить в Вологодский государственный пединститут. Закончил его в 1983 г. и работал учителем физкультуры в Завражской средней школе Никольского района Вологодской области. В мае-июне мы всегда организовывали походы на р. Юг с ночевками. А в первый организованный поход на байдарках ходили по рекам Леже, Комеле под Вологдой в 1982 г.

В 1986 г. переехал в Вохму и работал учителем Вохомской средней школы. У меня двое сыновей – Дима и Николай и приемный сын Роман – служит в армии. Жена – учитель музыки в этой же школе. Все мы заядлые туристы.

В 1987 году ходили с женой в поход на 10 дней на байдарках по Карелии. Был пеший поход в Кировскую область через Вологодскую. Маршрут проходил по старым, знакомым с юности местам. Посетили дом-музей маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Участниками похода были все желающие восьмиклассники. Протяженность маршрута около 120 км, продолжительность 7 дней. Одна дневка была в д. Княжая (волок с Великого Устюга на Вятку).

В 1996 году сплавились на лодке от п. Карюг по речке Карюг до Воробьевицы с двумя сыновьями и двумя пле-

мянниками (10-14 лет) в два приема, в общей сложности 9 дней.

В 1997 году сплавлялись в половодье от п. Воробьевица до устья р. Вочки за 3 дня тем же составом. В этих походах не было ни фотоаппарата, ни приемника, ни спальных мешков.

В школе ежегодно в конце учебного года устраивали одно-, двух-, трехдневные походы, турслеты.

– *Какие походы вам нравятся, и чем интересен их итог?*

– В 1998 году запомнился недельный водный поход на 3 лодках под эгидой отдела молодежи (заведующая отделом Н.В. Скрябина). Из числа желающих отобрали 10 учащихся Вохомской средней школы.

Маршрут был намечен от р. Пеномы до села Троица. Ребята решили во что бы то ни стало пройти по этому маршруту. Они подолгу были на воде, сильно уставали, но очень были довольны, что смогли преодолевать все трудности. Это испытание на выносливость они выдержали. Интересно было это путешествие тем, что появилась возможность испытать свои силы. Памятен в 1998 году 8-дневный поход от Троицы до Красной Горы (п. Шайменский) на Ветлуге. Дневка на устье р. Леком (у д. Марково). Стояла очень жаркая погода, до + 30° С. Сплавлялись не спеша, много отдыхали, купались, играли в футбол, ловили рыбу на спиннинг. Сплавлялись на 4 лодках 11 чел. От Крутой горы добирались на тракторе через Шайменский до Хорошей. От Хорошей на автобусе до Вохмы, а лодки везли на МАЗе.

Особое дело, конечно, зимние походы, был такой в 2001 г. лыжный поход с ночевкой. С погодой не очень повезло – ветер, снег, плохая видимость. Сбились с пути и прошли лишних 5 км. В темноте добрались до охотничьего домика по электролинии. В пути были с 11 до 21.00. Ужин готовили дружно, но кушали в полночь. На другой день не спешили, сначала нашли верный путь. Через час вышли на свой след. Его не перемело только в лесу. Обратный путь занял на 3 часа меньше. Шли по ветру и не плутали. Здорово устали. Особенно в первую дорогу. Но ребята остались довольны, и никто не сожалел. Получилось много интересных фотографий. Одна особенная – мы все стоим в пурге... Из таких походов и рождается умение ребят дружить, быть выносливыми, собранными, ответственными. Они получают много практических навыков, учатся наблюдать и любить природу. Кроме того, каждый поход расширял их знания по истории родного края, тех сел и деревень, которые мы проходили, тех школ, где мы останавливались и где нас ждали интересные концерты или встречи, общение со сверстниками...

Родные места. Фото 2003 г.

Записала
С.Ю. ТИМОШИНА,
заведующая отделом по делам молодежи и спорта администрации Вохомского района

«И СЛЫШЕН ЗВОН ИЗДАЛЕКА»

Библиотечное краеведение в Вохомском районе складывалось на протяжении многих лет. По словам известного писателя Виктора Астафьева: «Библиотека села – окошко родного дома, где всегда светит приветливый огонек». Вот и спешат на огонек в Вохомскую центральную библиотеку ее постоянные читатели, а их более 1300 человек.

Для молодых читателей работают клубы по интересам (совместно с отделом администрации района).

«ЛАД» (любители активного досуга) – это помощь молодым семьям в решении психологических, экономических и юридических проблем семьи, организация интересного досуга.

«Тили-тили-тесто» – клуб подготовки молодежи к семейной жизни. Перед ребятами выступали Н. Гурова – заведующая загсом, медработник Л. Ахмеджанова. Все читатели участвуют в ролевых играх, отвечают на вопросы тестов.

«Настоящая леди» – цель клуба научить девушек культуре общения, этикету. В программе встреч - беседы, тесты, тренинги.

«Дела мужские» – клуб для юношей, учащихся ПУ.

Все занятия сопровождаются играми, конкурсами, викторинами. Поэтому участники клубов имеют возможность проявить себя, свои знания и умения.

Полюбила молодежь поселка интеллектуальные игры, проводимые библиотекой.

«Диалог» – в рамках клуба старшеклассникам оказывают помощь в выборе профессии с помощью тестов, дискуссий, деловых игр, организуют встречи с представителями интересующих их профессий и студентами высших и средних специальных учебных заведений.

Немало ярких впечатлений подарила вохмичам литературно-музыкальная гостиная, основанная в 1991 г. Г.Я. Скрябиной. В настоящее время ее ведущая Н.В. Герасимова. Одно из последних занятий посвящено было 180-летнему юбилею А.Н. Островского.

Новая задумка библиотекарей – создать для женщин-руководителей клуб «Дама» (деловитость, аккуратность, мудрость, азарт). Женщины знакомятся с творчеством писателей, поэтов, активно участвуют в интеллектуальных играх. На одном из занятий порадовал участников русский романс в исполнении заслуженных работников культуры РФ В.И. Чичериной и Н.Н. Сергеевой. Слушаешь, и забываешь обо всех проблемах. А их у женщин, тем более у деловых, всегда предостаточно. После таких встреч проблем не убавляется, зато душа отдыхает.

Событием прошлого года для вохомских жителей был 55-летний юбилей поэта Л.Н. Попова, члена Союза писателей России. Юбилей поэта – это значимая дата не только для библиотек, но и для всего района, поэтому библиотека подготовила прекрасный вечер «Сокровенное чудо души».

Надо отметить, что книги костромских писателей в Вохомском районе любят читать. В библиотеках оформлены постоянно действующие выставки о творчестве писателей-костромичей.

Интересной была встреча с А.В. Смердовым – агрономом по образованию, а в настоящее время он работает в редакции районной газеты. Несколько его рассказов напечатано в коллективных сборниках «Первое созвездие».

Заключительная в 2002 году гостиная «Слышен звон бубенцов издалека» была посвящена символу уходящего года – лошади. Изюминкой вечера стало знакомство с коллекцией колокольцов и бубенцов нашего постоянного участника гостиной А.В. Смердова. Он большой любитель лошадей, собирал коллекцию, которая насчитывает более 140 экземпляров. В нее вошли цыганские колокольцы, скотские колокольчики, дверные - для прислуги, поддужные бу-

бенцы (ожерелки, шаркунцы, подзвонники ямские (дар Валдая), колокольчики из Касимова, чугунный колокольчик, которому 170 лет, мастера Макушина, слободские колокольцы братьев Поповых, царский бубенец мастера Ивана Кислова и многие другие. Анатолий Витальевич не просто собирает экспонаты, он интересуется историей создания колокольцов, изучил всю литературу на эту тему, поэтому его рассказ оказался ярким и запоминающимся.

Работая по теме краеведения, библиотекари не забывают знакомить читателей с историей своего вохомского края. И в этом большую помощь оказывают старые фотографии, наглядно раскрывающие наше прошлое.

В Воробьевицкой сельской библиотеке организовали развернутую фотовыставку: «Мы живем в Воробьевице». С трудом хватило места в актовом зале школы для ее размещения. Жизнь поселка отражена в более чем 200 фотографиях. Открытие выставки превратилось в незабываемый праздник. На встречу с учащимися пришли уважаемые в поселке люди, те, кто помнит, как все начиналось: первый директор школы Н.А. Алешкова, старейшая работница лесопункта Л.М. Пузанова. Ребята слушали с нескрываемым любопытством, задавали много вопросов, пели песни о любви к родному краю, читали свои стихи. А молодых поэтов в Воробьевице тоже немало.

Каждый в тот день почувствовал сопричастность к происходящему, к своей малой родине. А если человек любит Родину, значит, он не безродный и будет гордиться своим краем, своими людьми.

Т.Л. ВОЕВОДИНА,
директор ЦБС

Брейн-ринг «Всякая всячина» в библиотеке. Фото 2002 г.

Хронограф

ПРОСВЕЩЕНИЕ

1844 г. В Никольском уезде открываются первые церковно-приходские школы. Лапшинская школа в с.Лапшино – самая древняя школа края.

1870 г. Открытие земских учреждений в Никольском уезде.

1888 г. Построено каменное здание для церковноприходской школы в с. Вознесенье – Вохме.

1889- 1900 гг. В Никольском уезде отрыто 21 народное начальное училище и 50 церковноприходских школ.

1910-е г. – создание культурно-просветительских обществ врача М.Осипова. Открытие на средства земства первой библиотеки в д. Тарасиха при чайной.

1916 г. В с. Вознесенье- Вохме в четырех школах, в начальном министерском, городском, ремесленном училищах и церковноприходской школе обучалось 390 учащихся и работало 15 учителей.

1918 г. Декретом ВЦИК от 16 октября все типы школ были реорганизованы в школы первой ступени.

1919 г. Открытие краеведческого музея.

1920 г. Открытие Народного дома им. Луначарского(позднее Крестьянско - рабочий театр).

ОЧАРОВАНИЕ ПЕЙЗАЖА

С каждым из нас такое случается. Где-нибудь на реке в теплый ласковый день выйдешь на берег и... Замрешь, затаишь дыхание. Деревья, кусты ракиты на другом берегу словно заколдованные. И вода в реке прозрачная, тихая, нежная. И воздух густой и сладкий, так что пить его хочется большими глотками. И охватывает тебя сожаление: ну почему ты не художник и не в силах унести с собой всю эту красоту, чтобы запечатлеть и показать другим...

Художник Виталий Георгиевич Пономарев живет в старинном русском селе Никола. В Вохму приезжает каждый сезон с новыми работами. «Заветная тропинка», «Засмотрелась», «Бабье лето», «Две подружки»... Казалось бы, ничего нового в этих пейзажах, но почему-то останавливаешься и не хочется уходить. Притягивает ощущение жизни, которая только внешне как бы замерла на холсте, а на самом деле цветет, дышит, ведет с нами свой разговор.

Постоим у его любимой картины «На опушке».

– Это наши, никольские места, – говорит Виталий Георгиевич. – Я родом из Николы, детство и юность провел там же. Почему именно это место захотелось нарисовать? Понравилось. Если бы вы там побывали, увидели, ручаюсь, тоже почувствовали бы что-то особенное, неповторимое...

– Нередко приходится слышать: увидел – и захотелось взяться за кисть. Что для вас, художника, важнее, что «увидел» или что «почувствовал»?

– Увидеть и почувствовать – совершенно разные вещи. Даже одно и то же место в разное время разное... Идешь, вроде, все такое знакомое: лес, поляна, опушка... а другой раз идешь и вдруг: как же я раньше этого не видел? Такая красота – невероятно! А наша река Вохма? Ее можно писать в любое время года, и она всегда новая. В природе есть свой закон: она и постоянна, и изменчива. Мне нравится в ней все. Представьте, выйдешь на берег озера, а там ветерок гуляет, тучки на небе, и хочется вздохнуть полной грудью. Разве передашь это словами?..

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна...

Невольно вспоминаются эти строки Николая Заболоцкого. Когда беседуешь с Виталием Георгиевичем, смотришь на его картины, конечно, веришь, что ему эта «подлин-

На открытии выставки В.Г. Пономарева в краеведческом музее.

ная радость» открыта. Впрочем, радость эта открыта каждому из нас в детстве. А растем, поднимаемся от земли – и уже забываем про маленьких насекомых, не замечаем цветов, не радуемся шороху листьев.

Как же сохранить, уберечь в себе дар художника? Как оставить во взрослой душе непомятые цветы, огненно-красные закаты? Как часто нужно бывать в лесу, чтобы сродниться с деревом и никогда потом не поднимать на него руку?

Не потому ли Пономарев и стал художником, что его предки – простые русские крестьяне, боготворившие землю, воду, воздух и черпавшие от них силы. «Когда нахожусь в лесу, – добавляет он, – чувствую каждый листочек, каждую травинку. Я сливаюсь с ними».

Но есть у Виталия Георгиевича другая страсть – рыбалка, которая не только не мешает, а напротив, заряжает, дает толчок, вдохновляет.

У Пономарева художественное образование, он закончил худграф Костромского педагогического института, рисовать начал еще в школе и сразу решил связать с этим свою жизнь. Решению сына и родители противиться не стали, вовремя увидели и оценили особый природный дар мальчика. Учился у природы, у художников разных времен и народов. Работал в Вохме учителем рисования и черчения, художником-оформителем.

– Иду, скажем, в лес, – рассказывает Виталий Георгиевич, – увидел мельком какой-то кусочек природы, сразу хочется запечатлеть. А потом еще и возвращаюсь к этому месту. Пишу только с натуры. Природа вносит гармонию в беспорядок нашей жизни. Отрадно слышать, что мои пейзажи успокаивают, создают настроение, а кого-то возвращают в детство.

С 1994 года картины Пономарева стали покупать, и он решил уже заниматься не только живописью, но и иконописью, резьбой по дереву.

Художник А. Пластов назвал душевное состояние, в котором рождается пейзаж, «тихими островами спокойствия»... Именно такие чувства и рождают пейзажи Пономарева. «Тихие острова», где отрадно оказаться после житейских невзгод и разочарований, где душа успокаивается, мысли проясняются и каждое твое движение заполняет разлитая в пространстве нежность...

И.Ю. МИГУТИНА,
научный сотрудник
Вохомского музея-
заповедника КОИАМЗ

Хор ветеранов Вохомского района. Фото 2002 г.

ИЗ ИСТОРИИ ВОХОМСКОГО ЛЕСПРОМХОЗА

Даже старожилы не помнят, когда точно начались лесоразработки в Вохомском районе.

Реки Ветлуга и Вохма с их притоками служили хорошим дешевым транспортным путем для доставки круглого леса в такие города, как Нижний Новгород, Царицын, Астрахань.

Вся древесина, заготовленная в верховьях реки Вохмы, а также по реке Ветлуге, сплачивалась в плоты, матки, полуплоты. Основными сортиментами были гидролес, шпальник, палубник, телеграфный столб, роттердамские и амстердамские сваи.

Наемные крестьяне объединялись в артели и на зиму уходили в леса. Жили они в так называемых зимницах, где не было ни окон, ни полов. Основным инструментом в лесу были топор и поперечная пила. Вывозка леса осуществлялась волоком на лошади, а зимой на санях.

Первое в крае лесозаготовительное предприятие называлось «Москвотоп», а затем было переименовано в транспортно-лесной отдел наркомата путей сообщения (ТЛО НКПС).

1929 г. Образован Вохомский лесозаготовительный участок с местом расположения конторы в с. Вознесение-Вохма Северо-Двинского округа (Лестранхоз). Первым начальником был назначен Г.П. Медвечихин.

Зимой 1929-1930 годов заготовлено 187,1 тыс. куб. при плане 185,9 тыс. куб. м.

Один только мастерский участок «Разбойница» за зиму заготовлял и вывозил 62 тысячи куб. м. Ежедневная заготовка и вывозка превышала 13 тысяч куб. м.

1933 г. Вместо артелей стали создаваться бригады по 7-9 человек. Первым руководителем такой бригады был В.А. Тарасов. Впоследствии он длительное время работал начальником Вохомского и Нюрюгского лесопунктов.

1936-37 гг. На зимний сезон лесозаготовок было направлено из колхозов района 1110 лесорубов и 2567 возчиков с лошадьми. Планом предусматривалось строгое сортиментное задание. Основными сортиментами были – пиловочник, строительный лес и небольшой процент подтоварника и фанерного кряжа.

В 1937 году на заготовке и раскряжовке вместо поперечной пилы внедряется лучковая пила. На вывозке леса с целью увеличения нагрузки усовершенствуются крестьянские сани и строятся зимние поливные ледяные дороги с применением саней СЛЗ. На вывозке леса по ледяной дороге за один рейс доставлялось до 10 кубометров леса. Первыми передовиками, заготовлявшими за сезон 1000 кбм на лесоруба, стали С.Н. Южанин, В.А. Тарасов, З.П. Суханов, Я.Ф. Путилов, Н.Ф. Швецов, А.А. Будилов.

Первостроители Вохомского леспромхоза. Фото нач. 1960-х гг.

Нижнескладская бригада Виталия Плюснина (третий слева в первом ряду). Фото 1965 г.

1948 г. В лес начали поступать механизмы. Первыми из них были электропилы «ВАКООП», передвижные электростанции ПЭС-12-200, газогенераторные трактора КТ-12, лесовозные машины ЗИС-21 и т. д.

1950 г. Вводится в действие В-Нюрюгская УЖД, в 1952 г. строится Чабрская УЖД, Нюрюгский леспромхоз переходит на автомобильную вывозку древесины по лежневым дорогам.

1952 г. На повале леса внедряются более совершенные электропилы К-6, трелевочные трактора и автомобили на вывозке леса.

Обустраиваются лесные поселки. Лесозаготовители живут в 2-, 4-квартирных домах, в каждом поселке имеются хорошие клубы, магазины, столовые, пекарни, бани, медпункты и производственные здания.

Вохомский леспромхоз становится одним из перспективных лесозаготовительных предприятий области. В сырьевой базе, закрепленной за ЛПХ, насчитывается около 8 миллионов кбм перестойных и спелых насаждений. К началу 70-х годов быстрыми темпами наращиваются производственные мощности, возрастает техническая вооруженность. Происходит механизация трудоемких процессов: на нижних складах работает 30 цепных транспортеров Б-22. На обрубке сучьев работают сучкорезные машины ЛО-72.

В 1973 году объем вывозки достиг 569,7 тыс. кбм. За девятую пятилетку было заготовлено и вывезено 2766 тыс. кбм.

С 1969 года леспромхоз ежегодно перевыполняет государственный план и является в числе первых по объединению «Костромалеспром».

С 1965 по 1977 годы директором леспромхоза был Храмов Александр Федорович. В эти годы в леспромхозе происходят большие перемены: укрупняются лесопункты, все нижние склады механизируют и переводят с малых рек на магистральную реку Вохму.

С 1983 по 1990 годы Вохомский леспромхоз добивается высоких производственных показателей. Коллектив леспромхоза являлся победителем во Всесоюзном соцсоревновании и не раз награждался Почетными Дипломами Министерства лесной промышленности и другими наградами.

В настоящее время предприятие называется ООО «Леспромхоз Вохма» и входит в состав ООО «Лесопромышленный комплекс», находящегося в г. Шарье Костромской области.

Составлено по записям и воспоминаниям ветеранов Вохомского леспромхоза

ЗЕЛЕНОЕ ЗОЛОТО

«Золотом» Вохомского края по достоинству можно считать леса, общая площадь которых составляет – 243 тыс. га.

Наши леса богаты дарами природы. Здесь произрастают многие виды съедобных грибов и ягодных растений, сосредоточены все основные представители охотничьей фауны.

Охраной, защитой и воспроизводством лесных кладовых Вохомского района занимается Вохомский лесхоз, история которого начинается с 1936 года, с издания приказа по Верхне-Волжскому управлению лесоохраны и лесонасаждений от 1 октября 1936 года. В состав лесхоза вошли лесные массивы Вохомского леспромхоза Северо-Двинского округа. На образованное предприятие были возложены проведение лесокультурных мероприятий в лесных массивах водоохранной зоны, организация лесного хозяйства, охрана лесов и соблюдение правил ведения лесного хозяйства, борьба с лесными вредителями и лесными пожарами. С момента организации лесхоза в первые годы нужно было ликвидировать захламленность лесов, так как мелкие заготовители производили рубку леса без очистки мест рубок, в результате большие площади были захламлены, что создавало опасность в пожарном отношении. Так, в 1937 году лесными пожарами была охвачена площадь более 12000 гектаров.

Кроме выполнения своих основных функций, коллектив лесхоза работал на оборону страны, ежегодно поставляя военному ведомству 10000 пар лыж, 500 зимних саней. Был организован цех ширпотреба, который вырабатывал товары народного потребления: пиломатериалы, сани-дровни, колеса, кровельную дранку, смолу, скипидар, паровой деготь, берестяные туески, гончарные изделия, корзины, лопаты. Развивалось подсобное хозяйство, в котором имелось 50 коров, 300 овец, 100 пчелосемей. Сеяли зерновые культуры на площади 40 гектаров. Коллектив лесхоза был работоспособный, дружный, сплоченный. Планы выполнялись успешно, и лесхоз всегда был в числе передовых. В годы войны, чем могли, помогали фронту. Так, в 1944 году работники Вохомского лесхоза собрали из своих личных сбережений и внесли в госбанк 24500 рублей на строительство танков, за что получили телеграмму: «Вохма Вологодской области, директору лесхоза тов. Жилинскому. Прошу передать работникам Вохомского лесхоза, собравшим 24500 рублей на строительство танков, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

В 1996 году в состав Вохомского лесхоза включен лесной фонд ТОО «Рассвет» общей площадью 3984 га. Затем следовала полоса многочисленных реорганизаций в лесном хозяйстве. В 2000 году из состава Вохомского лесхоза был передан лесной фонд в административных границах Октябрьского района вновь образовавшемуся Октябрьскому лесхозу площадью 76,3 тыс. га.

На базе лесхоза работали пять школьных лесничеств, одно из которых – Семеновское – существует и по сей день, имея свою 32-летнюю историю. За время существования Вохомским лесхозом произведена посадка леса на площади 17206 га (Вохомский район) и на территории Октябрьского района – на 11489 га.

Возрождение леса начинается с семечка, собранного заботливыми руками лесоводов и посаженного в благотворную почву. Заботливые руки перенесут посадочный материал в лес, создавая новые насаждения. И здесь их не оставят без внимания лесники, освобождая им путь к солнцу. Лес вырастет, но и тогда не останется без забот и охраны. Более тридцати лет трудовой деятельности посвятили лесхозу такие работники, как: А.М. Жилинский, В.И. Чичерина, С.С. Баев, Н.А. Баев, П.А. Потапов, М.Т. Рогачев, Н.С. Большаков, А.П. Глушков, А.А. Кулаков, Л.И. Куклин, В.А. Митин, Н.В. Андрианова и другие.

Подготовлено
Е.Г. ШИРЯЕВОЙ

О ПРОВИНЦИИ С ЛЮБОВЬЮ

Беседа с Галиной Васильевной Скрябиной, заместителем главы самоуправления Вохомского района

– Галина Васильевна, слыхали мы, что Вохму называют столицей северо-востока. Как бы вы это объяснили?

– Очень просто: во-первых, это сложилось исторически – из Вохомского края в разные годы при переделе административных границ были выделены и Октябрьский, и Павинский районы. Во-вторых, большое старинное село Вознесенье (Вохма) имело богатые духовные, культурные, торговые традиции. Здесь на ярмарках продавался хлеб и хлебные изделия, мясо, сало, мед, воск, холсты, пенька, смола, привозимые из Вятки телеги, тарантасы, колеса, сбруя. Земли здесь слыли плодородными и давали хороший урожай хлеба. Местные жители занимались в основном земледелием: сеяли рожь, лен, коноплю, изготовляли деготь и смолу, занимались скотоводством, звериным и птичьим промыслами, заготовкой и сплавом леса.

Промышленность была представлена винокуренными заводами купцов Ногина и Казакова, несколькими водяными мельницами и мелкими кустарными производствами – кожевенным и маслобойным. В селе были салотопенный и свечной заводы, пряничное и крендельное производство.

Восстановленное здание сгоревшей Лапшинской основной школы. Народная стройка. Фото 2002 г.

К середине XIX века в селе Вознесенье (Вохма) была одна начальная и одна церковно-приходская школа, земская больница, ремесленное и городское училища, почтово-телеграфное отделение. На территории, принадлежащей селу, проживало почти 70 тысяч населения.

Вознесенское просветительское общество считалось тогда одним из активнейших в Никольском уезде. В местной библиотеке общества имелось 1800 книг, члены общества ставили спектакли, концерты, читали лекции.

В 1918 году на базе общества возник в селе и свой крестьянско-рабочий театр, основателем которого стал наш земляк, первый пролетарский драматург Петр Сидорович Козлов. Им написано более 20 пьес.

С февраля 1932 года в Вохме начала выходить газета под названием "Вохомский колхозник". Спустя 30 лет она обрела новое название – "Вохомская правда".

Так что не такой уж это был "медвежий угол", как иногда считается. Однако, с точки зрения столичного жителя, Вохме, конечно, не хватает цивилизованности, многих бытовых удобств и многих средств для развития сельского хозяйства и иных сфер производства. И в образном смысле: нам еще

предстоит поднять со дна реки времени то легендарное золото, тот клад, который таит наша земля, чтобы стать цивилизованней.

– *Что же это за клад у "Вохмы – золотого дна"?*

– Вот ответ, который вам покажется банальным, но это так и есть. Наш клад – удивительные, восхищающие меня люди: талантливые, трудолюбивые, простодушные, веселые, гостеприимные, добрые и отзывчивые на чужую беду. Именно благодаря им я полюбила Вохму, полюбила и поняла свою профессию учителя, проработав 17 лет в школе, рядом с такими замечательными людьми, как Юрий Анатольевич Подобин, бывший директор Вохомской средней школы, как учительницы русского языка и литературы Антонина Михайловна Левашева, Валентина Николаевна Третьякова, Нина Кирилловна Ширяева, которые помогли мне развиться как личности, как учителю, как руководителю.

Образование всегда должно оставаться приоритетной сферой жизни, тем более на селе. Но мы знаем, как часто должное расходится с тем, что получается на деле. Вохме повезло, что главой самоуправления избрана была заслуженный учитель РФ Надежда Борисовна Шадрина, человек, хорошо знающий проблемы социальной сферы.

Профессия учителя у нас в почете, потому что его творчество преображает культурную жизнь села. Творчество таких педагогов, как Нина Павловна Попова, Нина Валентиновна Чигарева, Нина Дмитриевна Генералова, Нина Александровна Дементьева, Галина Николаевна Огаркова, а также Вениамина Антоновича Шадрина и многих других.

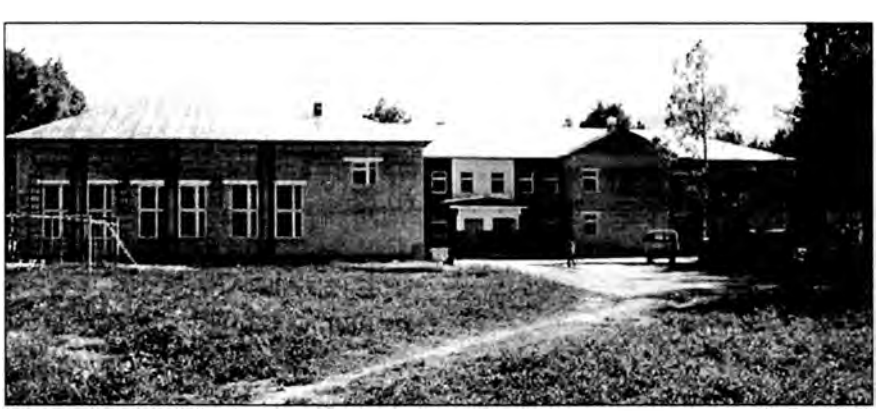
В Вохме всегда больше всего ценили и уважали людей, которые умели и любили работать и дело делали не только для себя – для общества. Такие люди в Вохме были на виду. Хочется вспомнить сегодня, в день нашего праздника, их имена. В 1970-1980-е годы в районе ведущей отраслью стала лесозаготовка благодаря таким людям, как Василий Васильевич Плотников – заслуженный работник лесной промышленности РСФСР (1989), как Дмитрий Алексеевич Ермолаев, бригадир лесозаготовительной бригады. За 40 лет работы Д.А. Ермолаев был награжден орденом Ленина, орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени.

Промышленность села сегодня представлена муниципальным предприятием "Вохомский маслосырзавод", где когда-то трудилась Герой Социалистического Труда мастер-сыродел Валентина Ивановна Буракова. Продукция маслозавода сыр "Кубань" удостоена золотой медали на Российской агропромышленной выставке в 2002 году.

Значительную роль в обеспечении жизнедеятельности как Вохмы, так и района играют такие предприятия, как: ОГУ "ДЭП-29", "ДЭП-31", "МЭП-7", ОАО "Вохомское АТП", хлебозавод, ОАО "Вохомское", ДХ ООО "Вохомская заготконтора", филиал ОАО "Костромателеком".

Одним из наших ведущих специалистов в дорожной отрасли является Валентин Александрович Попов, руководитель ОГУП "ДЭП-29", проработавший здесь 27 лет, награжденный орденом Трудового Красного Знамени и Знаком отличия "Почетный дорожник".

Квалифицированную медицинскую помощь вохмичи могут получить в центральной районной больнице, где некогда работали заслуженные врачи РСФСР Екатерина Семеновна Кузнецова, Анна Нико-



Новое здание Петреновской школы. Фото 2003 г.

Хореографический ансамбль «Парадокс». Фото 2002 г.

лаевна Русяева и Николай Григорьевич Плишкин.

– Галина Васильевна, а чем объяснить то, что в Вохме сохранились, почти в первозданной чистоте, многие традиции самобытной народной культуры?

– Действительно, я помню с детства обычаи, которые наблюдала в своей родительской деревне Огарково, и они мало изменились. Когда заканчивается цикл летних и уборочных сельскохозяйственных работ, вся деревня собирается на братщину, ставится к этому дню чанное пиво, на столе – пироги, грибы, соленья. Непременно участвует в празднике гармонист. Старинные хороводные песни и частушки многие знают наизусть...

В Вохме много энтузиастов народного творчества, таких, как заслуженный работник культуры Валентина Ивановна Чичерина, директор детской музыкальной школы. Она же руководитель Вохомского хора ветеранов, участники которого с молодых лет хорошо знают песенные традиции края. В 2002 г. по инициативе В.И. Чичериной в детской музыкальной школе мы открыли фольклорное отделение, приобрели народные музыкальные инструменты, и вот уже на последнем зональном фестивале детского народного творчества "Щедрое яблоко" вохомские ребята были отмечены дипломом первой степени.

И.Ф.Пигина на открытии своей выставки. Фото 2003 г.

В меру сил мы стараемся поддерживать и людей, которые занимаются народными промыслами. Славятся вохомские половики, которые ткут Зинаида Александровна Куковертова, Агния Ивановна Травина, Любовь Михайловна Чичерина, Антонина Мелетеевна Попова, руководитель районного Дома ремесел.

Удивительно красивые изделия из ивового прута получаются у мастеров А. Онучина и Е. Сафонова, мебель и наличники в традициях вохомской резьбы хороши у Сергея Татаринова, Николая Огаркова, Николая Дудина и Александра Худынцева. Мы стараемся поддержать людей творческого труда, помогая организовать авторские выставки.

Вот, например, у Ираиды Федосеевны Пигиной – уникальный дар, не первый год она занимается вышивкой картин, причем используя при этом бисер, любой природный материал. Понятно, что, занимаясь с детьми в Доме ремесел, она передает свой талант ребятам, обучая их дизайну и вышивке...

– Извините, Галина Васильевна, можно уточнить, что значат ваши слова: "стараемся поддержать"?

– Думой в Вохме утверждена районная программа развития краеведения на 2003-2005 гг., которая предполагает материальные затраты не только на проведение таких традиционных в районе праздников,

как "Играй, гармонь, звени, частушка!", на подготовку, например, к фестивалю народного творчества "Радуга" или на хореографический коллектив Вохомского ДТЮ "Парадокс" (руководитель Е.С. Попова), постоянного участника фестивалей. По этой программе идет финансирование ремонта здания краеведческого музея, издание материалов по народной культуре, краеведению и так далее.

Много у Вохомской администрации проектов, которые в стадии разработки, – наиболее значимые программы: "Дети Вохомского района" (запланировано строительство нового стадиона в п. Вохма), "Система развития образования в Вохомском районе" (важным моментом здесь является сдача в этом году муниципальной Петрецовской средней школы) и так далее.

– Галина Васильевна, скажите, как это вам удается с оптимизмом жить в наше непростое время?

– Что касается работы? Я, наверное, повторюсь... Нам в районе повезло с лидером. Поверьте, от этого многое зависит. Заводной характер, терпеливая требовательность, настойчивость в решении всех вопросов и тот самый оптимизм – такие необходимые черты характера для руководителя. В общем, Надежда нам дает надежду, что все программы постепенно будут менять жизнь в Вохме к лучшему.

– А самое больное место?

– Их, на мой взгляд, два. Сейчас крайне нужна поддержка молодым семьям в обеспечении их жильем, в организации кредитов для покупки дома и т. д.

И второе: что-то надо делать с укоренившимся на селе пьянством. Печально видеть, как деградируют молодые люди и даже целые семьи. Пьют больше от безысходности, нет стимула, нет выбора, нет работы, которая бы удовлетворяла. Оздоровить нравственный климат в государстве, нам, конечно, не под силу. Но в Вохме, благодаря таланту и трудолюбию людей, уверена, многое в жизни можно еще изменить к лучшему.

Татьяна ГОНЧАРОВА

Редакция благодарит Г.В.Скрябину за помощь в организации материалов номера.

Хронограф

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1918 г. В Вохомском крае создана первая сельскохозяйственная коммуна. В нее вошло 5 единоличных хозяйств.

1938 г. Выданы Государственные акты на вечное пользование землей.

1940 г. Создано 350 колхозов. В районе было 37760 голов крупного рогатого скота, 17055 - коров, свиней - 5600, лошадей - 11650. Урожайность зерновых была 9 ц/га, льноволокна – 1,5 ц/га, льносемян – 2,3 ц/га.

50-е гг. Началось создание МТС, укрупнение колхозов и создание совхозов из экономически слабых колхозов (создано 4 совхоза).

Конец 60-х г. В районе было 13 колхозов и 4 совхоза.

70-е г Началась специализация в сельском хозяйстве. Было создано откормочное хозяйство им. Ленина, овцеводческое хозяйство «Красный Сокол», специализированное хозяйство «Восход» по направленному выращиванию телят.

1993 г. Проведена реорганизация хозяйств, земельная реформа. В результате преобразований сельскохозяйственные угодья района перешли в частную собственность. Были созданы 17 ТОО.

1999 г. В соответствии с Гражданским кодексом ТОО были реорганизованы в сельскохозяйственные производственные коллективы (СПК).

2003 г. В районе работают 17 СПК. Общая земельная площадь равна 108 тыс. га, из них 41,5 тыс. га сельскохозяйственных угодий, 32 тыс. га пашни. В структуре посевов зерновых 40 % занимает овес. Товарными культурами являются пшеница и озимая рожь. Животноводство в районе занимает ведущее место. Оно дает более 70 % денежной выручки, и в этой отрасли занято более 40 % работающих в сельском хозяйстве.

ОБ ОСНОВАНИИ СЕЛА ВОЗНЕСЕНЬЕ

Как показали наши исследования, во второй половине XVII столетия на его месте находился Вознесенский погост Вохомской волости Устюгского уезда. Впервые об этом погосте упоминается в Переписной книге Алексея Ладыженского 1677 г. (1): «В той же (Вохомской – **В.П.**) волости погост Вознесенской, а на погосте поп Григорей Антонов...» и т. д. Но, оказывается, этот погост существовал и раньше, т. к. в Переписной книге Гавриила Мышецкого 1668 г. (2) наряду с четырьмя приходами Вохомской волости: Спасским, Троицким, Георгиевским и Никольским – упоминается и пятый, Вознесенский приход. Следовательно, в 1668 г. в волости уже был Вознесенский погост. Но и это сообщение о Вознесенском приходе было не первым. В более ранней Переписной книге Семена Юрьева 1658 г. (3) также указаны вохомские приходы: Спасский, Георгиевский, Троицкий и снова Георгиевский.

Как оказалось, писец ошибочно озаглавил список деревень Вознесенского прихода словом «Георгиевский». Эта ошибка становится заметной при дальнейшем знакомстве с текстом книги, где говорится о наборе рекрутов в Вохомской волости: «Троицкого прихода деревни Пандино во дворе Прокофей Феоктистов Меншениных, сын ево Кондратей да Панфил. Вознесенского прихода деревни Мокруши во дворе Яков Яковлев Кутиных, да зять ево Кирилло Ермолин Шадриных. На государеву службу в салдаты Кондратей Прокофьев Меншениных». (4) Поскольку в Писцовой книге Никиты Вышеславцева 1626 г. (5) в Вохомской волости указан всего один Преображенский погост, то, следовательно, село Вознесенье было основано между 1626 и 1658 годами.

В Писцовой книге Алексея Ладыженского 1676-1683 гг. (6) о Вознесенской церкви сказано: «В волости погост поставлен ново на поскотиной земли деревни Тарасихи. На погосте церковь Вознесения..., а в церкви царские двери, столпцы и двери писаны на красках...». Далее идет описание внутреннего убранства церкви, ее стен и икон. Среди церковной утвари упоминаются: крест благословящей, сосуды служебные, дви ризы и стихарь, кадило

Вид на с. Вознесенье (Вохма) с Тарасовского угора. Конец XIX в. Фото И.С. Аммосова.

медное, а также книги: «Служебник новой», «Апостол», «Миния вещая», «Псалтыр» и другие. И далее: «колоколня на одном столпе, на ней три колокола весом шест пуд. На погосте: ... поп Григорей Антонов..., длина двору восм сажень поперег тож; ...дьячек Гришка Панфилов..., длина двору восм сажен, поперег пят сажен, ... пономарь Лаврушка Антонов, ...длина двору шест сажен, поперег пят сажен, ...просфирница Марфица Григорьева, ...длина двору пят сажен, поперег три сажени». Вот с этих-то четырех дворов, а также Вознесенской церкви, видимо, и начинается история села Вознесенье.

В XVIII столетии в связи с прокладкой Вятско-Костромского почтового тракта и бурным ростом деревень на юге и в центре Вохомского края село Вознесенье выходит на первое место среди других сел волости. В нем ежегодно проводятся Алексеевская (17 марта по старому стилю) и Благовещенская (25 марта, ст. ст.) ярмарки, а также была открыта Вохомская таможня, на которой оформлялась продажа товаров купцам из различных уездов. Особенно много покупалось ржи устюжскими купцами для поставки ее в г. Архангельск. Так, 12 апреля 1741 г. «По Указу Его Императорского величества Иоанна Третиаго (шестого – **В.П.**) и самодержца Всероссийскаго... отпущено из Вохомской таможни до города Архангельского... для устюжанина купеческаго человека Тихона Яковлева сына Попова с работником Гаврилом Скрябиным... хлеба ржи пятьсот пятьдесят четвертей, цена по семдесят копеек четверть...» (7) За 19 апрельских дней этого года Вохомской таможней было отпущено для г. Архангельска 3259 четвертей ржи на сумму 3094 руб. (там же, лл. 1-6). Поскольку одна четверть с 1679 г. равнялась 8 пудам ржи, или 128 кг, то продажа ржи за эти дни составила 417 тонн. (8)

В последующие годы авторитет села Вознесенье продолжает возрастать, хотя само село остается сравнительно небольшим. В 1859 г. в нем имелись церковь, училище, волостное и сельское правление и 29 дворов, в которых проживало 158 человек обоего пола. В селе попрежнему проводились Алексеевская и Благовещенская ярмарки. (9)

В 1897 г., т. е. за 20 лет до Октябрьской революции, село Вознесенье было административным центром Вознесенской волости, входившей в Никольский уезд Вологодской губернии. Село состояло уже из 68 дворов с 566-ю жителями. В нем также имелись каменная двухэтажная церковь, каменные здания церковноприходской школы и Вознесенского волостного управления, земское 2-классное училище, земская больница, почтовое отделение, винокуренный завод, «торговые ряды с лавками, числом до 25, красильное и свечное заведения, две торговые лавки и 4 кузницы, 6 гостиниц, ярмарки: Алексеевская..., Благовещенская..., Семеновская с 28 августа по 2 сентября, Рождественская с 25 по 30 декабря. Торжки в день Вознесения Господня, 26 июня, 2 сентября и 8 ноября, и базары с начала ноября по 1 апреля еженедельно по субботам и воскресениям и в остальное время года только по воскресениям». (10) Местными купцами-миллионщиками на центральной улице села Вознесенье были построены кирпичные дома и магазины, сохранившиеся до наших дней. (11)

Советская власть в селе утвердилась не сразу. Летом 1918 г. около 300 вооруженных людей из деревни Политово и соседних с ней селений захватили волостной центр и избрали новые органы власти. Только карательный отряд моряков, прибывший из Вологды, исправил положение. За участие в восстании 18 человек было расстреляно, многие попали в тюрьмы.

В.И. ПОПОВ,
Москва

Примечания

1. ЦГАДА, ф. 1209, д. 15047.
2. ЦГАДА, ф. 1209, д. 15041.
3. ЦГАДА, ф. 1209, д. 15040.
4. ЦГАДА, ф. 1209, д. 15040.
5. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 507, примечания 42-576.
6. ЦГАДА, ф. 1206, д. 1340, кн. 516, лл. 580-750.
7. ЦГАДА, ф. 829, д. 368, л. 3.
8. ЦГАДА, ф. 829, д. 368, л. 1-6.
9. Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Спб. 1866 г.
10. ЦГИАЛ, ф. 1290, ед. хр. 345, м/ф.
11. Материалы Вохомского краеведческого музея.

ДОРОГАМИ ЗЕМЛИ ВОХОМСКОЙ

Главы из документальных очерков по истории края

Предлагаемые читателю главы из книги документальных очерков по истории Вохомского края В.М. Панфилова исполнены любовью к его малой родине – селу Николе, к Вохме. Книга эта, к сожалению, пока не нашла своего издателя, а автора уже нет в живых. Тем ценнее этот труд подвижника-любителя, что в течение многих лет собирал он краеведческий материал по архивам Вологды, Великого Устюга, Костромы, записывал воспоминания старожилов вохомской земли. Записать ее историю тем более непросто, что судьба уготовила ей на протяжении

четырех столетий столь частые переходы из одного уезда, или края, или губернии в другие. Перекраивание границ волостей, а позднее районов, затрудняло сбор материала о Вохме, однако любовь и память (книга посвящена автором отцу – Макару Арсентьевичу Панфилову) и помощь бескорыстных союзников сыграли свою роль. В предисловии к рукописи книги автор выражает благодарность преподавателю истории Вохомской средней школы Б.А.Шадрину; сотрудникам Вохомского краеведческого музея: П.Я. Орловой, Т.Н. Ковалевой, А.Е. Шадриной, А.Н. Холмовой; добровольным постоянным корреспондентам, любителям старины – С.К. Капустину (Москва), Л.К. Мишенёвой (Ленинград).

Появление названия «Вохма» некоторые исследователи относят ко II-I тысячелетиям до нашей эры. Слово это могло иметь несколько значений. В эстонском языке так именуются болотные острова, в финском – зеленые густые массивы леса или кустарников. Из северных говоров – сырое место, заросшее лесом с бурелом. (1) Все три значения связаны с понятием «лес», «сырое, болотистое место». Если учесть, что в слове «Вохма» четко выделяется формант (значащая часть слова) «-МА», который в одном из угро-финских языков означает «вода», то более точным, видимо, является перевод «лесная река», или «река, протекающая в лесной болотистой местности». Это как нельзя лучше отражает истинное положение, так как Вохма в древности действительно протекала сплошь через леса на всем ее 220-километровом протяжении. Леса и сейчас из общей площади Вохомского района 3400 кв. километров занимают 2560, то есть почти три четверти территории. В древности лес занимал еще большую часть края.

Слово «Вохма» в прошлом служило лишь названием реки. Позднее Вохмой стали называть вообще всю местность в бассейне реки Вохмы.

А с 20-х годов XX века, уже при советской власти, Вохмой стали называть и райцентр Вохомского района. Это самое позднее название поселка. До этого в письменных источниках село называлось по-разному: Вознесенское (по названию церкви Вознесения Христа Спасителя) (2), Вохомско-Вознесенское (3), Вознесенье (4), Вознесенье-Вохма (5) и, наконец, Вохма.

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Бассейн реки Вохмы с ее многочисленными притоками равен 5560 кв. километрам и находится на южном склоне Урало-Алданской возвышенности. Когда-то, 135-137 миллионов лет назад, в мезозойскую эру, весь край был под водой. Здесь плескало свои волны Юрское море (по названию горного хребта во Франции), которое заполняло своими водами не только бассейн Вохмы, но и бассейн рек Моломы, верховья Юга (то есть весь бывший Никольский уезд) и среднее течение Вычегды. От Юрского моря остались отложения желтых глин, песков, песчаников и рухляков (мелкой осадочной горной породы из глины с примесью извести). Характерными остатками Юрского моря являются аммониты (спиралевидные раковины в окаменении или в отпечатках) и белемниты (чертовы пальцы), (6) которые еще и в наши дни, говорят, находили в прибрежном песке Вохмы и ее притоков. В краеведческом музее поселка хранятся не только бывшие обитатели Юрского моря белемниты и аммониты, но и морские кораллы, отпечатки морской растительности на породе, морские лилии...

После юрского периода в следующую (кайнозойскую) эру жизни земли наш край представлял уже сушу с теплым и мягким климатом, с хвойными и лиственными лесами. После ледников появились реки с их притоками, озера. В лесах водились мамонты, бизоны, носороги и другие теперь уже вымершие животные.

В 1910 году в крутом берегу Вочки, в поскотине под Латышовом, мальчишки из дер. Соседково нашли бивень мамонта.

В с. Кажирове, также в береге речки, Анатолием Михайловичем Поляковым найден в 1969 году зуб мамонта. Зуб передал в музей охотовед из д. Лапшино Панфил Григорьевич Скрябин.

В начале 60-х годов XX в. около с. Лапшино на берегу речки Моржихи (Моржинки) найдена кость голени мамонта толщиной 15 см, которая также является экспонатом музея.

В музее хранится череп и кость бизона и позвонок какого-то большого, пока не опознанного животного. Позвонок найден около д. Паговец (быв. Дор) Лапшинского сельсовета 2 июля 1980 года Анатолием Вениаминовичем Подобиным.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Следов древнего человека в нашем крае обнаружено немного. В 1957 году в нижнем и верхнем течении Ветлуги, в которую впадает Вохма, проведены раскопки ряда могильников IX-XI вв., осмотрены известные Спасское и Чертово городища и обнаружен ряд новых археологических памятников: Осетровское, Спасское и Шилихинское городища, Ефанихинский могильник, Черемисское кладбище. Найдено много предметов III-V, X-XI веков н. э. (каменные и железные орудия, украшения, серебряные гривны и мн. других предметов). Обнаруженная в Спасском городище керамика датируется первыми веками нашей эры. (7) Много предметов, украшений, орудий, остатков одежды, перстней из бронзы, костяных игл, колец и мн. др. найдено в Приветлужье в 1894 году (8) – находки, которые можно отнести к эпохе неолита (5-2 тысячелетия до н. э.).

Следы древнего человека обнаружены в бассейне р. Вохмы на территории нынеш-

него Вохомского района. Так, районная газета «Вохомская правда» от 11 сентября 1976 года сообщила об одной интересной археологической находке: «Недалеко от с. Спас на берегу р. Вохмы бульдозерист добывал гравий. На глубине четырех метров его внимание привлекли необычные предметы: угли, кусочки шлака, кости, а главное – железный наконечник стрелы, игла и ножи, изготовленные из костей животных. Можно предположить, что в далекие времена здесь была стоянка древних людей, которые селились по берегам реки».

А в 1969 году житель пос. Воробьевицы Василий Михайлович Михайлюк недалеко от р. Вохмы нашел железный наконечник стрелы. Правда, находка относится лишь к XV-XVI вв. Железные наконечники находили и в районе военного городка у с. Спас.

КАК ЗАСЕЛЯЛСЯ КРАЙ

До прихода славян наш Север, в том числе и Вологодский край, был заселен угро-финскими племенами. По словам летописи, здесь жили «всякие народы: весь, меря, емь, пермь, печора, угра» и др. По всем данным, это были потомки неолитических стоянок (примерно 5-2 тысячелетия до н. э.). Древняя Русь, по словам В.О. Ключевского, все мелкие племена объединила под одним общим названием Чуди Заволоцкой. (9) Название это угро-финнам дано Нестором. Слово «чудь» В.О. Ключевский возводит к русскому слову «чудить», «чудно», «чудак» и т.п. В этом слове, будто бы, сказалось «превосходство русских над финскими обитателями нашей равнины». Однако не исключено, что «чудь» восходит к слову «чуждь», то есть чужеземец.

С конца XV века бывшая территория Чуди Заволоцкой стала называться Двинской землей (областью) или просто Двиной. (10)

Колонизация края русскими шла с запада, со стороны новгородских ильменских славян. Отдельные семьи и роды двигались на восток по рекам и озерам, на лодках и челнах везли скарб, ехали сами; местами тащили лодки волоком до новой речки и плыли дальше.

Через Вохомский край еще в древности из Волжской системы в Двинскую по реке Вохме и ее притокам через суземы шел ряд волоков из одной реки в другую. Такие волока, например, были: из р. Вочь (из д. Анданга) в деревню Пермас на реке Юге; из Тихоновского монастыря на реку Анталу – приток Юга. Волока проходили также с реки Пыщуг в деревню Ширей на реке Юге; от реки Луптюг (из деревни Беданга до деревни Кирныша) на реку Волмангу. (11) Были и другие волока в крае. Названия деревень, возможно, давно изменились, могла исчезнуть и сама деревня. Да затерялись в веках и следы этих волоков.

Новгородская колонизация Севера началась, как известно, в X-XI веках н. э. (по некоторым источникам начало ее относится к VIII в.). Если в это время она проводилась преимущественно новгородцами, то в XII-XIV веках на Север через волока, отделявшие волжские притоки от северных рек Сухоны, Ваги и Юга, двинулся поток переселенцев с Верхнего Поволжья. Это было начало московской колонизации Северного края. Немалое значение в этом переселении играло желание населения Поволжья уйти в места, менее всего досягаемые татаро-монгольскими ордами, которые уже несколько веков грабили и разоряли русскую землю. (12)

Ранняя славянская колонизация протекала мирно. Местное население (летописная весь) было редкое, и для пришельцев имелось много свободных мест. Кроме того, не из-за чего было и враждовать: финские племена жили охотой и рыбной ловлей, лишь отчасти занимаясь земледелием; переселенцы же нуждались в других угодьях. Происходило не вооруженное вторжение, а просачивание. В дальнейшем происходило растворение местных финских племен среди многочисленных и культурных славян или их оттеснение. Так или иначе, к XII веку Север уже был освоен новгородцами, и христианство утвердилось и в Вологодском крае, и в Костромском.

Но Новгороду не удалось удержать в своих руках всю эту территорию. В течение XII-XIV веков продолжалась долгая и упорная борьба за территорию нашего края между Новгородом и понизовскими князьями, сперва ростовскими, а потом московскими. Ветлужане долгое время не желали покориться князю московскому и держались с вятичами, за что многие казнены в 1457 году князем Патрикеевым, а в 1459 году жители по Ветлуге и Вохме окончательно покорились московскому князю. В 1471 году была покорена и вся Заволоцкая, или Двинская, земля московским царем. Вологодский край, к которому относился и весь бассейн Вохмы, слился с московским княжеством в 1482 году.

Наиболее активным приток населения на Север стал с XIII столетия. Это был второй этап колонизации. За воинами-дружинниками и сборщиками дани тянулись охотники и рыбаки, крестьяне-пахари и священники, посылаемые крестить старожилов. Здесь находили тишину и уединение благочестивые пустынники и спасались от татарского разорения жители южных районов. В дальнейшей судьбе колонизации Севера со стороны Новгорода большую роль сыграли ушкуйники (от «ушкуи» – плоскодонная ладья с парусами и веслами) – вооруженные дружинники, снаряжавшиеся новгородскими боярами и купцами для захвата северных колоний. Одной из причин походов на восток и север было стремление к обогащению.

В Ветлужской летописи говорится о том, что в нашем крае разбойничьи шайки ушкуйников были и позднее, в 1392 году. С тех пор прошло шесть столетий, и об этом остались лишь темные предания и неопределенные слухи.

Прекращение ушкуйничества было связано с усилением Московского княжества в XV веке и присоединением Новгорода Великого к Московскому княжеству (1478 г.)

ЧЕРНОСОШНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Если Север и в наши дни представляет собой лесную полосу со множеством озер, болот и рек, то нет сомнения, что тысячу лет назад земля эта была еще более покрыта дремучими лесами, вплотную придвигавшимися к берегам речек и рек. Поэтому свободным крестьянам-переселенцам приходилось под пашни и луга расчищать лес. В писцовых книгах они назывались черносошными, то есть крестьянами, свободно владеющими черными казенными землями. То, что в Никольском уезде были именно черносошные крестьяне, видно из «Межевой инструкции» 1753 года и «Межевых книг» по уезду за 1784 год. (13)

Сюда селилось много крестьян, не бывших в прямой зависимости ни от бояр, ни от монастырей. Немного желающих было поначалу даже и из помещиков добираться в такую глушь, как северо-восточный угол России, и заводить хозяйство, так как это сопряжено с неимоверными трудами и риском за успех ввиду особенностей края. Помещики на Вохме были только в Хорошевской волости и нынешнем Заветлужье.

Сначала в новой земле, как правило, поселялся кто-то один или несколько человек, но селились они поодаль один от другого. Имя первого поселенца обычно становилось и названием деревни. Вот почему и сейчас еще мы встречаем деревни с одной-двумя фамилиями жителей. Так, на Ильгашеве и Вышке Петрецовского сельсовета большинство жителей – Панфиловы, на Плоской – Скрябины, на Кекуре того же сельсовета – Афанасовы. Когда-то все люди с одинаковыми фамилиями были выходцами из одного дома, были родственниками. В течение веков это родство забывалось. Единичные фамилии в той или иной деревне показывают, что носители этих фамилий поселились здесь позднее.

Первоначально крестьянский двор, обычно называвшийся в старину займищем (или просто заимкой), благодаря увеличению обитавшей в нем семьи разрастался в поселок из нескольких дворов – это уже починок. В течение десятилетий и веков население продолжало увеличиваться и починок разрастался в деревню, а деревня в свою

очередь – в целую группу деревень – волость. Знаменательно, что Вохму и ее притоки крестьяне обживали небольшими группами. Если для жителей южных районов страны характерны села с тысячами жителей, то здесь деревни насчитывают всего по одному-двум и редко более двух десятков дворов. Именно поэтому количество поселений на Вохме очень велико: по «Списку населенных мест Вологодской губернии» за 1881 год их было 994 (из них в Лапшинской волости – 337, в Вознесенской – 213 и т. д.). Это кроме множества починков, не вошедших в «Список...»

Русские поселенцы неустанным тяжелейшим трудом расчищали леса и создавали на расчищенных местах лесные поляны – «подсеки», где сеяли несколько лет подряд рожь, ячмень, лен, горох, сажали репу и т. п., а затем бросали участок под выгон скота, называемый поскотиной, и разрабатывали новый участок, вновь вырубая соседние дремучие леса. (14)

При образовании на этих землях волостей, как видно из документов XVII века, они имели «мирские поскотины», «животные выгоны» и «лесные дачи», которыми пользовались крестьяне сообща. Иногда были и так называемые печищные угодья, принадлежавшие общине только одной или нескольких деревень, особенно заливные луга, около которых в первую очередь стремились располагаться эти деревни.

Некоторая часть земли позднее стала принадлежать церквам и купечеству. Купеческие земли обычно сдавались крестьянам «исполу», так называемым половникам. Название половников присвоено здешним поселенцам еще до 1652 года. (15) Половники не имели ни оседлости, ни земли и жили временно то у одного, то у другого землевладельца и обрабатывали его землю за половину собранного урожая. Такой род поселян был только в Никольском, Устюжском и Сольвычегодском уездах. К 1905 году в Никольском уезде насчитывалось 950 половников; примерно половина из них на Вохме. (16)

Вохомские таежные леса стали редеть уже в XVI-XVII веках и в первую очередь в южной части бассейна, что указывает на более раннюю колонизацию земель этой части края. Еще в «Описании Российской империи» в 1844 году отмечено, что берега Вохмы довольно хорошо населены и славятся плодородием почвы, сравнительно с остальною частью Вологодской губернии. Здесь больше всего земли разработано для пашни и лугов еще в древности, и лес оставлен только для того, чтобы обеспечивать себя дровами, материалом для строительства домов и других крестьянских построек, а также мостов, мельниц, храмов, стланей, изгородей и т. п., собирать в нем грибы, ягоды и другие лесные дары, наконец, охотиться на зверя.

Наиболее заселенная деревня, располагавшаяся в более выгодном географическом положении, превращалась в село, особенно когда в ней сооружалась церковь.

ДРЕВНИЕ СВЯТЫНИ

Церкви и часовни становились своеобразными вехами на путях московской колонизации и распространения христианства. Сначала на севере строились деревянные церкви как при монастырях, так и отдельно.

К числу самых древних надо отнести, судя по записям в летописи Крестогорского монастыря, церковь в селе Тихон; она построена вместе с монастырем в 1470 году. (17) В 1679 году здесь построена каменная Святогорская церковь, которая в 1744 году перестроена, а после закрытия монастыря в 1764 году она поверстана в приходскую церковь и стала называться Тихоновской церковью. Однако по другим источникам монастырь, а точнее Крестогорская пустынь, основан в 1679 году. (18)

Одной из древнейших является и деревянная церковь села Николы, по имени которой названо и село в Петрецовском сельсовете: она срублена в конце XVI века. Каменная церковь в с. Николе сооружена в 1852 году (освящена в 1860 г.).

Георгиевская церковь в Хорошевском сельсовете Вохомского района, по Окладным книгам Галичской десятины,

Храм в с. Кажирово.

построена в 1628 году, но известный краевед Д.П. Дементьев утверждает, что она построена в 1618 году. (19) В писцовых книгах 1629-53 гг. она записана в числе других действующих церквей.

Древними являются церкви Богоявления и Николая Чудотворца Заветлужского сельсовета, срубленные в XVI веке. Кажировская деревянная церковь Николая Чудотворца была приписана в 1592 году к Ипатьевскому монастырю, а в 1717 году – к Варнавинской пустыни. Каменная Николаевская сложена в 1836 году. По Дементьеву, кажировские церкви – самые древние в Заветлужье и во всем крае. (20)

Троицкая деревянная церковь в Обуховском сельсовете построена в 1684 году, а каменная – в 1786 году.

Церковь Старицкая Троицкая (деревянная) сделана в 1684 году. В том же году выстроена и Леденгская Троицкая церковь (в 1877 году сюда перенесли церковь из Пыщугского прихода, где она куплена за 150 рублей).

В 1689 году поставлена деревянная Зосимо-Савватиевская церковь в Лапшинском сельсовете, а каменная – в 1876 году (церковь сейчас разобрана).

Остальные церкви в крае построены в XVIII-XIX и даже в начале XX века. Так, деревянная Вознесенская церковь в с. Вознесенье-Вохма срублена в 1740 году, а каменная сложена в 1780 году (освящена в 1782); кладбищенская Сретенская выстроена в 1748 и перестроена в 1868 году. Центральная Вознесенская церковь в пос. Вохма разобрана полностью.

Фроло-Лаврская церковь в Сивцевском сельсовете срублена в 1743 году.

В с. Спас (Семеновский сельсовет) деревянная церковь сооружена в 1747 году, каменная – в 1796. Здание церкви используется под мастерские.

При Вочевской Георгиевской церкви построен придельный храм в 1875 году. Луптюгская Христорождественская срублена в 1793 году.

В Согорском сельсовете Воскресенская каменная церковь сложена в 1883 году (теперь разобрана). Петропавловская Березовская (деревянная) перенесена из с. В.-Вохмы в 1876 году.

Покровская Вохомская деревянная церковь выстроена между деревнями Титово и Верхоженинской уже в 1903 году. (21)

Церквами был усеян весь наш край. Уже в 1866 году в Никольском уезде было 49 каменных, 7 деревянных церквей и 29 часовен – всего 85 культовых учреждений. Зато школ во всем уезде было всего 10 с 388-ю учениками (в том числе 54 девочки); их обучали 16 учителей (из них 4 учительницы).

Вокруг церкви образовывался приход, который обычно назывался по имени святого, в честь которого была построена церковь, и объединял верующих по территориальному признаку: в него входили деревни, не слишком удаленные, чтобы без особого труда можно было добираться и до села, и до церкви. В отдаленных от села и церкви деревнях делались часовни. Заметим, что села в большинстве случаев назывались по имени церкви или прихода (Никольское, Тихон, Боговарово, Вознесенское, Покров и т. п.)

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СЕЛ

Село, по В.И. Далю, это обстроенное и заселенное крестьянами место, в котором есть церковь. Если понимать под селом селение с церковью, то все села Вохомского края появились лишь в XVII-XIX веках, так как церкви появились именно в эти века. Если же понимать село как «большое крестьянское селение, обычно хозяйственный административный центр для близлежащих мелких населенных пунктов», то установить, когда и какое село появилось на Вохме, почти невозможно, тем более что никаких письменных источников об этом не сохранилось. Церкви дают лишь приблизительное время появления сел: села, как правило, появлялись раньше, чем строилась церковь.

По свидетельству историков, основной комплекс поселений в северных районах сложился к концу XV века. (22) Видимо, к этому времени и надо отнести появление большинства сел края. Как известно, почти все города возникали из деревень, так что многие деревни и села куда древнее многих городов страны.

Самым древним, наверно, надо считать, как уже сказано, село Тихон, которому в 1980 году исполнилось 500 лет (23), и Кажирово, которое стоит на Ветлуге, но сейчас отнесено к Вохомскому району.

Древним является и село Никола Петрецовского сельсовета, самое ближнее село от устья Вохмы, а также село Хорошая (Курглица) на Ветлуге.

Далее, по преданиям, идет село Спасское, Троица. Позднее образовались села Вознесенье-Вохма, Ратчина, Соловецкое и другие.

Легендарное место у Крадихинской сосны в 30 км от Вохмы. Фото 2000 г.

ИСТОРИЯ СЕЛА НИКОЛЫ

В тринадцати километрах к югу от районного центра поселка Вохмы Костромской области на правом берегу реки Вохмы расположилось небольшое село Никола, когда-то административный центр колхоза «Восход» и Петрецовского сельсовета. Село получило название по имени Вохомско-Николаевской церкви, которую позднее стали называть Никольской.

Село до революции мало чем отличалось от многих русских северных сел: церковь, а около нее площадь, дома причта, церковноприходская школа. И еще несколько построек. Даже лавка была не в самом селе, а в деревне Вышке у крестьянина Арсения Федоровича Панфилова. С севера к селу примыкают две деревни – Ильгашево (в просторечии Югашево) и Вышка, составляющие одну сплошную улицу в полтора километра длиной. С востока параллельно Ильгашеву, за полем, идет глубокий овраг, называемый Плосковским логом, а за ним, еще через поле – деревня Плоская. По логу идет граница ильгашевского и плосковского полей. Южный конец лога выходит к озеру Бурдино, расположившемуся в виде подковы в пойменной низине. Это бывшее русло реки, старица, каких капризная река Вохма на протяжении истории оставила многие десятки. Ручеек, вытекающий из оврага, впадает в самую

середину выпуклости «подковы» и отделяет вышковскую и ильгашевскую поскотину от Плосковской сутяги, которая слева отграничена высоким и крутым краем плосковского поля, а справа – озером Бурдино. Само название «Сутяга» (от «тяга», «тягаться») сохранило следы былой тяжбы между плосковскими и ильгашевскими крестьянами за этот в квадратный километр участок земли, сильно заболоченный, но удобный для выгона скота и сенокоса.

Сутяга примечательна тем, что в ней иногда видят в темные тихие ночи передвигающийся синеватый огонек; появившись в Сутяге, он обычно блуждает вдоль лога и, пройдя полем километра два к северо-западу, теряется где-то около Зубакинской поскотины у маленькой речушки Манылихи, впадающей у деревни Стрелочки в Березовку, приток Вохмы. Этот блуждающий огонек издавна вызывал суеверный страх у жителей близлежащих деревень. Увидеть его считалось плохой приметой, его связывали с «нечистой силой», так как тех, кто ночью, сбившись с дороги, шел на огонек, он «заманивал» в сторону Манылихи. Отсюда, видимо, и идет название речушки Манылиха (от «манить», «заманивать»). Откуда же в старину могли знать, что этот огонек – не что иное, как болотный газ, или метан, появляющийся в болотистых низменностях в результате гниения растительных, а иногда и животных остатков. Самовозгораясь, он вырывается из-под почвы и может гореть очень долго. При небольшом движении воздуха, например, при приближении человека, огонь может «убегать», а когда человек удаляется, он «гонится» за ним. Именно это обстоятельство и послужило для возникновения суеверий и страхов.

К западу от Плосковского лога поднимается возвышенность, которая переходит в низину, разделяющую вышковское и югашевское поля с кекурским полем. По низине течет речка Березовка. Река Вохма, обогнув с юга Сутягу и озеро Бурдино и поскотину, подходит у устья Березовки к самой возвышенности. Вся возвышенность представляет собой полукруг, в центре которого и расположилось село Никола.

От устья Березовки Вохма под прямым углом круто поворачивает к югу, образуя плесо. Правый берег здесь, очень высокий и обрывистый, называют Камешником. Когда-то от самого берега по всей возвышенности шел сосновый бор, но лет двести назад его потеснило к западу Ложкинское поле. В километре от поворота правый коренной берег Вохмы постепенно переходит в пойму и, отходя вправо, огибает Ложкину гору – холм, покрытый высоким сосновым лесом. Здесь начинаются луга (против села они начинаются сразу же за рекой, с Мыса и Оброшницы).

Село Никола было одним из самых красивых сел района. Местоположение села в пятистах метрах от реки на высоком месте само по себе особенно удачно. Сама река, открывающиеся за ней обширные луга и перелески, синеющие лесные дали, простирающиеся на много километров, вкрапленное в пейзаж, как жемчужина в ожерелье, красивейшее Никольское озеро, округлившее Никольский круг, создают исключительно живописную картину. Особую красоту придает половодье, когда на многие километры разливается река и покрывает водой обширную пойму, лишь местами оставляя отдельные островки и гривы, заросшие лесом и кустарником. Наши предки, выбирая места для поселения, хорошо учитывали естественные угодья и с удивительным чутьем сочетали свои сооружения с природной красотой.

Особенно красиво было смотреть на село со стороны реки, с лугов или с Ложкиной горы. От прогона слева по возвышенности, на самом берегу, белела деревянная Ильинская церковь, которая была далеко видна из лугов. Около церкви было отгорожено каменной оградой древнее кладбище. Это кладбище, площадью около двух гектаров, было так «заселено», что к 20-м годам нашего века уже нельзя было вырыть ни одной могилы, чтобы не наткнуться сразу на несколько древних захоронений. Помню, в детстве мы, мальчиш-

ки, увидели в траве около свежей могилы старые кости и череп. Они показались нам настолько легкими, что мы решили испытать, тонут ли они в воде, и когда бросили их в воду, в реку, они поплыли вниз. Сколько же нужно было пролежать костям в земле, чтобы стать вот такими! Новое кладбище по другую сторону прогона отгородили в 1927 году.

Судя по воспоминаниям людей, лично читавших местную церковную летопись, кладбищенская церковь построена в конце XVI века. Она была деревянная и, как и вообще деревянные церкви, не раз сгорала «от свечей», от молнии или, прожив свой деревянный век, приходила в негодность и восстанавливалась или отстраивалась заново. По древнему обычаю, на месте сгоревшей церкви в память о ней ставился памятник на том месте, где был алтарь. Таких два памятника из кирпичной кладки в виде прямоугольного столбика были в сохранности еще в конце 20-х годов нашего века; следы третьего были видны в дальнем углу кладбища у речки Березовки. Автор очерка сам видел и запомнил надпись на небольшой медной плите одного из памятников – 7123. Учитель начальной школы Семен Арсентьевич Панфилов рассказывал на уроке истории в 4-м классе, что эта дата по современному летоисчислению означает 1615 год и что, по преданию, церковь разграбили и сожгли польские интервенты. Кроме этой даты, удалось установить еще некоторые даты, видимо, постройки церкви: 1689, 1749, 1784, 1845 годы. Последний раз церковь сгорела в 1845 году. Великий русский лексиколог, видимо, об этой церкви писал в своем знаменитом словаре: «Звоном началось, звоном и кончилось. В Вологодской губернии Никольского уезда на Вохме в 1784 году построена церковь на месте, где слышали звон; в 1845 году она сгорела со звоном». (24) Новая кладбищенская церковь в русском шатровом стиле срублена после пожара около 1850 года из лиственницы без единого гвоздя. Откуда и каким образом привезли лиственницу, которая не растет в нашем крае, неизвестно. О том, что она построена действительно из лиственницы, узнали в 1957 году, когда церковь стали пилить на дрова. Это была одноэтажная церковь с одной башней-звонницей, под куполом которой устроена небольшая световая ротонда. Церковь не отапливалась, так как служба в ней шла только в течение трех недель – с ильинской пятницы (20 июля ст. ст.) до первого Спаса в честь престольного праздника. После этого действовала каменная Никольская церковь, которая сооружена, судя по данным Костромской научно-реставрационной мастерской и по свидетельству старожилов, в 1852 году. Местные жители утверждают, что она построена на местной извести, которую будто бы добывали на Ложкиной горе. В лесу еще сохранились следы ям, где обжигали известь и кирпич для церкви. Место и сейчас называют Кирпичными сараями. Для рабочих-строителей церкви был сооружен большой барак на берегу Вохмы у поскотинского присада. За ненадобностью его разобрали в конце XIX века.

Церковь представляла собой огромное сооружение, архитектурный строй которого явно был рассчитан на особую торжественность; огороженная со всех четырех сторон кирпичной оградой, в которой не было никаких строений, она была видна со всех сторон в полный рост и выглядела довольно внушительно на фоне одноэтажных деревенских изб. Высота трехъярусной восьмигранной колокольни до верха креста достигала 26 сажен (около 55 метров), размер основного здания – 48 х 12 метров (с соотношением 1:4). Вторая, восточная башня, занимая третью часть всей длины здания, возвышалась над основным зданием еще на один ярус, так как второй этаж был высокий, «в два света», то есть в два ряда окон, и, как и колокольня, была увенчана большим куполом. Над куполом была надстроена тоже восьмигранная ротонда с фигурной кровлей и световой ротондой под шатром и крестом. Нижний этаж церкви отапливался.

В звоннице колокольни висело 8 колоколов: большой,

средний, пять маленьких (по числу пальцев руки) и часовой, от которого веревка спускалась до самого низа; церковный сторож мог отбивать часы, не поднимаясь на колокольню. В плохую погоду, особенно зимой, время отбивали даже ночью, чтобы на звон могли выйти заблудившиеся путники. Детская память сохранила надпись на большом колоколе: «Весъ колокола 129 пудов 29 фунтов, чистаго серебра 2 пуда 38 фунтовъ. Отлитъ колокольныхъ делъ мастерами Вакулевыми въ Слободскомъ». В Слободском, что в 30 километрах от Кирова и в 190 километрах от села Николы, существовал один из самых древних колокололитейных заводов.

Из поколения в поколение уже почти четыре столетия здесь передается предание, будто поляки сбросили с колокольни церковный колокол и утопили его в озере Бурдине. В селе до 1979 года проживал 94-летний крестьянин Филарет Ефимович Огарков. Это потомственный долгожитель. Отец у него жил 104 года, дед умер в 107 лет. Три поколения – вот уже почти три века. Филарет Ефимович утверждал, что один из его предков был свидетелем разбоя поляков и что колокол действительно был сброшен с колокольни и отнесен в Бурдино. Это уже не легенда, а семейное предание, которое ближе к истине, чем легенда. Мы легко забываем прочитанное, зная, что в случае необходимости можно прочесть еще раз. Но наши предки хорошо помнили слышанное и виденное, потому что забвением могли навсегда утратить интересные сведения. Разъяренные поляки-католики действительно могли сбросить колокол, чтобы надругаться над религией местных жителей. Могли, наконец, отнести его в озеро, ибо, по словам Ф.Е. Огаркова, колокол в старину был не тяжелый, и его могли отнести и утопить несколько человек, а озеро находится метрах в шестистах от церкви. Но могут спросить, почему унесли колокол не в реку Вохму, которая сейчас протекает лишь в ста метрах от бывшей Ильинской церкви, а в озеро, которое дальше от реки. Но надо помнить, что Вохма за четыре века не раз меняла свое русло. Возможно, что в то время она протекала по руслу нынешнего Никольского озера, которое дальше от церкви, чем озеро Бурдино.

Может, идя по следам преданий и легенд, стоило бы поискать затонувший колокол? Озеро за эти четыре века мало изменилось, оно лишь все больше и больше затягивается с краев, зарастает, становится все уже, пока не превратится в лыву, и колокол, может, уж оказался на берегу. А участок поиска всего триста метров – не могли же его унести в дальний угол озера. Но вот что странно: об этом событии не было упоминания в местной летописи, которая, правда, велась с большими перерывами. Однако от старых местных жителей и сейчас можно услышать, что в Бурдине «слыхали» звон. Помню, как-то в детстве моя мать Анфиса Прокопьевна, сестра Мария и я летним вечером поливали грядки у себя в огороде. Вдруг мать остановилась и, к чему-то прислушиваясь, с ужасом сказала:

– Слышите, звонит?.. Это в Бурдине... Колокол, который сбросили туда поляки. Старики сказывали.

Мы с сестрой действительно услышали глухой колокольный звон, только он шел не со стороны Бурдина, которое в километре на юго-востоке, а с севера: это звонили к вечерне в с. Вознесенье-Вохма, и было слышно за 13 километров. Вот как в народе обрастали легендами исторические события.

Нашествие польских банд оставило свои следы в микротопонимике, то есть в названиях лугов (Сабельное, Таганное, Дудное) и в названиях бора за рекой (Толмачев бор, от «толмач», что значит по-древнерусскому «переводчик»). Знаменательно, что все топонимы расположены по берегам реки Вохмы.

Разбои и грабежи совершались в крае не один раз, так как недалеко на Ветлуге, по свидетельству О.П. Мюллера, польские паны во главе с разбойником Оханиным проживали с 1616 по 1618 год, где «и ныне в Шангском называется место пустошь Паниха». В 1619 году Шангское побережье по Ветлуге по пути в

Кажирово посетил вотчинник Ф.И. Мстиславский, который окончательно истребил разбойников и поляков, здесь обитавших. (25)

Из достопримечательностей села можно назвать еще школу, деревянное здание которой построено в 1899 году: до этого дети с 1867 года занимались в сторожке церкви. Школа была церковноприходская, сначала одноклассная со сроком обучения 3 года, потом – двухклассная – 4 года. Заведовал школой настоятель церкви, священник. Л.К. Мишенева, окончившая эту школу в 1909 году, вспоминает в письме автору очерка: «Учеников было не меньше 40. Классы большие (их было два), парты длинные, и сидели за ними по 8 учеников. Учителей было два, каждый вел два класса: школа была двухкомплектная. При школе был интернат, в котором жили ученики из дальних деревень. Основными предметами были «закон божий», церковно-славянский язык и церковное пение. Учили также грамоте, арифметике и чистописанию». С помощью моих постоянных корреспондентов Л.К. Мишеневой (Ленинград) и С.К. Капустина (Москва), детство которых прошло в с. Николе, удалось установить имена некоторых учителей этой школы в дореволюционный период. В 90-х годах XIX века работала Мария Арсеньевна Носкова (из с. Спас) и Певгова Александра Алексеевна (из г. Вологды). В 900-х годах – Капустин Николай Васильевич и Славин Николай Евгеньевич. С 1905 года – Беляева Елена Николаевна. В 1914-1915 года – Капустин Валериан Константинович и Биричевская (Коноплева) Анна Ефимовна (из г. Никольска), работавшая здесь до 1925 года. С первых лет советской власти в школе работали Караулова Юлия Николаевна (до 1942 г.) и Попова Мария Сергеевна. Много лет учили в школе Малкова Ольга Владимировна, Чулкова Александра Алексеевна (с 1929 по 1942 год). С 1921 по 1927 год заведовал начальной школой Семен Арсентьевич Панфилов, уроженец д. Вышки, участник империалистической и гражданской войн, красный офицер. Семен Арсентьевич всю жизнь трудился в Вохомском районе, был инспектором и заведующим районо, директором и учителем Вохомской средней школы. Умер в 1946 году.

Когда-то по Вохме шла оживленная торговля, шли баржи с товарами с Волги и здесь, у Лежкиной горы, разгружались. Здесь была большая вохомская пристань. Мне удалось разыскать несколько грамоток за 1698-1700 годы. Приказчик П. Окулов пишет своему хозяину в Москву: «...Годрь изволил писат про отпуск из Чебоксар боярской винной отпуск. Не мешкав указ сылаи весною б в скорости из Чебоксар отпустил велми б хорошо до Вохмы Клязмою...» (26)

А вот другая грамота, написанная Григорьевым и тем же Окуловым: «Млстивы годрь Клементеи Прокофеевич раб последнеи твои Петрушка Окулов челом бьет... Ведомо ти буди до Вохомскои пристани в добром здоровье бог донес... Гсдрю Ивану Семеновичу и Мокею Евсеевичу с Вохомские пристани Игнашко Григорев челом бьют... Ведомо буди вам до Вохомскои пристани гсъ бгъ в добром здоровье доехали по сем млсти в/а/шеи челом бьют». (27)

Бондарные изделия из фондов Вохомского краеведческого музея. (Слева – лаговка, справа – жбан для хранения масла, на переднем плане – солонница, плетенная из корешков).

ГИДРОНИМЫ

Наиболее устойчивыми и древними из названий являются гидронимы, то есть названия рек, речек, озер и других водоемов. Сменяются одно за другим многие поколения людей, а названия могут оставаться без изменения многие века и даже тысячелетия. Так, например, названия рек Вохма и Якшанга П. Рогозин относит ко II-I тысячелетиям до нашей эры, то есть считает, что эти названия появились 3-4 тысячи лет назад.

Первые поселенцы всегда выбирали место для жительства на берегу речки или озера. По рекам пролегали торговые пути, на берегах рек появлялись селения, города, закреплялась власть, появлялись первые зачатки хозяйства. Имя реки обычно является и названием местности. По имени рек получили названия многие города: Вологда, Кострома, Котельнич (от реки Котляна), Ветлуга и многие другие.

Названия водоемов легли в основу названий многих народностей, живших около них: зыряне (от реки Зыряны), меря (от реки Меря, Мера, Медва), мордва (по реке Мордва), весь (по реке Весь) и т. д.

Немало гидронимов от дославянских угро-финских племен, потомков неолитических племен, осталось и в нашей местности.

Во многих названиях рек и водоемов есть общее родовое название «ва», «ма», «га», «ша», «уг (юг)», что в разных угро-финских языках означало воду. Впереди этих формантов (значащих части слова) ставилось описательное слово. Например, по-зырянски дерево (общее родовое название) – «пу», а особые породы деревьев будут: сосна – «пожжем-пу», береза – «кыть-пу», осина – «пи-пу», ель – «коз-пу» и т. д. (28)

То же самое наблюдается и в названиях рек бассейна Вохмы. Так, Варваж происходит от карельского «ваар» (гора) и «важ» (разветвление реки). Вохма означает «лесная река». Вочка – от зырянс. «вочья» (против, напротив). Дор – коми (край, берег). Ирдом, по мнению Б.А. Серебренникова, восходит к угро-финскому Ирдым (29), но, к сожалению, он не объясняет значение этого слова. Кортюг – от финс. «кор» (глухой лес), Кузюг (пишется Кузюк, а оглушение Г в К нашло отражение и на письме) – от коми-зырянс. «кузь» (длинный), а возможно, от «куз» (ель). Лекам – от коми-зырянс. «лёк» (плохая река), Луптюг – возможно, от зырянс. «лухт» (заливной луг) (30) в русском переозвучении «Х» в «П». Нюрюг – от коми-зырянс. «нюр» (болото), Парюг – коми-зырянс. «пар» (литься), а возможно, от финс. (край, берег). Пермас – от финс. «пырмас» (нора), Пертюг – от финс. «перт» (изба, баня). Пыщуг – от зырянс. «Пыщьег» (источник, поток); впрочем, Д.П. Дементьев считает, что название происходит от черемисского «пысть» (липа) и «юг» (сторона), то есть липовая сторона. (31) Шортюг – от зырянс. «шор» (щука), то есть щучья река. Заметим, что в чувашском языке «шор» – это болото, заболоченная река, в ханты-мансийском – ручей. Якшанга также восходит к угро-финским названиям от «Якша» (болотная грязь) и «ига» от «энгер» (река) (32).

Некоторые угро-финские гидронимы сохранились не только в названиях мелких речек, но и в названиях населенных пунктов, названных по имени речек, например: деревни Кузюк, Кортюг, Пызмас (Павинский район) и нек. др.

Нет пока ясности о происхождении названия реки Ветлуги, которую в древности называли Энер. А.И. Попов возводит его к марийскому слову «вытла», снабженному формантом «-га» уже на русской основе и ярко сближенному с ветла. «Ву (выд)» – вода, «ла» – показатель множественного числа, значит, «воды», то есть многоводная, богатая водой река. Ветлуга (длина ее около 650 километров) действительно чрезвычайно капризная река, хорошо описанная в рассказе В.Г. Короленко «Река играет». Интересное сообщение о весенних бурных водах Ветлуги находим в Устюжском летописном своде за 1446 год: «Напавшие весной этого года на Устюг «татарове пошли вверх по Югу да на Ветлугу, а по Ветлузе плыли вверх на плотах, но в полоех тонули». Из отобранного отряда казанцев в 700 человек

(«все царев двор» – ханская дружина) в Казань вышло 40 человек, и иные потонули на Ветлузе реце». (33) П. Рогозин также предполагает марийскую основу «вытла» (ветла, чайка); термин «выть» (веть), сохранившийся в ряде говоров, имеет смысловое значение «топь», «луга» в финно-угорских языках – топкий, трясинный.

Через многие века изустно в народе передается в разных вариантах легенда о том, что слово «Ветлуга» образовано от черемисского «веет» (женщина) и «Луга» – имени красавицы жены князя Коджа Кралтема, которая, будучи взята в плен новгородскими колонизаторами в 1174 году, утонула в Энере при побеге из плена, и якобы Ветлугой назвали реку в память о Луге. (34) Случай, подобный этому, возможно, имел место, но, чтобы из-за одного человека переименовали большую реку, поверить этому трудно.

Перейдем к русским гидронимам. Местные названия свидетельствуют о том, что русское население здесь является пришлым. Новые поселенцы края стали давать речкам, озерам, ручьям и т. п. свои названия, свойственные русскому языку и удобопроизносимые. Причем переименовывались только мелкие водоемы, имеющие лишь местное значение для узкого круга людей, – именно поэтому их легко заменить своим, русским названием.

Некоторые гидронимы могут указывать на время их появления. Так, названия ручья Портомой (Согорс.) и речки Портомойка образованы от марийского «порт» (изба) и русского «мыть», то есть ручей, омывающий избу, дом, – название, пережившее многие века (ср. также Пеномский от угро-финс. «пенома» и русского «ск»). Истопница восходит не к «истопить» (печь), а к древнерусскому «истопнуть» (потонуть), встречавшемуся в письменных памятниках до XV века, что значит речка, в которой можно утонуть, а может, и утонул кто-то (ср. Потопиха в Бельковском сельсовете). Значит, гидроним «Истопница» не менее пяти веков, а «Портомою» и «Пеномскому» все восемь, а может, и девять веков.

С помощью председателей сельисполкомов Вохомского и частично Павинского и Октябрьского районов удалось записать около 250 гидронимов бассейна Вохмы. Попытаемся сделать экскурс в историю образования вохомских гидронимов.

Почти четвертая часть их – названия патронимические, то есть образованные от личных имен и фамилий. В этих названиях первые поселенцы вольно и невольно увековечили свое имя, и происхождение таких названий очень прозрачно. В них чувствуется принадлежность, или притягательность. Арсенина лыва названа по имени крестьянина Арсения Федоровича Панфилова, которому отдана лыва под сенокос (Петрец., Семен.). Макарово озеро – в нем когда-то ловил Макар карасей (Петрец.). Таковы же названия Мосина лыва, Пашин луг (Маруч.), лыва Офоненкова (Бельк.), ручей Феофановка (Воробьев.), болота Бастраковское и Даньковское (Заветл.), озеро Бабичиха (Воробьев.), названное по жене Бабичева, и мн. др.

Значительную группу составляют гидронимы по какому-либо признаку называемого объекта. Обычно здесь закрепляется первое впечатление поселенца. Так, в Хорошевском сельсовете есть речка Студеная – в ней действительно очень холодная (студеная) вода. Озеро Холмовое (Семенов., Маручат.), названное по расположению между холмами. Озеро Круглое (Заветл.) имеет действительно круглую форму. Озеро Дудное (Петрец.) названо так потому, что около него растет много ягеля, из которого ребята делали дудки (пустотелое растение на Вохме называют дудкой). Ручей Солонуха (Воробьев.) – в нем солоноватая вода; речка Солотуха (Хорош.) тоже с солоноватой водой. Ручей Талица (Воробьев.) – ручей, который тает и не замерзает зимой. Речка Пачковица (Власов.) – грязная речка. И т. д.

Выделяется особая группа гидронимов, связанных с названием зверей, животных и птиц. Таковы Медвежье болото (Тихон.), речка Медведица (Петрец., Соснов.), Лосейково, где есть соленые источники и жили лоси (Воробьев, Маручат.), оз. Лосево (Заветл.), реч-

ка Горносталица (Маручат.), озеро Коровье (Обухов.), озеро Жеребячье (Воробьев), речка Бычанка (Бельков.), речка Конница (Соснов.), Кобылин Лог (Маручат.), Уткино болото (Заветл.), Журавлево болото (Петрец.)

Значительная часть гидронимов представляет названия по принадлежности к той или иной деревне. Плосковская курья – курья, принадлежащая жителям деревни Плоской (Петрец.), Петрецовская курья – курья, принадлежащая деревне Петрецово. Таковы же названия Спиренское болото, Кекурское болото. Сыворотновская лыва – все они в Петрецовском сельсовете.

Встречаются названия по цвету: речка Красная (Тихонов., Петрец.), озеро Красное (Лапшин.), озеро Черное (Бельков.), речка Чернушка (Заветлуж.), речка Черная (Семенов.), речка Темная (Лапшин.), речка Светлица (Тихонов.)

Несколько гидронимов получили свое название от особенностей расположения озера или реки. Так, озеро Кутное (Бельков.) и речка Кутная (Петрец.) названы так по слову «куть» (общеславянское «конт» – угол), значит, угловое озеро, угловая речка, находящаяся где-то в углу пожен. Речка Задорская – находящаяся за дором, то есть за нерасчищенным местом. Речка Полдневица – та, которая протекает в южной стороне, где полдень. Доровица – речка, протекающая в дору (Обухов., Лапшин.)

Для некоторых водоемов именем стали родовые названия: речка Курья (Заветл.), озеро Старица (Маручат.)

Незначительная часть названий связана с деятельностью человека: озеро Перерва (Петрец.) – от глагола «перерыть»; озеро Езовка (Маручат.) – здесь когда-то ставили езы для рыбы, когда оно было проточным; Чищеное болото (Петрец.) – болото, которое в 20-х годах нашего века хотели сделать полем и расчищали от леса; речка Мостовица – через которую был построен мост.

По названиям деревьев нам встретились лишь два гидронима:речка Березовка и речка Черемушка.

Лишь единичные названия связаны с религией: озеро Никольское (по имени церкви св. Николая) и озеро Свято (оба в Петрецовском сельсовете). С суевериями связаны названия Манылиха (от «манить, заманивать») и озеро Чертово (Тихон.)

Предполагают, что с историческими событиями связаны названия речек Разбойница (Хорошев.), Разбоенка и Скит (Тихон.)

Трудно объяснить, чем мотивированы названия озер: Плакса (Соснов.), Дериглазка (Обухов.), Незнайка (Заветл.), хотя семантика слов прозрачная.

Некоторые гидронимы не поддаются объяснению. Таковы названия речек Лажборовица (Семенов.), Шубот (Петропавл.), Сырденка и Фефлянка (Петрец.), ручья Сокерки, озера Зигливое (Семенов.) и озера Калита (Лапшин.)

О ВРАЧАХ И ПОВИВАЛЬНЫХ БАБКАХ

Выдающийся русский путешественник, географ и этнограф Г.Н. Потанин, будучи в 1872-74 гг. в политической ссылке в г. Никольске, довольно обстоятельно описал быт, нравы и культуру жителей Никольского уезда, в том числе и жителей Вохмы. А основными жителями уезда были крестьяне. В своем этнографическом очерке «Никольский уезд и его жители» (35) он пишет: «Крестьяне живут здесь в очень больших избах. Снаружи избы смотрят целыми сараями, и тем поразительнее кажется малая величина окон... так что в избе бывает полутьма. Ни кроватей, ни постелей нет, спят на полу на соломе; у некоторых из соломы сплетены грубые маты, и только у богатых крестьян, и то в последнее время стали входить в употребление постели, набитые оленьим волосом, и подушки, набитые болотной пушицей». Далее автор продолжает: «Белье моется не более пяти раз в год, в том числе его два раза бучат, но мыла при мытье употребляется очень мало. В банях моются тоже без мыла. В деревнях нет ни зеркал, ни полотенец, утираются какой-нибудь тряпицей, старой рубахой и проч.»

А вот что сказано о пище крестьян: «Пища здешних крестьян отличается, во-первых, преобладанием растительных элементов, во-вторых, значительным процентом диких

произведений, взятых прямо у природы. Больше половины года, как везде в России, проходит здесь в постах. В это время обед состоит из следующих блюд: редька с квасом, слоеные грузди или волнухи, брусника и толокно, подмешиваемое в виде приправы к первому и последнему блюду... У зажиточных людей употребляется еще соленая рыба-уха из трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится из Архангельска; вся она приготовляется нечисто и отличается отвратительным запахом; сельди летом даже загнивают и червивеют».

Антисанитария в жилищах, в личной гигиене и в питании при тяжелом крестьянском труде, естественно, вызывала массу заболеваний населения и большую смертность, особенно среди детей.

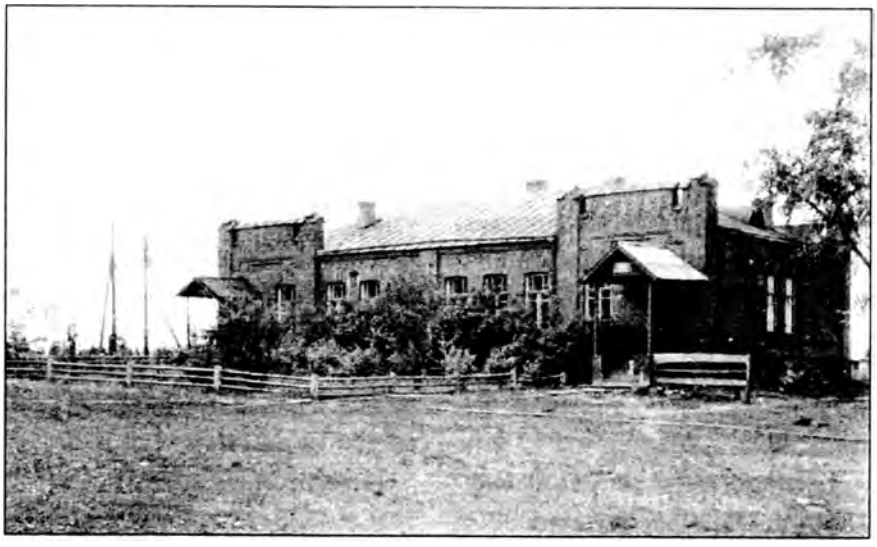
Лечебной помощи крестьянству никто не оказывал. Лечились своими средствами, знахарскими настоями да бабьими заговорами. Больница была только в Никольске, да и та была не лечебным заведением, а казематом, куда могли загнать человека лишь крайняя нужда и безысходность. Во всей Вологодской губернии не было ни одной правильно организованной лечебницы для душевнобольных. В «сумасшедших домах» обращались с больными, как в тюрьмах. Случалось, что больных сажали на цепь. Да и вообще население в то время не отправляло душевнобольных в «сумасшедшие дома», а держало их на цепи в избе, где-либо в темном чулане часто по целым годам, пока несчастный больной или больная не умирали. Про существовавшие тогда «сумасшедшие дома» одна из земских управ писала следующее: «Помещения эти сыры, тесны и темны, зловонны, вообще негодны для здоровых людей и сходны с подвалами и конюшнями». (36)

Если в то время случалась холера, тиф или другая какая-либо повальная болезнь, то с ней борьбы не велось, ни о каком медицинском обслуживании населения на протяжении веков не могло быть и речи, поэтому эпидемии выкашивали тысячи человек.

В 1864 году был издан закон о введении земских учреждений в 35 губерниях. Из рук чиновников заведование многими местными хозяйственными делами было передано в руки местных людей. Земства должны были взять на себя устройство и содержание общественных зданий, дорог, вопросы промышленности и сельского хозяйства, торговли, народного образования и здравоохранения. Земское собрание и земская управа избирались в каждом уезде из помещиков, разночинцев и зажиточных крестьян. В Вологодской губернии, в том числе и в Никольском уезде, земства открыты с 1870 года.

Интересно, что к открытию земства в уезде была лишь одна больница. В докладе управы об этой больнице сказано: «Больница, находящаяся в самом Никольске, как и сельские лечебницы, в настоящем состоянии неудовлетворительна, ее устройство, помещение, средства и присмотр не соответствуют своему назначению. В ней теперь преимущественно, если не исключительно, пользуются, и то с грехом пополам, одни только нижние воинские чины; для местного же населения она почти не существует... Число пользующихся в

Здание Вохомской больницы построено в начале XX в. Фото 1960 гг.



Здание Вохомской больницы построено в 1910-е гг. Фото 1960 гг.

ней с каждым годом увеличивается: в 1867 году приходило на каждый день по 5 человек, в 1868 г. – по 6, в 1869 г. – по 9 человек. В зимнее и осеннее время число больных увеличивается до 13 и более. Такое стечение больных в заведении, устроенном на 6 коек, крайне затрудняет в размещении их: больные без различия рода болезни их помещаются на полу в палатах и даже в коридоре». (37)

Вскоре после введения земства Никольский уезд разделен на два врачебных участка – городской и Подосиновский, но из-за отсутствия врачей обоими участками заведовал один врач, – один врач на весь уезд, на все 24000 с лишним населения уезда! В уезде в это время были медицинские учреждения, кроме Никольской городской больницы, – лечебница в селе Вознесенском и Подосиновском и 5 фельдшерских пунктов:в с. Красном, в Лапшине, Подболотье (у Кильченгского городка) и в Шестакове, причем ни в одном из них не было «постоянных кроватей», и приходящие больные получали только совет фельдшеров. Каждый пункт снабжен небольшой аптечкой, у фельдшера были кровососные банки, «карманный набор и вообще все принадлежности для производства малой хирургии». Лапшинский же пункт был «крайне неудобен, по зимам страшно холодно, даже лекарства замерзают и нет возможности приобрести порядочную квартиру». Поэтому в докладе уездной земской управы (38) предлагалось этот пункт ликвидировать, причислить его к Вознесенскому участку, а при Вознесенской лечебнице предлагалось иметь двух фельдшеров. Во всем уезде в 1870 году в сельской местности работали лишь пять фельдшеров и 26 оспопрививателей.

Для помощи роженицам имелись в уезде три повивальных бабки: в г. Никольске, в с. Вознесенье и в Подосиновце. В том же докладе земской управы за 1877 год говорилось, что за весь год акушерских случаев в Вознесенской лечебнице было всего 26. Такое малое количество пациентов объясняется тем, что крестьяне очень неохотно обращаются за акушерской помощью, имея своих повитух, к которым уже привыкли. А если кто обратится, то не ранее как на 3-й или на 4-й день после начала родов, после того, как над роженицей испытают все методы доморощенного акушерства: разминание и глажение живота, парение в печи, встряхивание за ноги и спускание рожениц вниз головой в бане с полка для исправления младенца или подвешивания роженицы в бане к балке (грядке). Земским собранием от 22 сентября 1870 года было решено пригласить в уезд «специально знакомых с своим делом» четырех акушерок на оклад жалованья 120 рублей в год каждой.

Через десять лет, то есть к 1880 году, было в уезде два врача, 11 фельдшеров и 3 повивальных бабки. В этом году в Вознесенской лечебнице прошло лечение через стационар 187 человек и привито предохранительной оспы 3154 детям, а амбулаторных больных записано больше 2000.

К 1900 году в Никольском уезде было уже 4 врачебных участка, а в 1916 году уезд делился уже на 8 врачебных

участков. Каждый из них в среднем равнялся 4000 кв. верстам, а это очень много; число врачей все еще было недостаточно, в больницах не хватало мест для стационарного лечения (на весь участок было 33 места); акушерская помощь устроена плохо, не говоря уже о том, что для борьбы с эпидемиями, заразными болезнями, для охраны здоровья деревенских детей или для надзора за лавками, базарами и прочими местами, где сбываются часто вредные гнилые продукты, сделано еще очень мало. (39)

Настоящим бичом для населения в дореволюционное время были эпидемии. Так, в 1889 году на 3-м участке наблюдалась эпидемия брюшного тифа, гриппа и других болезней. Брюшной тиф появился в августе в Черновско-Николаевской волости в девяти деревнях сразу.

В 1890 году оспой болели 130 человек, из них умерли 40. Корью болели 238 человек, из них умер 31 человек; брюшным тифом болели 47 человек, из них умер один. Особенно распространен был кровавый понос в Вознесенской и Лапшинской волостях, где переболело 642 человека и умерли 33. Массовым было заболевание коклюшем (262 человека) и корью (238 детей, из них умер 31 ребенок); 150 человек переболели крупозным воспалением легких, отчего также многие умерли. (40)

В 1898 г. в Никольском уезде значительного развития достигла эпидемия натуральной оспы. В уезде зарегистрировано 502 случая, а за 10 месяцев 1899 года оспой переболели 1756 человек.

Скарлатиной болели в 1898 году 147, в 1899 г. – 326 и в 1900 г. – 273 человека. Брюшным тифом болели только в 1899 году 206 человек. (41)

Страшную картину представляли заразные болезни. Особенно распространен был сифилис. По развитию сифилиса участок занимал в уезде первое место. Так, в Вознесенской лечебнице за 4 года (1904-1907 гг.) зарегистрировано больных сифилисом, осмотренных врачом: первичным – 74, вторичным и возвратным – 686 и в гуматозном периоде – 2447, а всего за четыре года зарегистрировано 3208 случаев. Причем наибольший контингент больных сифилисом давали Вознесенская и Лапшинская волости, в которых болели иногда целыми селениями. (42) В занесении сифилиса в уезд, как отмечалось в докладе на съезде врачей в 1908 году, большую роль играет возвращение солдат на родину и отхожий промысел. Участковая больница не располагала отдельным помещением (бараком) для сифилитиков, и больные должны были лечиться амбулаторно. (43)

Обращает на себя внимание огромная смертность людей, особенно среди детей. Так, в 1900 году на 3-м участке, насчитывавшем тогда 95 тысяч населения обоего пола, родилось 4446, а умерло 2168. На 1000 человек рождаемость была 47, смертность – 28, прирост населения – 19 человек.

Смертность детей в возрасте до 1 года составляла 45,8 % всей смертности и достигла 270 на 1000 родившихся. А смертность детей в возрасте от 1 до 5 лет составила 16,1 % общей смертности и около 95 на 1000 родившихся. Смертность детей обоих этих возрастов (до года и от года до пяти лет) составила в 3-м участке 63 % всей смертности и на каждую тысячу родившихся было умерших в возрасте до 5 лет – 365 детей. (44)

<...>

Примечания

1. Рогозин П. По следам названий. «ВП» от 12.06.81 г. № 71.
2. Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1860
3. Вологодские губ. Ведомости. 1848 г., № 33.
4. Ежегодник Вологодской губернии. 1911 г., с. 113.
5. ВОГА (Вологодский областной государственный архив), ф. 108, оп. 5.
6. Северо-Двинская губерния. Вып. I, В.-Устюг, 1924 г.
7. Материалы для древней истории Поветлужья. (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 г. Горький, 1960 г.
8. Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией. Вып. 5. Исследования Богородицкого городища А.А. Поливановым. Кострома, 1901, с. 267-277.
9. Ключевский В. Курс русской истории. Часть I, 3-е издание. М.-Л., Госиздат, 1923, с. 384.
10. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, сочиненных Василием Крестининым, архангелогородским гражданином. Часть 1. СПб., 1784, с. 8.
11. Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1876. Том 3. С. 136.
12. Серебрянников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. Ж-л «Вопросы языкознания», 1955, с. 30.
13. ВГВ, 1885, № 45.
14. Бочаров Г.Н., Выгонов В.П. Александровская слобода. М., «Искусство», 1970.
15. Описание Российской империи в историческом, географическом и ста-

тистическом отношениях. Том первый. Тетрадь первая. СПб., 1844, с. 30.

16. Отражение первой русской революции в Северо-Двинской губернии. Сборник статей. Издание истпарта Северо-Двинского губкома. В.-Устюг. 1926, с. 55.

17. Следы единственной уцелевшей во всем крае летописи Крестогорского монастыря, случайно обнаруженные, опять затерялись: она кем-то похищена лет десять назад. Выписки из нее успели сделать в 1969 году В. Афанасов и Н. Лупугшин (см. местную районную газету «Вохомская правда» от 23 января 1971 г.).

18. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Том первый. Тетрадь первая. СПб., 1844, с. 21.

19. КОГА (Костромской областной государственный архив), ф. 652, оп. 1, д. 7, Д.П. Дементьев. Письма к И.Д. Преображенскому 1890-1908 гг.

20. Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской губернскою ученой архивной комиссией. Выпуск третий. Кострома, 1894, с. 47.

21. КОГА. ф. 652, оп. 1, д. 7, л. 131 обор.

22. Даты построения церквей нам удалось установить по следующим источникам: а) Ведомость о количестве церквей в В.-Устюжской епархии (Южская треть) за 1781 год. Великоустюжский филиал ВОГА, ф. 363, оп. 1, св. 186, д. 57998, л. 111 (скоропись); б) Список соборов и церквей Вологодской епархии с подразделением их на благочиннеченские округа по распределению 1889 г.; в) Вологодские епархиальные ведомости разных лет; г) Вологодские губернские ведомости разных лет.

23. Газета «Известия» от 24 сентября 1976 г. А. Копанев «След древних деревень».

См. «Вохомскую правду» от 23 января 1971 г. Статья В.А. Афанасова и Н. Ляпугина «Селу Тихону – 500 лет».

24. В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. А.И. Бодуэна де Куртенэ. Том 1. Изд. т-ва Вольф, СПб., М., 1914, с. 1677.

25. Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромскою ученою комиссией. Выпуск третий. Кострома, 1894. Раздел «Исследования» (статья Мюллера О.К.).

26. Грамотки XVII – начала XVIII века. Под ред. Котова С.И. «Наука», М., 1969, с. 235.

27. Там же.

28. Орлов З.А. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907, с. 31-36.

29. Серебрянников Б.А. О происхождении верхних слоев северно-русской гидронимии. "Вопросы языкознания", 1970, № 1, с. 55.

30. Матвеев А.Г. Субстратная топонимика русского Севера. "Вопросы языкознания", 1964, № 2, с. 79.

31. КОГА. Костромской государственный областной архив. ф. 652, оп. Д.П. Дементьев. Переписка с И.Д. Преображенским.

32. Рогозин П. По следам названий. «Вохомская правда» от 12.06.1976 г.

33. Попов А.И. Ветлуга. Озеро Лача. Ж-л «Русская речь», 1973, № 4, с. 126-8.

34. «Вохомская правда» от 14.03.1970 г. и от 23.03.1974 г. Ю. Николаева. Ветлуга. Марийская легенда.

35. Ж-л «Древняя и новая Россия», т. 3 за 1875 год, с. 136-156.

36. Никольское уездное земство. Краткий исторический очерк за 1870-1917 гг. Составил Аруев Н.Н., секретарь Никольской уездной земской управы. Никольск, 27/14 марта 1918, с. 4.

37. Там же, с. 4.

38. Доклады Никольской уездной управы. Устюг, 1878, с. 481.

Ж-лы Никольского уездного собрания Вологодской губернии, очередной сессии 1907 года. Никольск, 1907.

Табличные данные об устройстве земско-медицинского дела и деятельности земско-медицинской организации в уезде в 1904-1907 годах по Никольскому уезду. Никольск, 1907.

39. Никольское уездное земство. Краткий исторический очерк за 1870-1917 гг. Составил Аруев Н.Н., секретарь Никольской уездной земской управы. Никольск, 27/14 марта 1918, с. 157.

40. Второй губернский съезд врачей Вологодского земства (Протоколы заседаний и труды). Май 1891. Вологда, 1891.

41. Труды пятого съезда земских врачей Вологодской губернии (1-10 июня 1901 г.). Вып. 2, ч. 3 (доклады врачей-делегатов). Вологда, 1902, с. 257.

42. Труды губернского съезда врачей и представителей земств Вологодской губернии 1-11июля 1908 г. Вып. 4. Делегатские доклады. Вологда, 1910, с. 79.

43. Труды пятого съезда земских врачей Вологодской губернии (1-10 июня 1901 г.). Вып. 2, ч. 3 (Доклады врачей-делегатов). Вологда, 1902, с. 257.

44. Там же.

Хронограф

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

XVI-XVII вв. – Вохомский край входит в состав Устюжской четверти.

1708 г. – 1780 г. – Территория Вохомского края относится к Архангелогородской губернии.

1780 г. – 1796 г. – Территория Вохомского края входит в состав Вологодского наместничества.

1796 г. – Во вновь образованной Указом Павла I Вологодской губернии территория Вохомского края находится в составе Никольского уезда с центром в с. Вознесенье.

1918 – 1929 гг. – Вохомский край в границах Никольского уезда входит во вновь образованную Северо-Двинскую губернию с центром в Великом Устюге.

1929-1937 гг. – Территория Вохомского района входит в состав Северо-Двинского округа Северного края.

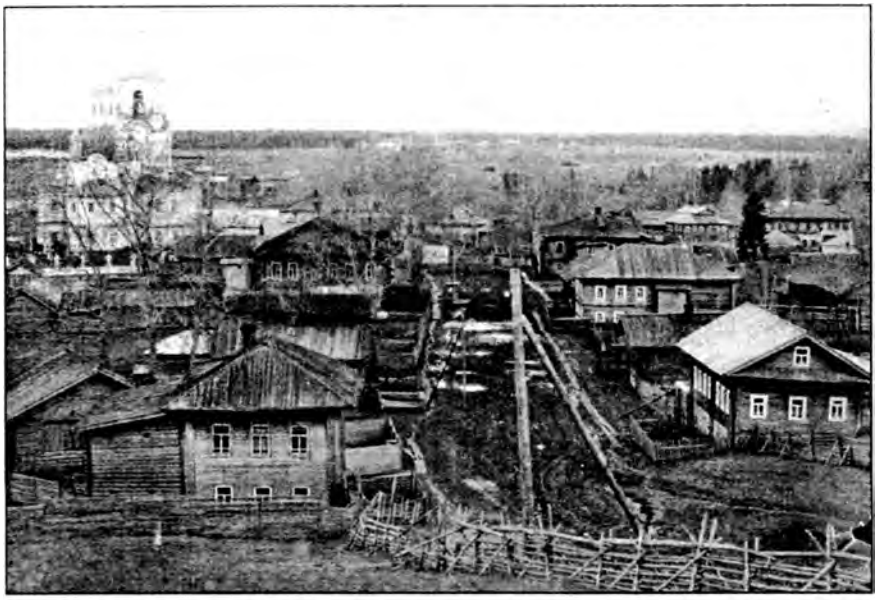
1935 г. – Вохомский район поделен на два района: Вохомский и Павинский.

1937 г. – Упразднение Северного края. На его территории образована Архангельская и Вологодская области, в состав последней входят территории Вохомского района.

1944 г. – Вохомский район входит в состав Костромской области.

1945 г. – Из Вохомского района выделен еще один район – Боговаровский (в 1963 году он упразднен и его территория вновь включена в состав Вохомского района, а в 1966 г. вновь выделен как Октябрьский район).

ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ



Село Вознесенье (Вохма). Конец XIX в. Фото И.С. Аммосова.

Особый интерес для меня, как собирателя, представляют легенды о строительстве храма в селе Вознесенье, которые поведали местные жители. В народе бытуют несколько вариантов. «Некогда на этом месте стояла часовня. Однажды одна богомольная богатая женщина, страдающая тяжелым недугом, в очередной раз пришла помолиться. И вдруг! О чудо… Она увидела видение: Христос в окружении апостолов. Женщина с мольбами обратилась к Христу, дав обет все свои сбережения потратить на строительство храма. Спустя время женщина действительно исцелилась и все свои накопления потратила на строительство церкви». Легенда гласит, что храм Вознесения Господня был возведен благодаря и собранным средствам простого народа. Тогдашние мастера знали особый рецепт цемента, в основу которого обязательно входили яйца и кровь животных, отчего кирпичи намертво прикреплялись друг к другу. (1)

Другая легенда поведала иную историю: «Прежде чем начать строительство храма, на выбранное православными место (на Тарасовском угоре) была положена икона с изображением Спасителя. Три дня подряд икону обнаруживали совершенно в другом месте, чуть ниже Тарасовского угора (на месте, где в данный момент находится разрушенный храм). Удивительное перемещение иконы с одного места на другое навело селян на мысль, где необходимо построить церковь». (2)

Храм удался. Не было такого окрест по величию и красоте. Старики уверяли, что в ясные дни с его колокольни видна была Луптюгская церковь, а звон церковных колоколов был слышен аж в селе Николе.

В храме был установлен храмовый праздник – Вознесения Господня.

Обратимся к архивным данным. В Писцовой книге Алексея Ладыженского 1676-1683 гг. о Вознесенской церкви сказано следующее: «В Вохомской волости погост поставлен ново на поскотинной земли деревни Тарасиха. На погосте церковь Вознесения.., а в церкви Царские двери, столицы и двери писаны на красках…»

И далее: «Колокольня на одном столпе, на ней три колокола весом 6 пудов. На погосте… поп Григорей Антонов.., длина двору восм сажен, поперег тож, … дьячек Гришка Панфилов.., длина двору восм сажен, поперег пят сажен, … пономарь Лаврушка Антонов, длина двору шест сажен, поперег пят сажен, просфирница Марфица Григорьева, длина двору пят сажен, поперег три сажени». Вот с этих-то четырех дворов, а также с Вознесенской церкви, по мнению автора, и начинается история села Вознесенье.

Впервые же о Вознесенском погосте упоминается в Переписной книге А. Ладыженского в 1677 году словами: «... В той же (Вохомской) волости погост Вознесенской, а на погосте поп Григорей Антонов...» Но, оказывается, этот погост существовал и раньше, т. к. в Переписной книге Гавриила Мышецкого 1668 г. наряду с четырьмя приходами Вохомской волости: Спасским, Троицким, Георгиевским и Никольским – упоминается и пятый, Вознесенский приход. Следовательно, в 1668 г. в волости уже был Вознесенский погост. Но и это сообщение о Вохомском приходе было не первым. В более ранней Переписной книге Семена Юрьева 1658 г. также указаны все вохомские приходы. В этой же книге говорится о наборе рекрутов в Вохомской волости. Поскольку в Писцовой книге Никиты Вышесловцева 1626 г. в Вохомской волости указан всего один Преображенский погост, то, следовательно, село Вознесенье было основано между 1626 и 1658 гг. (3)

Сразу сделаю оговорку, что даты основания сел и даты строительства церквей тесно связаны друг с другом.

По утверждению краеведа Д.П. Дементьева, Кажировская деревянная церковь Николая Чудотворца была приписана в 1592 г. к Ипатьевскому монастырю. Значит, дата основания Кажировской пустыни, как ее принято называть, и это название до сих пор бытует в народе, приходится на начало XV века, аж на 1423 год. Причем, в пустыни уже тогда существовала братия в количестве четырнадцати человек, к монастырю были приписаны 26 крестьян.

В память убиенного в 1615 г. игумена Сергия в церкви Богоявления с. Кажирово был установлен храмовый праздник – Сергиев день.

Вторая каменная церковь была сложена в 1836 г. и относилась уже к Варнавинской пустыни. По Дементьеву, Кажировские церкви самые древние в Заветлужье и во всем крае.

Несомненно, что пожар кладбищенской Ильинской деревянной церкви именно в 1615 г. (по церковному летоисчислению в 7123 г.) связан с нападением польских разбойников. Из поколения в поколение здесь передается легенда: будто поляки сбросили с колокольни церковный колокол и утопили его в озере Бурдино.

По немногочисленным сведениям, имеющимся в фондах музея, Лапшинская церковь была построена в 1868 г. «Она состояла из зимней и летней половины и была очень большая. Церковь была кирпичная, покрашена в белый цвет. Вокруг церкви стояла железная ограда на каменном фундаменте с большими каменными столбами. Входные ворота также были большие, двухстворчатые, и был еще маленький вход. Ворота выходили на дорогу. Кругом был зеленый лужок. Церковь называлась Казанская, поэтому в Лапшине праздновался престольный праздник иконы Казанской Божьей Матери. В 30-е годы храм был поруган и разрушен. Но на старом кладбище находилась небольшая деревянная часовня, где по праздникам проходили богослужения. Недалеко от поповского дома (в настоящее время это здание сельской

Бывшая Вознесенская церковь. Фото начала XX в.

администрации) располагалась просвирня, а рядом – дом псаломщика». (4)

Сохранилась запись о Зосимо-Савватиевской деревянной церкви в Лапшинской волости, построенной в 1689 г., и каменной, выстроенной в 1846 г.

Есть небольшая запись о деревянной Конницкой церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной в 1899 г. крестьянами Скрябиными: Афанасием, Фомой, Антоном, Кириллом, Василием и Кондратом.

О церкви в с. Спасе говорится следующее: древняя Спасо-Преображенская церковь с 164-пудовым большим колоколом на звоннице сохранялась вплоть до 1936 г. По имени церкви приход назывался Вохомско-Спасо-Преображенским. Эта церковь была сооружена в 1796 г. До этого времени в селе действовала деревянная церковь, построенная в 1747 г.

Оказывается, что, когда разбирали церковь в с. Николе, был найден пятак 1635 г., но кирпичная большая церковь была построена чуть позже, т.к. строительство церкви затянулось на несколько лет. Сам Никольский приход сохранялся долго после революции, служили в нем и после 30-х годов XX в. Церковь прикрыли в 1932-33 гг. После этого стали служить в маленькой деревянной Ильинской церкви, которая стояла на самом берегу реки. Служба в ней была и в годы Великой Отечественной войны. В большой церкви служителем сначала был поп Капустин, а затем Чупров Алексей. Когда стали запрещать службы, попов увезли, и о их дальнейшей судьбе никто ничего не знает. Приход назывался Никольским, т.к. церковь закладывалась в день св. Николая.

«Приход же в Вознесенье-Вохме сохранялся до 1937 г. На церкви – пятисотпудовый колокол, басовитый голос которого разносился на утренних и вечерних зорях на десятки верст вокруг. В обеих церквах справляли службу 13 семей духовенства. Но когда священника Алексея (фамилия не известна) арестовали и он был осужден, а вскоре умер в одном из лагерей, жена его последние годы проживала в деревне Соседково в самой бедной избушке и умерла сразу после войны, – вспоминает Алексей Фролович Кузнецов из п. Воробьевицы. – Была попадья крупной женщиной, ходила по деревне в домотканом сарафане до пят».

В селе Вознесенье-Вохма в начале XX века в самом центре (на месте, где сейчас выстроен районный Дом культуры) был заложен собор, на строительстве которого положила крест революция.

Покровская деревянная церковь выстроена между деревнями Титово и Верхоженинской, была открыта в 1903 г. и названа в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Данная церковь просуществовала совсем недолго, всего три десятилетия.

В 1748 г. в с. Вознесенье-Вохме выстроена еще одна кладбищенская церковь (перестроена в 1868 г.), где в основном проходило отпевание покойников. Церковь получила свое название в честь праздника Сретения Господня.

Одной из самых древних в нашем районе также считается Тихоновская церковь, построенная вместе с монастырем в 1470 г. На этом же месте в 1679 г. была выстроена каменная Святогорская церковь, перестроенная в 1744 г., а после закрытия монастыря в 1764 г. она была поверстана в приходскую церковь и стала называться Тихоновской церковью. Монастырь, или Тихоновская пустынь (по другим источникам Крестогорская пустынь), основан в 1679 г. преп. Тихоном Вологодским Чудотворцем. Монастырских крестьян было 234 человека.

Кроме Кажировской и Тихоновской пустыни, на территории нынешнего района в Заветлужской сельской администрации существовал еще один монастырь – так называемая Богородицкая женская община. Однако он больше известен как Башмаковский монастырь, т.к. основан на земле помещика Н. Башмакова. Монастырь был основан, по определению св. Синода, 16 августа 1900 г. и располагался между селами Заветлужье и Кажирово. При его образовании было лишь 16 сестер, но в 1916 г. в ней было уже 150 сестер. Монастырь развернул бурную хозяйственную деятельность. В его

ведении была мельница на р. Якшанге, маслобойный завод по выработке льняного масла, валяльная фабрика, иконописная мастерская. Здесь разводили породистый скот (45 коров, 25 лошадей). К началу империалистической войны монастырь заготовил миллион кирпичей для сооружения собора. В 1929 г. он ликвидировался, вскоре его переоборудовали в трудовую женскую артель.

Троицкая деревянная церковь (Обуховская сельская администрация) построена в 1684 г., а каменная – в 1786 г. Троицкая церковь (с. Троица, Лапшинская волость) строилась между 1796 г. (1 этаж) и 1804 г. (2 этаж), Хорошевская Георгиевская церковь построилась в 1628 г., по утверждению окладных книг Галичской десятины.

Как видим: церквами был усеян весь наш край. Уже в 1866 г. в Никольском уезде было 49 каменных, 7 деревянных и 29 часовен.

Что касается часовен, то в старину во многих населенных пунктах, а иногда и за ее пределами (на перекрестке дорог) стояли часовни. К великому сожалению, в настоящее время ни одна из часовен не сохранилась, но память о них жива. По смутным воспоминаниям старожилов мы можем воссоздать картину далекого прошлого. Так, жители Согры помнят, что в самом центре их села некогда стояла деревянная небольшая часовня. Сейчас на этом месте стоит школа. Часовня, по преданиям, была построена на деньги жителей окрестных деревень и была очень уютной. В часовне горели лампадки.

Священник Николай Аббатин.

В деревне Кривцово (недалеко от Лапшино) часовня стояла в конце деревни. Она была небольшая, деревянная. Внутри украшена иконами. На Троицын день в часовне всегда проходила праздничная служба, которую вел священник. После службы крестный ход с иконами в руках обходил все дома. Праздник Троицы считался часовенным праздником. Помимо часовенного старосты, в часовне некоторое время имелся сторож, звали его Семеном. Он неоднократно выступал в роли крестного отца местной ребятни и был человеком глубоко верующим и одиноким.

В деревне Масленниково, что находилась недалеко от д. Б. Мокруша, часовня имела место в самом центре деревни. Из воспоминаний местных жителей, в годы Великой Отечественной войны и после нее в часовне располагался склад зерна и было всегда грязно. Интересен факт, что в этой часовне некогда отмечался свой часовенный праздник – Семенов день (14 сентября) – в качестве престольного праздника. В этот день также проходила праздничная служба, после которой по обычаю вокруг часовни объезжали верхом на лошадях. Считалось, что Семенов день – самое благоприятное время для покупки и продажи лошадей. В этот день в деревню Масленниково съезжались мужчины из всех близлежащих деревень для участия в подобном обряде. В этой часовне тоже был часовенный староста.

Сопоставив все факты, можно сделать вывод, что к началу XX века на территории района располагалось до 50 различных часовен. Нередко часовни строились в

отдаленных от церкви деревнях, а также на перекрестках дорог.

В Сретенской церкви, которая вновь была открыта в 1992 г., отмечается один престольный праздник – Сретение Господне.

Старожилы говорят, что раньше во многих домах с. Вознесенья-Вохмы обязательным считалось иметь икону престольного праздника, того храма, который ты посещаешь постоянно. А так как в Вохме было две церкви, в домах имелась и та, и другая икона.

– Престольный праздник всегда праздновался широко, – вспоминает уроженка села Вознесенья-Вохмы Н.А. Герасимова. – Готовились к нему заранее. Постились, с утра шли в церковь нарядные, обязательно исповедовались и причащались. После церкви молитва продолжалась дома. На колени тятя (отец) ставил всю семью и детей тоже. Только помолившись, приступали к трапезе, в праздники это было праздничное застолье.

А так как застолье всегда праздновалось за столом, в старину существовало немало обычаев, связанных с этим предметом. До сих пор многие старые люди не только стол, который стоит в переднем углу под иконами, но и любой стол вообще называют Божьим престолом. Почему? Объяснения таковы: издавна стол выступал неким символом, объединяющим семью и в горе, и в радости, т.е. во все случаи жизни (по поводу и без него). За столом собиралась вся семья за обедом. За столом собиралось свадебное застолье, нередко праздновалось рождение ребенка, крестины. И даже гроб с умершим человеком ставили зачастую не на скамейку, а на стол.

Относились к столу с особым уважением, к этому приучали и детей. К примеру, бить кулаком по столу и стучать ложками считалось большим грехом. На стол не разрешалось становиться ногами (исключение составляет лишь подготовка к большому религиозному празднику, когда женщины, становясь на специальные столики, которые были выше скамеек и лавок, мыли и драили потолки). Нельзя было на стол садиться и сажать маленького ребенка, оставлять на столе шапку и варежки. Не разрешалось сидеть на столе и животным (кошке). «Стол – престол, и относиться к нему необходимо было с достоинством», – говорит Л.И. Фатиева.

В давние времена стол обязательно покрывали скатертью. В обычные дни это была простая домотканая скатерть из пестряди, в праздничные – браная (нарядная и вышитая). О нарядности такой скатерти можно было судить, как живет семья, о ее благосостоянии. Вместе с вышитыми полотенцами такую скатерть готовили девушки себе в приданое. Особых случаев, когда прибегают к помощи стола или к помощи скатерти, мои собеседники не вспомнили. Вероятно, что их не было вообще, а может быть, за давностью лет они забылись.

Подготовка к престольному празднику начиналась задолго до самого праздника. Помимо того, что каждая семья запасала к празднику различные продукты (яйца, масло, сметану, сладости), варили домашнее хмельное пиво. По словам В.М. Огарковой, ее мать варила пиво сама чанами на 2-4 пуда – 8-16 ведер и зазывала всех родственников: «Давайте, приезжайте на Вознесенье пивка отведать...» А пиво, по словам Валентины Михайловны, хвалили все.

Пиво варилось из солода и хмеля. И если сварено правильно, строго по рецепту, то от него никогда не бывает похмелья.

Если в деревне или в селе проживали родственники, то пиво зачастую варилось в складчину (так называемые «братчины»). Если же хозяева ждали много гостей из других сел и деревень, то пиво варили сами, отдельно друг от друга, не прибегая к помощи соседей, друзей.

Перед престольным праздником наводилась особая чистота и порядок. Прибиралась даже улица. Каждый хозяин прибирал территорию вокруг своего дома, улицу же мели и чистили сообща.

Уборка в доме начиналась рано утром накануне праздника. Вначале чистили и мыли иконы в переднем углу. Но прежде чем приступить к этой процедуре, читались молитвы «Отче наш», «Бого-

родице, Дево радуйся...» Воде, которой мыли и протирали иконы (иногда это была святая вода), придавался особый смысл. Ее нельзя было просто вылить или выплеснуть. Таз с водой выносили обычно под яблоню (или березу), т.е. в то место, где никто не ходит. Такое место называлось чистым.

После уборки красного угла убирали и мыли весь дом, а затем и подсобные помещения.

Лампадки в домах горели всегда, а вот дополнительные зажигали перед вечерней молитвой накануне престольного праздника. В этот же день топили баню, мылись. Считалось, что в престольный праздник нужно быть чистыми. Одевали всегда чистое белье. Хотя обновки и были редки, у каждого члена семьи существовала праздничная одежда. Некоторые вещи вообще передавались из поколения в поколение.

Замужние женщины только по большим праздникам, в том числе и престольным, надевали большие шелковые расписные шали, мужчины – яркие рубахи-косоворотки, украшенные вышивкой. Молодые девушки в Вознесеньев день украшали голову венком из цветов. Наряды девушек и женщин отличались: девушки не надевали большие шали, а девочки-подростки покрывали голову светлыми легкими платочками.

Шаль надевали непосредственно в день праздника или на ярмарку (обычно ярмарка приурочивалась к храмовому престольному празднику).

В престольный праздник храм посещали всей семьей, кроме больных и престарелых, которые оставались дома и ждали молившихся. К праздничной службе в церковь шли празднично одетыми. Надевали всегда самое лучшее.

В престольный праздник в церкви всегда было много народа, как говорится, «негде яблоку упасть». (4) Поэтому служба начиналась значительно раньше обычной.

Обязательным считалось поминание в этот день умерших родственников. Ставились свечи, заказывались обедни, молились за упокой. Старые люди говорят, что престольный праздник должны праздновать не только ныне живущие, но и те, кто некогда посещал этот храм и молился за их здоровье. А вот на кладбище ходили не все. Для посещения умерших и сейчас существуют специальные поминальные дни.

В нашей местности в канун престольного праздника имел место обычай тайной милостыни.

– За душу умершего, во здравие болящего и в некоторых иных случаях подают тайную милостыню: ночью тайно клали на окошко бедным денег или хлеба, а иногда восковую свечу, – говорит Л.И. Фатиева.

Очень редко, но встречалось и такое: если в семье кто-либо тяжело заболел, то его домашние, «посоветовавшись между собою», посылали в ночное время по деревне с милостыней специально выбранного хорошего доверительного человека. Подобная милостыня состояла из свечей и запаса еды. Кто побогаче, в милостыню клал деньги в надежде, что люди, получившие ее, непременно помолятся Богу о здравии болящего.

Но более распространенной все-таки считалась простая милостыня. Подавали ее хлебом, пирогами, сметаной, молоком... Эту милостыню не оставляли снаружи дома, а вручали домочадцам.

Тайная милостыня была более распространена до 20-х годов XX века. Тайная милостыня входила в поминальные поминовения усопших: в ночь на Радоницу, в канун вселенских родительских суббот, а также в ночь больших церковных праздников.

– Тайная милостыня – это когда помогали бедным, нуждающимся, попавшим в беду. Помогают в любом случае, но чтобы никто не видел. Приносили тайно, кто что принесет – денег ли, образ ли. Тайная милостыня доходнее всех других поминаний. Не хвалились, а помогали, – говорит Г.Е. Смоковдина.

– Раньше ведь как – у кого есть коровка, а у кого и нет. У кого нет, тому на праздник на крыльцо приносили молочко, сметанку. Сейчас – не как раньше: сейчас мы дадим да похвалимся. А хвалиться нельзя. Раньше часто приносили, – продолжает Галина Евгеньевна.

Храм в с. Покров (предположительно).

– Тайная милостыня. Это моя свекра, когда была жива, делала. Тогда народ проще был, добрее. Все несли бедным к празднику разговляться – яички, молоко, пироги, – добавляет Екатерина Васильевна Швецова.

– Под праздник подносили бедным кто чего: кто мяса кусок, кто молока. Оставались вдовы с детьми, и им помогали. Вроде Божий подарок. И даже, кто дарил, тот не сказывал, дескать, я что-то принесла, – говорит З.С. Лаптева.

По моему мнению, эта традиция еще не умерла. Пока о ней живо воспоминание, пусть и очень редкое, значит, есть надежда, что она будет воспринята следующими поколениями.

Престольные праздники в окрестных селениях также праздновались в особые дни. Так, Троица праздновалась в селе Троица, Покров – в Покрове, Казанская – в Лапшино, Преображение – в Спасе, Рождество Христово – в Кажирове, Рождество Пресвятой Богородицы – в Коннице.

Так же, как на престольный праздник в с. Вознесенье-Вохму съезжались жители из близлежащих и дальних селений, так и в другие престольные праздники, которые отмечали села, съезжались и приходили люди.

Поскольку престольный праздник был временем празднования для всего прихода, то в празднующее село всегда съезжалась вся округа. Это был удобный момент для торговли. Поэтому престольный праздник совпадал с ярмаркой.

В с. Вознесенье-Вохме издавна проводились четыре ежегодные ярмарки: Алексеевская (17 марта) с оборотом до 12000 рублей, Благовещенская (25 марта) с оборотом 10000 рублей, Рождественская (с 25 по 30 декабря) с оборотом до 10000 рублей, Семеновская (с 28 августа по 3 сентября) с оборотом до 12 000 рублей. С ноября по апрель проводились торжки в воскресные дни. Алексеевская и Семеновская ярмарки ежегодно устраивались вплоть до конца 1920 года.

На ярмарки съезжалось много тысяч человек. Было настолько людно, что по главной улице, носившей название Народная (ныне Советская), да и по другим улицам села было трудно пройти, а тем более проехать. Все близлежащие деревни, не говоря уже о самом селе, были забиты постояльцами и их возами. Чуть свет они шли и ехали продавать и покупать. А кто просто приезжал «людей посмотреть и себя показать». Торговали не только в самом селе и с возов, и с рук, но и за селом на любой свободной площади. Продавался хлеб, мясо, сало, мед, воск, холсты, пенька, смола, др., чем была богата Вохма. Здесь можно было купить привозимые из Вятки телеги, тарантасы, колеса, сбрую, деревянные ложки, чашки, блюда и другие изделия вятских крестьян. Сразу сделаю оговорку: таких изделий никольских крестьян почти не встречалось в Вохме.

Особенно буйную торговлю здесь вели цыгане, бог весть откуда приезжавшие в такую глубинку целыми толпами, чтобы продать и купить ло-

шадей. «На ярмарки привозили откуда-то карусель и другие аттракционы, даже с дрессированным медведем. Организаторы таких увеселений сколачивали огромные капиталы», – пишет краевед В.М. Панфилов.

«Окрестными крестьянами в эти торговые дни привозится в Вознесенье до 50 и более возов горохового киселя, разлитого в корытцах. Порция этого киселя достаточная для того, чтобы быть сытому, стоит 1 копейка серебром. А каждый продавец горохового киселя сбывал со своего возу слишком на 1 руб. 50 коп.», – пишет Н. Скворцов в «Кратком взгляде на село Вохомско-Вознесенское» в 1848 году.

В этой же книге сказано: «Село Вохомско-Вознесенское издавна составляло и составляет значительный торговый пункт, особливо в зимнее время. Все местные произведения, преимущественно хлеб разного рода, привозятся сюда в большом количестве окрестными обывателями. Народу в торговые дни собирается по нескольку тысяч, торги бывают столь велики, что закупщики, особенно из Устюга Великого, приобретают здесь хлеба в один раз многие тысячи пудов и отправляют его на пристань при г. Никольске.

Из Вознесенья по реке Вохме, а затем до самой земли Двинских казаков отправлялась смола, которая закупалась преимущественно в ярмарочные дни, скипидар и смола шли в основном в Архангельск».

Вывозилась и пушнина из Вохмы и отправлялась прямо в Архангельск. Так в «Черновой книге» 1671-72 гг. имеется запись «... об отвозе Кириллом Ильиным Будиловым купленных 2 тысяч белок за 40 руб. на Макарьевскую ярмарку, в том же году он отвозил в Архангельск... покупки на 140 руб. 7 тыс. белок и зелени, 14 куниц и рассомаху».

Еще раньше в Вознесенье проводилась пятая – Тихвинская ярмарка. Но следы ее теряются в начале XX века.

«Огромный доход приносили ярмарки и местным купцам. К примеру, купец Агеев, который вел активную торговлю с купцами из других губерний, в начале 1 мировой войны открыл в селе «Банк Агеева» с капиталом в миллион рублей. Богатели Гречихины, Казаковы, Бессудовы, Балакины, Исуповы, Таракановские, Ильинские и др.» (5)

А вот воспоминания старожилов:

– Народу собиралось видимо-невидимо. Сотни лавок, торговых палаток... Народ съезжался за несколько дней. Помню, однажды потерялась я на ярмарке. Было мне тогда лет пять. Насилу нашла тятю, – вспоминает Е. В.Швецова.

Из воспоминаний выяснилось, что многие не только покупали какой-нибудь товар, но и старались кое-что продать. Ведь в каждом селе, в каждой деревне были свои местные мастера. Одни работали по дереву, другие плели лапти и бураки, третьи – выделывали кожу, ткали холсты.

На ярмарках вели торговлю и продуктами питания, и даже такими продуктами, которые хранить долго было нельзя.

На подобные ярмарки приезжали даже татары с целью купить лошадей. Большинство ярмарок продолжалось несколько дней. Такие ярмарки назывались местными жителями широкими.

Так, Андрей Подобин из д. Вавилята торговал мылом и разной галантереей, купленной им где-то в городе. Крестьянин Геннадий Дмитриевич Якшин из Луптюга вел торговлю веретенами, зыбками, хлебницами и слыл в народе умелым резчиком по дереву. Женщины с. Медведкова славились своими пшеничными пирогами, именуемыми в народе тетерями. Сказывают, что такие вкусные пироги пекли только они, видимо, знали особый рецепт. Скрябин Никита из д. Осанихи (недалеко от Николы) плел лапти и распродавал на одной ярмарке до ста и более пар, а Скрябин Илья из Петрецова имел свою маслобойку и круглогодично вел торговлю маслом. (6)

Ни одна ярмарка не обходила стороной детвору. Для них всегда устраивались аттракционы. На месте, где сейчас стоит кинотеатр «Юбилейный», ставили карусель.

Карусель представляла собой небольшие крытые брезентом беседки, которые вмещали 2-3 человека. На такой

карусели одновременно могли прокатиться 20-30 человек.

Дети любили посещать ярмарку, т. к. на ней можно было купить всевозможные игрушки: свистульки, петушки, которые изготовляли как местные, так и приезжие мастера. Но игрушки приезжих мастеров отличались насыщенностью красок и формами.

Детям покупались обновы и сладости.

На ярмарках всегда открыты питейные заведения, именуемые в народе кабаками. Так, только у купцов Ногина и Казакова в округе было 23 кабака (13 в самой Вохме).

Несмотря на кажущееся богатство ярмарки, на ней всегда было много нищих и калек, которые специально сходились отовсюду, чтобы поживиться. Милостыню подавали всегда, кто чем может. В основном это были продукты, реже – деньги.

Среди народа существовали и разные ярмарочные присловья, такие, как: «Широка разноцветна наша ярмарка», «На ярмарке побываешь – всего повидаешь», «На ярмарке побываешь – попьешь и погуляешь», «Чтоб телегу (сани) купить, надо на ярмарке быть» и др.

Прошли годы... Ушли в прошлое многие замечательные традиции, связанные с храмовыми престольными праздниками. К великому сожалению, большинство обрядов осталось только в воспоминаниях наших бабушек и дедушек, которым 70-80 лет. К примеру, прекрасный старинный обряд, связанный с подбрасыванием лепешек (лестничек) из теста на праздник Вознесения Господня, смогла припомнить только Г.Е. Смоковдина из д. Бельково, которой уже 85. Другие обряды, а таких пока единицы, постепенно возрождаются, встают на ноги из небытия.

И.Ю. МИГУТИНА

В материале использованы воспоминания жителей п. Вохмы Е.В. Швецовой, М.А. Борисовой, Л.М. Чичериной, Л.И. Фатиевой, Г.Е. Смоковдиной, Н.А. Муравьевой, Н.А. Герасимовой, М.А. Евсевьевой, З.С. Лаптевой, которые в разное время проживали в различных уголках района.

Примечания

1. Информатор Н.А. Муравьева.
2. Информатор М.И. Большакова.
3. В.М. Панфилов «Документальные очерки по истории Вохомского края».
4. Из материалов, собранных Лапшинским клубом (архив музея).
5. Возникновение этой пословицы Л.И. Фатиева относит к празднованию яблочного Спаса.
6. Данные взяты из архива Вохомского района, д. 238, л. 31-36.

Хронограф

СВЯТЫНИ

1470 г. Построена самая древняя в крае церковь в селе Тихон и мужской монастырь. (По данным летописи Крестогорского монастыря – выписки В.Афанасова и Н.Ляпугина 1969 г.)

По мнению известного краеведа Д.П.Дементьева, самые древние церкви в Заветлужье и во всем крае – церкви в селе Кажирово :

Богоявления и Николая Чудотворца. (Дата основания монастыря – 1423 г.)

1592 г. Кажировская деревянная церковь во имя Николая Чудотворца была приписана к Ипатьевскому монастырю, а в 1717 г. – к Варнавинской пустыни.

1679 г. В с. Тихон была построена каменная Святогорская церковь, в 1744 г. она перестроена.

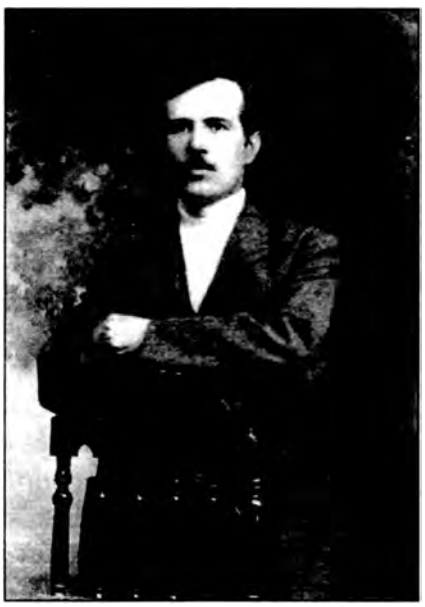
1764 г. После закрытия Тихоновского монастыря Святогорская церковь стала приходской и получила имя Тихоновской.

1740 г. В селе Вознесенье – Вохма построена деревянная Вознесенская церковь, в 1780 г. сложено каменное здание церкви, освященное в 1782 г.

ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ

Людская молва считает первым фотографом в Вохме Аммосова Ивана Сергеевича. Он родился 9 января 1885 года в дер. Амосово Даровского района Кировской обл. Родители были крестьяне. Какое он получил образование и где, установить не представляется возможным. Наиболее вероятно, что он уехал к родственникам в Москву, где и познакомился с основами фотографии (возможно, работая в фотоателье вначале подсобным рабочим).

По-видимому, в Вохму Аммосовы приехали после революционных событий 1917 г., т. к. их дети – Вера 1913 года рождения и Иван 1914 года рождения – в книгах регистрации новорожденных в Вохомском ЗАГСе не числятся. Поэтому будем считать, что Иван Сергеевич Аммосов приехал в Вохму после 1917 г. с семьей, состоящей из его жены Александры Михайловны, дочери Веры и сына Ивана. Семья поселилась в доме Поповой Елены Алексеевны 1867 года рождения, девицы, которая в силу материальных затруднений не могла достроить дом по ул. Школьной (современное название улицы), и Иван Сергеевич взял на себя обязательство помочь ей в завершении строительства и совместном проживании в доме до самой смерти владелицы с правом наследования. Таким образом, в «Поселенном списке деревень по Бельковскому с/совету» за 1925 год она числится в семье Аммосовых приемной матерью.



Иван Сергеевич Аммосов. Фото на фирменном паспорте художественной фотографии в с. Вознесенье-Вохма.

Сразу по приезде в Вохму Иван Сергеевич открывает здесь фотоателье. Оборудование для него он, по-видимому, привез с собою из Москвы, но, возможно, вначале он работал совместно с двоюродным братом Аммосовым Алексеем Степановичем.

Фотоателье Аммосова было единственным в Вохме на протяжении многих лет – только в начале 1950-х годов параллельно с частной (Аммосова) мастерской начинает работать государственная фотомастерская при Коммунальном отделе (там работал Кузнецов Сергей Вакхович, затем Козлов Николай... Герасимов Сергей Сергеевич и т. д.) Некоторое время в фотоателье отцу помогала Вера Ивановна. По-видимому, государственная фотомастерская не выдерживала конкуренции с Аммосовым, так как время от времени власти предпринимали попытки закрыть его частное заведение. Одна из таких попыток была предпринята и после Великой Отечественной войны, когда у владельца мастерской было конфисковано все оборудование. Иван Сергеевич по этому поводу ездил в Москву. Жил там несколько недель. Все его хлопоты увенчались успехом, и он продолжал работать как частный фотограф вплоть до 50-х годов. Умер Аммосов И.С. около 1955 года.

Все снимки начала XX века в Вохме были сделаны именно Аммосовым И.С. и его помощниками. Благодаря их энтузиазму и деятельности, мы теперь имеем возможность увидеть Вохму и ее окрестности, познакомиться с бытом своих предков воочию.

И.Ю. МИГУТИНА

Родители И.С. Аммосова.

ГОРОДИЩЕ СПАССКОЕ

Валериана Ефимовича Большакова (1905-1975 гг.) старожилы Вохмы помнят как замечательного педагога, обучавшего вохомских ребятишек химии и биологии. Сорок один год Валериан Ефимович проработал в школах Вохомского района.

Он был увлеченным фенологом, краеведом, ходил с детьми в походы, знакомя их с Вохомским краем.

Мало кто знал, что Большаков – сын репрессированного, и сам подвергался репрессиям: «...С декабря 1937 г. по декабрь 1939 г. отбывал наказание по приговору облсуда за недонесение на лицо, высказавшее антисоветскую фразу. Срок наказания 2 года отбыл», - так он пишет в своей автобиографии в 1946 г. (архив Вохомского музея). Как участник Великой Отечественной войны, он получил две медали «За боевые заслуги», медаль «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Об этой стороне его жизни знали немногие. Близких родственников в Вохме у него не осталось. Чтобы сохранить память об этом замечательном человеке, мы и предлагаем этот материал, написанный еще в 70-х годах XX века.

Н.И. ЛЕБЕДЕВА, директор Вохомского филиала КОИАМЗ

...Далеко уходили суземы густого таежного леса, покрывавшего южный склон Алданской возвышенности.

Маленьким протоком родился в большом болоте на возвышенности ручеек, взял он в себя на пути своем, в таежной хвойной темноте, притоки, которым дославянские племена оставили свои прозвания (Нюрюг, Карюг, Кортюг, Парюг), и разлился большой рекой... И поныне несет свои лесные воды река Вохма через Ветлугу в Волгу...

* * *

Ближе к верховьям Вохмы, где безымянный приток-речушка (ныне – Пономарица) прорезала глубоким оврагом левый берег, река сделала крутую излучину. Темной стеной стоял лесистый высокий берег над низинной поймой, закрыл лес валуны-камни, закрыл каменную гряду, что памятником моренным осталась от далекого ледникового периода. Поднимались над лесной рекой в сумерках вечерних густые туманы, прела лесная заваль, обрастали зелеными мхами причудливые выскири, покрывались седым бородатым лишайником вековые ели сверху донизу.

Привольно человеку у лесной реки, зябко и боязно в лесных трущобах. Жался человек к низинным поймам: общался с соседними далекими поселками в летнее время рекой-дорогой, ловил в реке рыбу, расчищал присады под травы, занимался бортничеством, выжигал кулиги под лен и хлеб.

Под темной стеной лесного берега, к устью Пономарицы, в низинке поймы появились курные рубленые избы из аршинных по толщине бревен с малюсенькими рублеными окошечками с пузырем вместо стекла. ...Осели жители по берегам лесной реки Вохмы и в Разбойнице, и в Орловице, и в Блудовой...

Рядом с курными избушками на излучине выросла бревенчатая церковка по указа-

нию присланного монаха, обосновался Георгиевский погост. Не всегда спокойно было для монашеских гнезд и в лесных дебрях: поднимались по рекедороге до верховий бежавшие или от гнева царских приказных людей, или от чрезмерных дворянских повинностей, - поднимались на утлых челноках с Волги через Ветлугу, беспокоили насиженные места. Тогда прокопали узкое горло излучины, прошла река новым местом и образовала на месте излучины остров, на котором было насыпано возвышенное до двух метров четырехугольное городище в 110 м длиной, в полсотню шириной. На городище это и была перенесена деревянная церковка с двумя-тремя курными избами клирошан.

Среди дел мирских при свете чадящей лучины писал монах в своей курной избе сказания летописные: «...в Вохомской волости городок на реке Вохме был рублен...» (Из летописи за 1626 г.)

Для большей безопасности и защиты все городище обнесено было стоячими бревнами, заостренными вверху. ...И вновь записал монах досужий о делах на погосте, что «... а ныне поставлен острог стоячий...». (Из летописи за 1626 г.)

Как маленькие крепости, создавались по реке Вохме городища: городище Спасское, городище у Николы на Петрецове, на крутом высоком берегу, обкопанном с трех сторон – городище Ратчина.

И было в городище Спасском по тем временам вооружение немалое: «...шесть пищалей затинных, да шесть пищалей ручных, да сто пятьдесят ядер железных, да три слитка свинцу, да пять фунтов зелья, да семьсот стрел...» (Из летописи за 1626 г.)

Редеть стали к половине XVII века таежные леса Вохомского края. Дальше от жилья стали уходить россомахи, соболя, благородные олени... Зарастали лосиные тропы к берегам Вохмы, отходил сохатый к верховьям притоков; шел за ним охотник, добывая даровое мясо. Зимними тропами сквозь лесные буреломы промышлял охотник слопцами, петлями и силками мелкого пушного зверя: куницу, лису, белку...

Подсматривал старожил новые места, забрасывал старые выгороженные роспаши, вырастали пустоши, зарастали овинные ямы «на старинах», покрываясь осинником и березником. Если сил не хватило, оставался двор на старине и хирел до полного распада. ...И писалось в летописи городища Спасского о моровых язвах и «повитриях», уносивших в могилу люд крестьянский; писались по сказкам деревни с людьми, пустоши и дворы, опустевшие по приходу Спасскому: «...сто две деревни живущих, да шесть пустошей пропущено, да пять пустошей пропущено, да пять пустошей пашут наездом, а в них двести двадцать пять дворов крестьянских и людей в них двести семьдесят, да дворов двенадцать пустых...» (Из летописи за 1626 г.)

Тяжелое время переживала Россия в первой половине XVII века. Страдало крестьянство от тяжелых налогов, увозили пушнину, мед и лен за бесценок приказчики купеческие.

Служки царские пробирались тропами от селения к селению, выискивали жителей курных изб на оброки и тягло: «...в Вохомской волости старых черных и с теми деревнями, которые по приправочным книгам, было написано на денежном оброке, а ватным тяглом и сотным тяглом были не обложены...». (Из летописи за 1626 г.)

* * *

Опустело городище Спасское лет двести тому назад. Вынесли церковь деревянную на высокий берег, обкопали берег с двух сторон: к речке Пономарице – с одной стороны, к реке Вохме – с другой. Высоко поднялся погост Спасский над низинной поймой, исчез вековой бор...

В XVIII веке была здесь заложена каменная церковь на месте деревянной старой, церковь Спаса, и погост был записан Спасским.

...И пролегли далекие санные пути через слободу, что стояла близ городища Спасского (ныне деревня Варжа), в один конец на Великое Устье реки Юга, в другой – на Нижний Новгород через Макарьев...

В.Е. БОЛЬШАКОВ,
заслуженный учитель РСФСР

МОЕ ПЕТРЕЦОВО

После семнадцатилетнего перерыва вновь приехал на родину своих предков в деревню Петрецово Вохомского района. Петрецово в сороковые годы XX столетия было среди крупнейших деревень района и насчитывало 76 домов. Из оставшихся сейчас 38 домов проживают в 27.

В этот раз меня привело на родину не только желание навестить сестру Марию, повидать земляков, но и появившийся интерес к своей родословной и истории моей деревни.

Наша деревня Петрецово относилась к приходу (погосту) села Николы и располагалась в 5-ти км от него. В Писцовой книге Алексея Ладыженского 1676-1683 гг. о Вознесенской церкви сказано: «В... (Вохомской, – **П.В.**) волости погост поставлен ново на поскотинной земли деревни Тарасихи. На погосте церковь Вознесения» (1). Из Писцового описания следует, что деревни возникали задолго до возведения церквей.

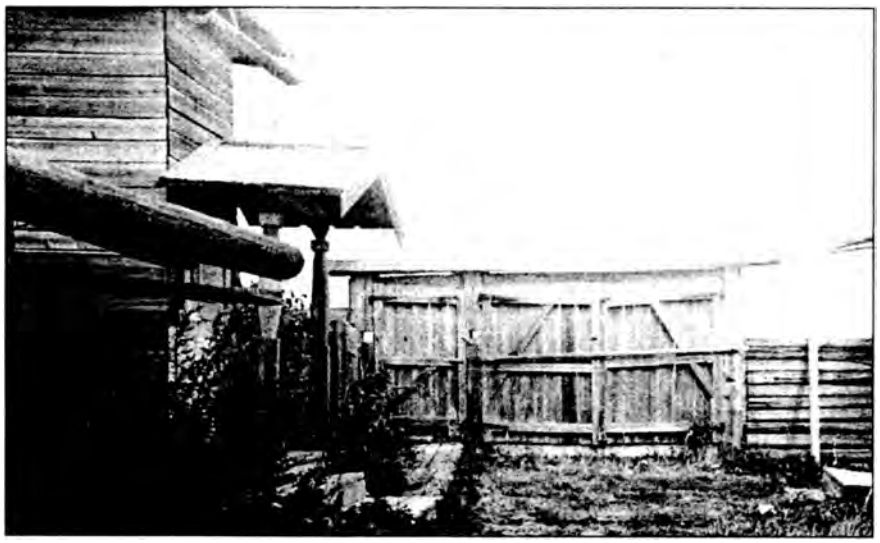
Прямых упоминаний о времени возникновения деревни Петрецово не обнаружено, но из-за близкого расположения (до 1 км) двух соседних деревень, Митрошино и Сенькино, можно предположить, что все три деревни заселялись в одно и то же время. Поэтому земли между ними полностью распаханы, границей общинных земель служили неширокие овраги и лощина. Тогда как в противоположном северном направлении поля разработаны до двух километров. Существует легенда, что три брата: Петр, Митра, Сеня – были первыми жителями этих деревень. Судя по воспоминаниям людей, лично читавших местную церковную летопись, кладбищенская церковь в селе Николе построена в конце XVI века. Она была деревянная и, как и вообще деревянные церкви, не раз сгорала «от свечей», «от молнии»... По древнему обычаю, на месте сгоревшей церкви в память о ней ставился памятник на том месте, где был алтарь сгоревшей церкви. Два таких памятника из кирпичной кладки в виде прямоугольного столбика были в сохранности еще в конце 20-х годов нашего века, следы третьего были видны в дальнем углу кладбища у речки Березовки. Автор очерка сам видел и запомнил надпись на небольшой медной плите одного из памятников – 7123... что по современному летоисчислению означает 1615 год и что, по преданию, церковь разграбили и сожгли польские интервенты.

В.Г.Баданин. Петрецово, фото 1981 г.

В селе Николе до 1979 года проживал 94-х летний крестьянин Филарет Ефимович Огарков. Это потомственный долгожитель. Отец у него жил 104 года, дед умер в 107 лет. Три поколения... Филарет Ефимович утверждал, что один из его предков был свидетелем разбоя поляков и что колокол действительно был сброшен с колокольни и отнесен в Бурдино (озеро). Это уже не легенда, а семейное предание, которое ближе к истине, чем легенда. (2)

Наличие в XVI веке церкви в селе Николе служит основанием предполагать, что окружающие деревни возникли не позднее XVI века и они, скорее всего, старше деревень вокруг Вознесенского прихода.

Деревня Петрецово, раскинувшаяся на возвышенности, в трехстах метрах от реки Вохмы, тремя улицами разошлась от своего центра. Река, с открывающимися за ней пойменными лугами, с зеркалами озер, с простирающимися на многие километры синеющими сосновыми лесами,



Петрецово, родные места. Фото 1981 г.

представляет живописную картину. Особое впечатление производит весеннее половодье, когда река разливается на несколько километров, до бора затопляя луга. Лишь отдельные островки, заросшие лесом и кустарником, выделяются в этом море воды.

Дом моих предков стоял на «угоре» в центре деревни. Он отличался от других домов не внешней отделкой, а толщиной бревен, из которых был сделан. Не было в нем бревна тоньше 50 см. В детстве я помню, как проезжавшие или проходившие мимо дома жители из других деревень с интересом рассматривали нашу избу. Мой отец Василий Григорьевич в 40-х годах рассказывал, что избе уже более ста лет, что она срублена его дедом только топором (не было в деревне пил), топилась «по-черному», и переоборудовали ее «по-белому» в конце XIX века. Тогда же прорубили, расширили в стене три современных окна, сохранив одно маленькое «окошко». До 1948 года я жил в этой избе и помню отмытые от сажи стены, потолок, матицу, но сохранившие темно-медный цвет. Бревна внутри избы были стесаны топором, придавая стене некоторую плоскую поверхность. Пол и потолок изготовлены из толстых плах, вдоль двух стен установлены сиденья («лавки») из плах несколько меньшей толщины, но достаточно широких, позволяющих свободно на них ложиться и спать. После моего отъезда на учебу в Кострому отец разобрал избу, отпилил сгнившие концы бревен и срубил маленькую избушку. Откуда привозились такие крупные бревна на избу, неизвестно. В ближайших лесах подобных деревьев не встречается.

На картах XVIII-XIX веков отмечена переправа через реку Вохму у деревни Петрецово. По воспоминаниям отца, в деревне была почтово-пассажирская станция с несколькими парами лошадей и действовал паром через реку (паром ликвидирован пятнадцать лет назад). Смотрителем станции в 1873 году был Евгений Чесноков (не местный), а в конце века – житель деревни Арсений Харитонович Данилов. При станции имелись соответствующие помещения, инвентарь, конный транспорт. Почтовый тракт проходил из Великого Устюга через Тихон-Вохму-Петрецово-Черновское-Орлов (ныне Халтурин)-Хлынов (Вятка) и выходил на главную Московско-Сибирскую почтовую дорогу. Со строительством в начале XX века Великой Сибирской железнодорожной магистрали стала отпадать надобность в конном почтовом тракте.

В детские годы, когда ходили за реку в лес по лугам, мы спотыкались в траве о глубокие колеи (до 5 пар) бывшего почтового тракта.

В XX веке переправа через реку Вохму состояла из парома на двух больших лодках с настилом из досок и ограждением (одновременно помещалось две груженые телеги с лошадьми). Паром перемещался по металлическому канату («цинка»), концы которого закреплялись на обоих берегах реки. Для переправы людей имелась обычная долбленная из осины, тополя лодка, в которой помещалось до 5-6 человек.

Переправа через реку организовывалась и содержалась

деревенской общиной, затем эти функции перешли к образовавшемуся в деревне колхозу «Красноармеец» и действовала до 90-х годов. Так как постоянных работников на переправе («перевозе») не было, то все жители деревни с мая по октябрь по очереди дежурили сутками по одному человеку на пароме. Жители своей деревни перевозились бесплатно, а с «иногородних» взималась некоторая плата за переправу (в пользу дежурного). На обоих берегах на высоких местах были построены избушки-сторожки (с печкой, нарами) для укрытия от непогоды.

В предвоенное весеннее половодье я уговорил отца, чтобы взял меня на ночное дежурство на «перевоз». Вечером мы переехали на лодке на противоположный берег (на остров), чтобы лучше слышать возможных путников, прибывших из-за реки. Домик-сторожка был окружен разлившейся рекой, вода подступала к ней (были большие разливы, когда домик заливало водой). Ночная тьма, шум несущейся в нескольких метрах от тебя все сокрушающей на пути воды с вырванными с корнями деревьями, кустами, тусклый свет керосинового фонаря на столе вызывал в детской душе беспокойство и тревогу. Ночь прошла спокойно: только вода приблизилась к сторожке на пару метров.

В летние дни военного и послевоенного времени мы, дети 10-15 лет, любили дежурить на «перевозе» за себя и соседей: некоторый доход в семью и освобождение от ежедневной с 4-х утра до 20 часов вечера работы в поле, на сенокосе. Помню, что стоимость перевоза через реку одинокого человека в те годы была 5 рублей, на лошади – 10 рублей. Полученные деньги (иногда до 100 рублей в сутки) я в основном тратил на приобретение на рынке с. Вохмы школьных учебников по цене 40-70 руб. за подержанную книгу.

Имеющиеся в филиале музея и ЗАГСа с. Вохмы метрические церковные книги Никольского прихода (1868-1918 гг.) достаточно сохранились. В каждой книге записи за 3-7 лет. Наиболее старая книга за 1868-1875 гг. В каждой книге три раздела регистрации обряда: родившиеся, вступающие в брак и умершие. Во всех записях указывается вероисповедание, статус взрослого лица (государственный, крестьянин, вдова и т.п.), а также имя, фамилия служителя церкви, производившего церковный обряд.

В разделе родившихся указаны данные: даты рождения, крещения, пол ребенка, имя ребенка, место рождения (деревня); имя, отчество, фамилия родителей; имя, отчество, фамилия, место жительства «крестных».

По каждому году подсчитывалось число родившихся в целом и по полу.

Если из родившихся в деревне Петрецово с 1868 по 1929 год мальчики составляли 52 %, девочки 48 %, то в отдельные периоды происходили резкие изменения. Так, в 1868-1875 гг. и в 1893-1896 гг. мальчиков родилось 42 %, девочек 58 % от общего числа.

В разделе вступающих в брак указаны: дата записи, имя, отчество, фамилия, возраст, который брак жениха и невесты; имя, отчество, фамилия, место жительства роди-

Обед на сенокосе. Чай разливает сестра Миля. Петрецово. Фото 1974 г.

Деревня Петрецово. Фото 1980-х гг.

телей жениха, невесты и свидетелей с обеих сторон.

Особенностью вступающих в первый брак в деревне Петрецово в период с 1868 по 1919 год было то, что невеста была старше жениха (на 1-6 лет) в 53 % браков, одного возраста в 5 % и моложе жениха – 42 %. Аномалия (если можно так сказать) была в 1868-1875 гг., когда невеста старше жениха в 87 % браков. Объяснение может быть такое: часть венчающихся пар проходила в других церквах более высокого ранга.

Мои родители объясняют более старший возраст невесты, чем жениха, практикой хозяйственных работ в семье и обычаями крестьянского уклада жизни. Это диктовалось тем, что невесте необходимо подготовить к свадьбе многие предметы: одежду, белье, полотенца, скатерти, половики и др. вещи, которые не покупались, а изготовлялись своими руками, невестой. Придя в дом жениха (вернее, его родителей), молодая жена должна не только знать, но и уметь выполнять любую женскую хозяйственную работу по дому и в поле. В крестьянской семье родители рано начинали готовить девочек к выданью замуж, чтобы «не позорить» будущую молодую перед свекровью и соседями.

В разделе «умершие» указаны данные: дата смерти, пол, имя, отчество, фамилия, возраст, место жительства умершего, причина смерти (у детей указывается имя ребенка, данные об отце и причина смерти). По каждому году подсчитывается число умерших по полу, по возрасту и по причине смерти (название болезни, несчастного случая).

В семьях наблюдалась большая смертность только родившихся младенцев и детей до одного года. Смертность в деревне Петрецово в среднем за период с 1868 по 1919 год по возрастам выражается следующими данными (в % от числа умерших):

До 1 года – 49 %, до 50 лет – 9 %
До 10 лет – 13 %, до 60 лет – 9 %
До 20 лет – 3 %, свыше 60 лет - 17 %

Крестьяне деревни Петрецово, как и всей Вохомской волости, были государственными («черносошными»), помещичьих, монастырских владений в волости не было. Как я упоминал выше, ввиду близкого соседства деревень с юго-запада и запада, освоение земель под пашню мои предки делали в северном направлении, на таком же удалении (до 2-х км) оказалась «поскотина» для выпаса скота. Под сенокос («пожню») освоили пойму реки Вохмы.

Все земли находились в ведении деревенской общины, и вопрос использования решался на сходе. Пашня и сенокос выделялись общиной каждому крестьянскому двору по «едокам» (учитывалось мужское население). Недостаток пашни в общем массиве вынуждал отдельных крестьян раскорчевывать, разрабатывать от леса и кустарника под пашню участки земли («запашки»). Таких «запашек» площадью 1-3 га, припоминается, было около семи. Урожайность на «запашках» была низкая из-за недостаточного внесения удобрений (навоза) и низкого плодородия почвы, а с военных лет они не обрабатывались и были заброшены.

В ведении общины находились нестроевые леса (ель, сосна, береза, осина), расположенные по окраинам полей, по лугам, оврагам, в «поскотине». Строевой лес, сосновые боры находились за рекой Вохмой и являлись государственными. В записи за 1873 год отмечается, что лесником был Василий Григорь-

евич Иванов (не коренной житель деревни).

Используя метрические церковные книги (1868-1918гг.) и данные ЗАГСа (1919-1930 гг.), составил 21 родословную по всем родовым фамилиям деревни: Баданины – 8 семей, Даниловы – 2 семьи, Скрябины – 5 семей, Герасимовы – 2 семьи, Кореневы – 2 семьи. Поповы – 2 семьи.

Самые дальние предки установлены по 1800-1860 гг., самые ближние 1930 г. Предполагаю передать родословные нынешним потомкам, чтобы они продолжили свое древо жизни. Работа по поиску документов продолжается. Сложность в том, что Вохомский район до 1944 года всегда входил в Вологодскую область, и основные архивные документы находятся там.

По числу жителей Баданины составляли до 48 % всего населения деревни. Я смог проследить своих предков до Семена Баданина, родившегося в 1809 году, умершего в 1869 году, в 59 лет, в результате несчастного случая при неосторожном (так записано в книге) падении на лед. Характерная особенность нашего рода в том, что хотя рождалось детей много, но большинство – девочки. В живых оставался один – реже два сына. Так в семье у Андрея Семеновича (1836-1905 гг.) остались в живых сын Григорий и дочь Пелагея. В семье Григория Андреевича (1861-1916 гг.) из 12 родившихся детей остались в живых два сына и две дочери. В семье Василия Григорьевича (1902-1987 гг.), Феклы Яковлевны (1907-1976 гг.), моих родителей, уже из 7 родившихся детей остались в живых два сына и 4 дочери.

Печальную, вернее трагическую историю, случившуюся в своей семье, рассказала моя бабушка по материнской линии Мария Фомична (1879-1963 гг.). Ее отец Фома Маркович Фатеев 20 лет срочной службы провел на флоте. По окончании службы в 70-х годах вернулся домой в деревню Сенькино и женился на Евдокии из деревни Латышово. За долгую службу ему был выдан именной денежный чек (видимо, на крупную по тому времени сумму). Побывав за время службы во многих местах, общительный Фома Маркович встречался с местными жителями, любил вспоминать о своей службе и не скрывал от людей о полученном чеке. Как многие жители, посещал винную лавку («казенку») на окраине соседней деревни Митрошино. Однажды при возвращении из «казенки» домой был убит (или сильно избит и вскоре умер) и ограблен неизвестными лицами. Жена Евдокия осталась одна с малолетними детьми: сыном и четырьмя дочерьми.

Позднее именной денежный чек был предъявлен в банк уездного города Никольска, откуда прибыло приглашение получить деньги лично владельцу чека или наследникам. Но вдова Евдокия не рискнула ехать в такую дальнюю (до 200 километров) дорогу по малонаселенной лесной глуши, и судьба денег осталась неизвестной.

Мои предки в деревне Петрецово, имея малое число «едоков», получали небольшие земельные наделы, и только трудолюбие всех членов семьи позволяло по достатку числиться в «середняках». В целом в деревне заметного резкого разделения на богатых и бедных не было. Несколько семей более зажиточных и наиболее бедных среди основной середняцкой массы не имели большого влияния на жизненный уклад в деревне. Совместная жизнь в крестьянской общине способствовала принятию взвешенных решений по всем вопросам деревенской жизни, что помогло более безболезненно воспринять новую жизнь и войти в нее, и особенно это проявилось при коллективизации в деревне.

П.В.БАДАНИН

Примечания

1. В.Попов. Об основании села Вознесение (Вохма). Газета «Вохомская правда», 4 декабря 2001 г.

2. В. Панфилов. Из истории села Николы. Газета «Вохомская правда», № 46, 47, 51, 56, 60 1973 г.

Автор на рыбалке. Фото 1980-х гг.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

В начале и середине XX века жители деревень в будний день утром до света уходили на работу в поле. Работали на голодный желудок до обеда – уповод. Как с поля придут в 9-10 часов – обед. На обед ели у кого что было. Суп на первое, картошка или каша на второе. На третье молоко из чаруши ложками хлебали с хлебом или пирогом. Черствый хлеб могли покрошить. Пили также квас и воду.

Часа в 2 была паужна. Паужна по составу и количеству пищи обычно была такой же, как и обед. «В нашей семье к паужне ставили самовар и пили чай с хлебом с маслом. В праздники мама стряпала калачики, пряники на паденье к чаю».

Примерно в 10 часов летом, а зимой в 8 часов вечера был ужин. На ужин ели обычно то же, что и на обед, но поменьше, чтобы лучше спать. «Ужина не нужно, дорог обед».

Обед, паужна, ужин назывались выть. Между вытями промежуток 5-6 часов назывался уповод.

Перед тем, как сесть за стол, молились. Когда вставали из-за стола, благодарили Бога и говорили: «Тятька, спасибо, мама, спасибо».

Во время обеда мать ставила на стол блюдо (чарушу) с супом. Отец начинал есть суп первым. За ним другие члены семьи. Мясо оставляли на дне. Мать могла еще долить супу. Когда наелись, отец стукнет ложкой по краю: «Берите мясо».

Соблюдали все посты, среду и пятницу. В постные дни готовили постные щи из овсяной крупы, воды и соли. В блюдо добавляли льняное масло. Варили кашу из ячменной муки, гороховицу, грибы, капусту, ягоды, толокно. Толокно делали так: овес запаривали в кадку, потом сушили. Топили печь, помелом выметали золу, навалят зерна полную печь, закроют заслонкой и замажут золой. Оно там до утра сохнет. И так делают несколько раз, пока семя не будет сухое.

В мясоед готовили разные каши.

Соломат, или каша-повалиха. Зашпаривали ясную муку, выкладывали на смазанную маслом сковороду. Ухлопают, масло наверх нальют, ставят в печь.

Красная каша. Овсяную крупу замешивали на сметане, поверх наливали побольше масла и ставили в тихую печь. Готовится каша, пока не покраснеет.

Дежень – это густозамешенное на воде толокно с комочками, залитое сверху простоквашей со сметаной. Дежень обязательно был на дожинках и так ели.

Сочни скали. Безопарное тесто раскатывали скалкой и заворачивали картофельную начинку – картофельное пюре с молоком и яйцами.

Безушные пироги на сочнях из ржаного теста с начинкой – жаренная с солью и сахаром капуста.

Круглышки стряпали из овсяной муки, замоченной на ночь в сметане. Летом варили суп из сухого мяса – плечи, стегна от овец.

В середине XX века в семьях Вохомского и Боговаровского районов было принято устраивать пиры с приглашением большого количества гостей на христианские праздники своего прихода, свадьбы, проводы в армию и по другим причинам.

Могли и просто так сварить пиво и пригласить родственников и соседей. Считали, что если сходили в гости, значит, задолжали, запили, надо отпаивать. В Масленицу и после молебна – 2 раза в год до колхозов были братщины. В колхозное время братщины были на 7 ноября, 1 мая и редко на другие советские праздники. До закрытия церквей гостей собирали на никольщину, кормили и поили молодежь на дожинках, потрепушках. Вплоть до 80-х годов, до перестройки, в деревнях отмечались христианские праздники своего прихода (см. «Игрища»)

К праздникам хозяева, ждущие гостей, варили пиво примерно из трех пудов ржи, в печи готовили закуску. Водки пили немного. Могли купить бутылочку «Зубровки» в магазине за проданные на базаре масло и яйца. К празднику прибирались в избе, ходили в баню, начищали медь.

А.М. Шадрина из д. Поморовки Забегаевского с/с рассказала: «К Вознесенью мама варила пиво. Родственники из других приходов сначала с утра ездили на базар в Вознесенье, а к вечеру приезжали к нам. Пиво (в семье) варили еще к Заговинью и к Троице. В эти дни родственники приезжали только ближние. В другие праздники сами ездили к ним в гости в другой приход – в Покров-сёлышко (Боговарово), Новинский край Александровского приходу (к Черновскому), в Николу в Николин праздник».

По словам В.И. Огарковой из с. Забегаево Веденьевского прихода, «к веденью мама варила пиво тшанами, на 2-4 пуда – 8-16 ведер. Заказывали родственникам: «Давайте, приезжайте на веденьевскую да на Девятую». «На Веденьев день зови не зови гостей, дак они придут. Приедут на лошадях братаны, сестренки, тетки с семьями. Соберется вместе с соседями человек 40». Л.И. Фатьева из деревни Крутой Луптюгского с/с вспоминает: «В деревне было 17 домов. В этот праздник один варит пиво, приглашает всю деревню, в другой раз – другой. Пуда на 3-4 пива варил. И родственники приезжали и приходили. Да и в своей деревне по дедушкам, по бабушкам все присвои, братаны, сестренки. Из каждого дома придет 2-4 человека. Муж, жена, может, сын взрослый, а женатый, дак с женой. Гостей до 40 собиралось. Девок в пир не брали, они отдельно гуляли. В Масленицу (девки) свою братщину делали, приглашали из других деревень».

«Неотданных девок и парней не брали в пир и не приглашали. Приводили их, когда считали, что пора женить, показывали».

К празднику с утра в печи готовили суп, кашу, картошку, рыбу, яичницу с молоком, мясо, пироги рыбники. Заранее готовили холодец, он назывался студень. Приносили капусту соленую, моченую бруснику. «Редьку листочками налистят, перемешают с толокном, льняным маслом, с солью». «Галанку пареную нарежут, посолят, запивают квасом». «Суп мясной варили с картошкой, луком, капустой». «Иногда в суп клали только мясо да овсяную крупу – назывались щи». Кашу разную готовили. «Овсяную крупу зашпаришь супом и в плошке, закрыв сковородкой, поставишь в печку. Можно туда положить нарезанное кусочками сырое мясо или масло». Картошку нарезали в плошку с мясом или салом и ставили в печку. Мясо жарили или тушили в печи. Из трески делали заливную рыбу: «Обрежешь мякоть, зажаришь, разложишь на тарелке. Кости, голову и хребет в печи уваришь до мягкости с перцем, солью и лавровым листом. Их отжать через марлю, отжимки – курицам. Жареную рыбу залить этим бульоном. Поставить на окошко, или в подполье, он сядет. К столу подавали селедку, палтус соленый после войны продавался. Палтус родственники или знакомые из Мурманска посылали. «А как стали садить огурцы да помидоры, году в 1948-49-м, дак салатов наделаешь». «Очень нравилась картошка вареная. Ее нарезали в плошку, пересыпали сухой овсяной крупой и с маслом поставишь в печь, она пережарится». «К встрече гостей столы поставят сбоку, вдоль полу, чтобы было место плясать. На столы стелили самотканые скатерти бумажные, но все браные, белые и цветные. И в обычные дни он голый стоял, а как садишься за стол,

всегда скатерьку постелешь». Для каждого гостя на столе стояла стопка, стакан под пиво и ложка. Тарелок не ставили, ели из общей. «Где мужики садятся, там стопки граненые, а где бабы, там стопочки на ножках». «Хлеб напекут караваями, нарежут урезками, по краям стола наложат. Стеклянные стаканы появились уже после войны, до этого были медные». На середину стола ставили все сразу: и горячее, и холодное. Гостей обычно приглашали к вечеру, когда скотину управят. «Скажешь примерно к шести часам. Приедут». «Когда гости приедут – распрягут лошадей, поставят во двор. С собой брали сена побольше. Как зайдут в дом, гостям могли подать чарушу с пивом. Из нее пили кто сколько хотел – кто глоточек, а кто много, если пиво любит или пить захотел».

«У порога гостям подавали чарушу с пивом. Они должны были отпить чисто символически, кто – глоточек, два, кто до пятка. При этом хозяйка приговаривает: «Выпей, выпей, проходи, давай, раздевайся и за стол садися».

«На пороге чарушу с пивом подносили, только если гости приехали с мороза, по старшинству. Сначала отцу, потом сыновьям». Разденутся. Как все соберутся: «Давайте, садитесь за стол». «Гости все были одинаковые, садились кто куда хотел, больше мужики к мужикам, бабы к бабам. Сначала мужики сядут, потом бабы. Потом мужики пойдут курить, бабы встают, их выпускают. Хозяин да хозяйка не садятся за стол, хозяин вино подает, а хозяйка пиво или наоборот».

«Хозяйка или гости скажут: «Давайте, выпьем за...» Сначала выпьют по стопке водки, потом пьют пиво. Стаканы из-под пива обычно собирали на поднос и уносили на середь. Все стаканы перепутают, я свой стакан не отдавала». Удобно было разливать пиво из чайника, но раньше чайников не было, ковшами разливали. «За весь вечер водки выпьют стопки по 2, пива было сколько угодно. Пиво было пьяное, с него напивались все, кто хотел».

«Шибко пьяных не было, чтобы валялись, и трезвых нет». Были такие, кто не пил по причине нездоровья, если, например, желудок, печень болит или давление. Но они сидели, пели песни. Считали, что в пиру нужно было вести себя скромно. «Говори в полуротка, гляди в полуглазка». Кто уж и пить желал, дак весь стаканчик не выпьет, и покушать, дак только вместе со всеми. Мать говорила, перед тем как пойти в гости: «Девки, дома поешьте, что будете в чужих людях есть». «Есть в гостях не особо наваливались. Кто как сильно ест, дак оговорят: «Она навалилась есть». «И плясать в круг выйдут степенно, пели песенки тихо, громко хохотать было неудобно». «Хозяева или родник – близкий – подавчий угощали»: «Кушай, кушай, пей давай!» «Заставляли гостей пить очень нахально, даже могли вылить на гостя пиво». Некоторые считали, что если гость пошел с гулянки и не валяется, значит, он не угостился».

Подавчий мог встать на колени и просить убедительно выпить, при этом лбом стукался об пол. Человеку становится неудобно, и он выпьет. Припевали и припевки, если человек не хочет пить.

Пей-ко, попей-ко,
на дне-то копейка,
Еще попьешь, пятак
найдешь.

* * *

Чарочка моя серебряная,
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Ошшо пить-то пора,
да пора,
Выпивать-то пора
На здоровье, на здоровье,
На здоровьицо!
На здоровьицо Вам,
Дорогим гостям!
Не сойти бы со двора:
Де пир пировать,
Тут и ночь ночевать,
На пече дверей искать.

* * *

Испей, моё умноё,
Покушай, разумноё.
У нас чары золотые,
Пивовары молодые.
Пиво с мёдом варёно
Да со патокою,
С винной ягодою.
Испей-развыкушай,
Да край не выкуси.
Что не лист, не трава

Расстилается –
Наши буйные головки
Приклоняются.
Что ура, ура, ура
Да наша, бабья, забрала.

«Как напьются, начинают петь и плясать. Начинали с песни «Пей-ко, мой милый, не напейся». «Какая жизнь, дак такие и песни, современные. В войну, дак о войне, а старые бабы только старинные песни пели». «Старушки выпьют 1-2 стаканчика пива и сидят, поют весь вечер». «Песни складные были, одна за одну цеплялись. Песни знали все». Если не было гармони, пели круговые песни: «По лугу-лужочку», «Озеро-озерко», «Я вечор молода», «Сашенька-Машенька» – эти все одинаково пляшут».

Хороводы плясали и мужчины, и женщины. Передвигались по кругу и притопывали в такт. «Не все гармонисты умели играть хороводные песни. Там, где хороший гармонист был, например, Кубасов Петр Иванович в Покрове, пели и плясали и под гармонь. На каждом празднике пели частушки и плясали под «русского».

Под гармонь плясали «Барыню», «Цыганочку», «Семеновну». Пели частушки на тему цыган, если играли «Цыганочку». Под игру «Семеновны» пели частушки и баллады. В районе было несколько вариантов «Семеновны». «Барыня играется, а поют частушки всякие, кто какие».

«Хозяин с хозяйкой подают во время пляски: «Давайте, заработали, давайте, пейте». «А кто за столом сидит, дак следишь за ними, всем подливаешь, угощаешь». «Мужики у нас (в Забегаеве) веселые были, они песни поют, играют и пляшут, а в Вохме только вино пьют, ни песен, ни басен».

«У Ветчин ведется: наготовят на столы, садятся за столы, все съедят, пьют и едят без конца, потом все столы убирают и начинают петь да плясать до самого утра. Больше уже не едят, а пить подают – и чарушами носят, и стаканом носят. Ветчиненки в Боговаровском районе – это Стариково, Соловецкое и за Луптюгом. Они больше – жи говорят мягко, ударение у них на и. А Веденье и весь веденьевский приход не ветчинята».

Во время пира особенно на второй день бывают разные игры. Пиво подавали стаканами и чарушами, на лопате и на лапте. И в двойных ковшах, с дырочкой и без дырочки. Подавали и одной посудиной на всех – ендовой.

«На лопате подавали так: «Несут тебе на лопате стакан пива. Пока пьешь, подавчий бежит к шестку, лопатой щелкнет по шестку, потом бежит к тебе, по лбу тебе щелкнет и опять бежит к шестку. Когда подает, то говорит: «Пей скорее, пироги в печи сгорели». Если сидишь рядом с печью, тогда много раз тебе достанется лопатой по голове, а если далеко, то, может, и не успеет».

«В лапте несут тебе стакан пива, если быстро не возьмешь, могут опрокинуть на тебя. А пока пьешь, лапоть, который хозяйка держит на поясе за опоры, поднимается и опускается. Будешь хохотать, пить не сможешь».

«Пиво подавали раньше в медной посуде. Потом появились чаруши. В чарушах подавали пиво. Оно гуще в деревянной посудине». «Придут на другой день опохмеляться, сначала чарушей подавали».

Подавали с тарелки. «2 стакана ставили на тарелку, закрывали платком носовым. Один простой, другой с пивом. Как возьмешь простой, 2 стакана будешь пить». «Еще так пили: на пол ставят скамейку, 1 человек садится на пол, ноги на скамейку, руки держит за спиной. Стакан с пивом ставят на скамейку. Нужно выпить его без рук и поставить на место. Пили и лежа вверх ногами.

Еще подавали блюдечко, а на нем стакан с пивом вверх дном. Руками держишь блюдечко, а стакан руками не трогали. Нужно было выпить пиво. Пили, изгибая руку со стаканом в обратную сторону.

«Обязательной частью застолья в 60-70-80-е годы было: гостя ставили на стул и заставляли петь песни «с картинками» или частушки. «Споешь 3 частушки, тебе подают водки или пива, заставляют пить». «Сидят 2-3 дня, надо чем-то заниматься, вот и придумывали, на стул ставили». «Я тогда пела неприличную частушку, но без мата:

Я не лягу под машину,
Под тяжело колесо,
Лучше лягу под шофера:
Там тепло и хорошо.

За матерные меня хозяин (муж) выгнал бы и с пива. Он не любит, когда женщины с матом поют».

Особенно на второй день переодевались, шутили – в старика, старуху, цыганку, медработников те, у кого были на это способности. «Начнет дурость-то играть у пьяных, какую-нибудь игру затеют». Особенно переодевались в рождественские праздники. «Уйдут в пировой избе в соседнее помещение. Найдут у хозяйки сарафан, платок, валенки, лапти. Нарядятся. Придут и начнут плясать, петь, гадать. «Цыганка гадала на картах: «Давай погадаю тебе, дай молочка, сметанки, мяса. Я тебе всю правду скажу. У тебя жена красавица, погуливает. Ты ... лет проживешь. Все, конечно, врали». В цыганочку переодевались для остроты ощущений, потому что цыган боялись. Но здесь, конечно, все смеялись.

«Две женщины переодевались. Одна мужиком снарядится, другая бабой, когда вечерами долго сидят». «На второй день утром, пока стряпухи не наладили на столы, мужики приходят опохмеляться. Один мужчина наряжался старухой и с утра ходил по домам, когда все еще спали. Разбудит, лицо перекосит, приставал к мужикам, насмешит».

Наряжались в жениха и невесту и решали как бы свадьбу сыграть. В нищих наряжались. Нищий, придя в дом, говорит в рифму: «Дай Христа ради кусочек, я работать не могу». «У вас в деревне-то хорошо живут, а в нашей-то худо». «У вас милостыньку худо подают, прихожане плохие».

«В доктора у нас не наряжались, доктора на почете были. Боялись, что припишут сталинскую статью, заберут».

«Шутку шутили – парикмахерскую делали. Балабаевские едут к нам, наломают сосны, наведут таз мыла и хотят брить. Ловят людей или которые шутку понимают, сами ложатся – «Брейте меня». Положат на лавку осередь пола, положат лёжмя и начинают брить. Намажут сосной, бреют косой. Никого не порежут».

В парикмахера Семен снарядится. Штаны загнет, туфли на высоких каблуках оденет, халат белый на ем и шапочка белая. С помощником.

В пирах «приносили корыто снегу, посадят на снег и пей стакан, как выпьешь, можешь вставать. Неприятно. Дурость не очень нравилась, а петь-плясать нравилось». «В первый день дальние тут и останутся ночевать, ближние уйдут домой спать, как насидятся, напьются, часам к 12-ти. Перед домом опять за стол садятся, поедят, попьют да и домой пойдут. Утром скотину управят и опять идут. На второй день долго сидят и вечер. Женщины сходят, управятся и опять идут. На 3-й день своих опохмеляешь, а деревенские не приходят. Как пиво останется, дак и под вечер поедут домой. С собой им пива, вина бутылочку и пирогов наложат, да и другой еды. Один раз сестре ступень дырявый положили в шутку. Завернули, да и положили на дно сумки. Она дома ступень этот нашла и послала им обратно по почте. (Родственнику) принесли квитанцию, он пошел в Забегаево на почту за 5 км и обратно 5 км прошел за дырявым ступнем».

Частушки и приговорки «с картинками» появились, по-видимому, после закрытия церквей и свидетельствуют о том, что люди перестали бояться греха. С отменой единоличных хозяйств больше стало пьянства. Если в начале века праздник и веселье часто могли быть без спиртного или только с пивом, то постепенно, в течение нескольких десятилетий, водки в застольях становилось все больше. Изменились и причины для застолий.

Записано В.В. ЧИЧЕРИНОЙ в 2001 г.

у В.И Огарковой, 1932 года рождения, с. Забегаево Октябрьского района;

Л.А. Арбузова, 1933 года рождения, д. Масленниково Обуховского сельсовета Вохомского района;

Л.И.Фатьевой, 1926 года рождения, д. Крутая Луптюгского с/с;

К.С.Бурковой, 1925 года рождения, д. Дароватка Забегаевского с/с, Октябрьского района;

Г.А.Холмовой, род. в 1930 году в д. Стучата Лапшинского с/с Вохомского района;

А.М.Шадриной, родившейся в 1926 году в д. Поморовка Забегаевского с/с Октябрьского района;

Л.М.Чичериной, родившейся в деревне Пономарево Октябрьского района в 1930 году;

А.В.Омелёхиной, род. в 1914 году в д. Яросята Согорского с/с.

Анатолий СМЕРДОВ

КНЯЗЕВЫ

ИСТОКИ

Крепостное право как личная, поземельная и административная зависимость крестьян от помещиков было отменено в России в 1861 году. На малозаселенные, лесные и свободные земли юга Северных Увалов хлынул поток переселенцев из Вятской губернии. Прадед, Николай Афанасьевич Князев, проделав немалый и трудный путь из деревни Княжево, что под Котельничем, переселился с семьей в вохомские места, в деревню Зайчата. Первая жена умерла, и он женился на местной – прабабушке Матрене Исааковне. Всего имел шестнадцать детей: семерых сыновей и девять дочерей, в том числе две Елизаветы. Прадед и сыновья знали грамоту, слыли толковыми крестьянами, владели многими ремеслами, держали крепкие и большие хозяйства. Все сыновья обосновались рядом, а дочери повыходили замуж по всей округе, обосновав многочисленную и мощную родню. С Первой мировой войны вернулись все Князевы. В Гражданскую погиб в Красной Армии Петрован, не оставив наследников. У Тихона было восьмеро детей, у Ефрема – шестеро, у Дмитрия – четверо, у Осипа – трое, у Алексея один сын.

ДЕД

Федор Николаевич и Анна Михеевна воспитали троих сыновей и пятерых дочерей, рождения с 1909 по 1929 годы. Дед был грамотным и уважаемым человеком, во время войны дослужился до унтер-офицера. Семья жила в огромном, добротном (и ныне стоящем) пятистенке. Содержали редкий в те времена небольшой яблоневый сад. В хозяйстве было три коровы, бык, две лошади и множество мелкой живности. Когда подошла коллективизация, считался крепким середняком. Понимал ситуацию и сразу вступил в колхоз. В «комитете бедноты» были предложения о раскулачивании семьи, но деревня встала на их защиту. В 1938 году деда все-таки арестовали, и он умер в тюрьме.

ДИНАСТИЯ

Перед Великой Отечественной войной в Зайчатах проживало 26 многодетных семей, из них 10 хозяйств Князевых. Двенадцать родственников ушло на фронт. Погибли Ефим Дмитриевич и Аркадий Алексеевич, пропали без вести Василий Дмитриевич и Василий Федорович. До конца жизни носил в теле немецкие осколки Авдей Федорович. Много боевых наград было у Тихона Николаевича и Александра Осиповича.

После войны и в пятидесятые годы деревня была еще многолюдной. Содержали ферму на 80 голов, телятник, свинарник, конюшню. Но внуки Николая Афанасьевича (третье поколение) в поисках лучшей доли уже начали уходить от земли и разъезжаться. Оседали на лесозаготовительных участках, уезжали в города, на целину.

Из восьмерых детей Федора Николаевича в живых оставалось шестеро. Старший, Авдей Федорович, был и бригадиром, и председателем. Всегда имел авторитет, знал толк в земле, скоте и любой работе. У них с Анастасией Николаевной было трое сыновей и шесть дочерей. Детей всегда ставили в пример другим. В этой семье никто и никогда не сидел без дела, поэтому не бедствовали, жили дружно. Четверо получили высшее образование: капитан дальнего плавания Василий, ученый-агроном Николай, инженеры Клавдия и Валентина. Трое окончили техникумы, у двоих среднее образование. Моя мать, Агафья Федоровна, вышла замуж в соседнюю деревню. Первый муж погиб в войну. Была работницей, каких поискать,

до 80 лет содержала большое хозяйство. Нигде не училась, но грамотой и счетом владела свободно, еще до школы обучив многому и нас, детей. Сестра-фельдшер, я – ученый-агроном. Викторина Федоровна жила и работала медицинским работником в г. Кирове. Борис Федорович участвовал в войне, работал трактористом. Переехал с семьей в Казахстан, потом осел в Эстонии, образовав там свою диаспору. Воспитал двоих сыновей и дочь. Галина Федоровна в войну была трактористкой, потом семья уехала в Казахстан. У нее три сына и дочь. Младшая, Тамара Федоровна, живет в районе. Работала дояркой, рано овдовев, одна вырастила дочь и двоих сыновей.

ПОТОМКИ

Всего нас, внуков Федора Николаевича (четвертое поколение), 21, а правнуков уже 41, есть и шестое поколение. Потомки Князевых есть в Болгарии, Польше, ФРГ, Прибалтике, на Украине, в Казахстане и Молдавии. Расселились они и «по всей Руси Великой», компактнее в центральных областях и четырех районах нашей области. В районе нас осталось совсем мало. Продолжателями многочисленного рода по мужской линии на родине являются живущие в селе Хорошем братья Александр и Сергей, у них подрастают сыновья Николай и Артем. Мы же – Князевы наполовину и уже с другой фамилией. Двоюродные и троюродные братья и сестры помнят о своих корнях и связь между собой поддерживают, хотя в наше смутное время на разделенных пространствах это уже трудно.

ИСХОД

А деревня Зайчата еще числится, но в разряде нежилых. Зарастают подлеском когда-то разработанные и ухоженные поля, затягивает дурнотравьем и лабазником луга, обмелели речки. Сиротливо рушатся и растаскиваются оставшиеся восемь домов. Никто не навещает их теперь и летом. В шести из них жили Князевы...

КРЫСАН

Большая часть Вятской губернии была густо заселена, малоземельна, страдала безлесьем. А «вятские – люди хваткие» и не одно десятилетие расселялись по всей России. Так появились на юге Северных Увалов многочисленные починки вятичей. В числе новожилов был и один из моих прадедов – Хрисанф Павлович Юдинцев.

Жили в деревне Верхорубье, что не доезжая 20 км до Котельнича. Тяжело было сниматься с обжитых мест, оставлять родителей и сестру. Но решили с молодой женой, Евдокией Филатьевной, обосноваться в глуши, не мыкать жизнь, а править ее и строить. Присоединился к ним и брат Евсей. Получили благословение отца и матери на благое дело, подорожную икону, лошадь, телегу, самый необходимый скарб и инвентарь, привязали к поводу корову и отправились обрабатывать и обустраивать новины.

Не однажды навещали родные места, завозя молодняк мелкого скота, семена яри и ржи-вятки. А уже жито на первозданных гаревых полосах росло баское, зерно – с детский ноготь, снопы в суслонах – стеной. Вместе с Юдинцевыми обживались Царицыны, Харинцевы, позднее появились Ершовы, Марковы, Опаницыны, Толстобровы. Назвали починок – Новый, а в обиходе привилось и осталось второе название, по имени мужика, первым оформившего отвод, – Васинцы.

За трудами не забывали и основное предназначение всего живого – дать и вырастить достойное потомство. Пошли дети. Имя по святцам – Хрисанф, трансформировалось в чисто народную форму – Крысан. У прадеда было четыре сына – Гаврила, Кирилл, Семен, Иван и две дочери – Александра и Василиса. Был он могутным мужиком, высоким и кряжистым, любую работу ломил и силушку имел. Начнет жена блины печь, полкорчаги теста только на него уходило. Уже в старости, доживая у Кирилла, не однажды создавал ему хлопоты с остекливанием рам. Брался мух давить, и от нажатия большим пальцем руки выдавливал и стекла. К жене, детям,

соседям относился по-доброму, во внуках души не чаял, со многими нянчился. В родне, деревне, и не только в ней – лидерствовал, ценили его за ум, смекалку, рачительность и предприимчивость. Сыновьям жен приглядывал и высватывал сам и не ошибался. Только строптивый Семен поступил по-своему, выкрав ночью красавицу Александру из Басалаево (имел место и такой обычай). Земельная управа тогда выделяла наделы только на сыновей, и иметь много дочерей было не в радость, но у них, при таком отце и братьях, были девки как за каменной стеной. Брал Крысан в родню из деловых и мастеровых фамилий. Старшую дочь выдал в Пронинцы, за Макара Зайцева, а любимицу Васену – в Ванеево, за Ивана Смердова. В их свадьбу случилась беда. И Юдинцевы, и Смердовы были мужики удалые и страстные лошадники. А уж в свадебном поезде, вздыбив коней в праздничной упряжи с лентами, бляшками, бубенцами и колокольчиками под расписной дугой, с шиком откинув с кошовки правую ногу в валенке с двумя заломами, как ездовому эту удаль не показать? Сшиблись две упряжки, и старшему, Гавриле, сломало и завернуло ногу. Лекарей тогда не было, поправили, наложили шины, лечили своими снадобьями, но скончался от гангрены, осиротив четырех малолетних дочерей.

Недоброе предзнаменование преследовало и судьбу младшей дочери. Во время коллективизации крепкое хозяйство Ивана Илларионовича для начала обложили твердым заданием, наметив на раскулачивание. Чтобы этого избежать, он скрывался в соседнем районе. За невыполнение непосильных поборов увезли в тюрьму города Никольска Василису. Отсидев год, вернулась больная и вскоре угасла, оставив троих сыновей – 10, 6 и 4 лет. Хозяйство у деда не тронули, а детей пришлось растить и воспитывать одному.

Все сыновья Крысана построились и жили в родной деревне, дав, в свою очередь, дальнейшее продолжение рода. Трудолюбивые и умелые были семьи, красивые и здоровые люди. Вся родня жила дружно, работали много и жили справно. Дома отстраивали быстро, навалившись скопом, да и в любом деле, горе и радости были вместе и рядом.

В декабре и январе, по санному пути, самые сметливые и смелые крестьяне починков занимались извозом. Дело это было развито, налажено и с барышом. Часть продукции и производилась на продажу, везли мясо, сало, масло, мед, зерно, муку, холст, волокно, кожи. Опасная, требующая отваги, грамоты и находчивости деятельность. Старшие сыновья Крысана и зятья этими качествами обладали, пройдя через горнило первой мировой войны в солдатах. Ездили в Яранск (Кировская область), Никольск и Великий Устюг (Вологодская область), Ветлугу (Нижегородская область), Кологрив, однажды были даже в Петрограде. Ходили обозом в несколько лошадей. Крысан (чаще с Семеном) в середине, впереди зять Иван, замыкал зять Макар. У деда Ивана был сильный и преданный конь Савраска, служивший ему чуть не два десятка лет, воспоминания о котором сохранил даже мой отец. Статный, голова и туловище светло-коричневые, грива и хвост более светлые, по спине темный ремень брошен, ноги черные и в белых чулках. Самого деда в молодости за горячий нрав и лошадей звали «цыган». Пошаливали в те времена и разбойнички, особенно в лесах, между Пьщугом и Шарьей, но и мужики были не лыком шиты, имели для обороны не одни топоры, а и обрезы ружей. Попадали и в засады. Пытались схватить лихие люди первую лошадь под уздцы, но дед гаркал: «Савраска, ходи!» - и он их разметывал. Пока те кувыркались и барахтались, обоз проскакивал, а с последней подводы прижимал их в снег дробью Макар.

Зимой оставались дома преимущественно женщины, старики, молодежь и детвора. Особых празднеств не было. Женщины ходили с преснинами на беседки, в Крещение гадали, молодежь собиралась на игрища. С возвращением мужиков из городов особо отмечали и чтили Масленицу. Варили чанное пиво, столы ломились от

яств, женщины сновали в обновках, дети с лакомствами. Всю неделю праздновали и ездили друг к другу в гости, плясали под переливы гармошки так, что половицы гнулись. Гармонисты в родне всегда были свои, да и вообще ни за чем в люди не ходили. Отмечали и Пасху, но без шика и размаха, потому что весной не до того, она весь год определяет. Ездили только в село Хорошую на лошадях в церковь. Праздником в деревне, завезенным с Вятки, считался Фролов день (31 августа). Урожай в единоличных хозяйствах к этому времени был почти собран, и под божницу, в сутный угол, ставили сноп – «барин» (честь зерну, хлебу). Являлся он и «конским праздником», давали им передых, на них не работали, выражая тем самым благодарность надежным трудягам и кормилицам.

В двадцатые годы Крысан завел лавку с «красным товаром», торгуя керосином, солью, спичками и разной мелочью, но подошли другие времена. Начались разговоры о коллективизации. Почувствовав неладное, посоветовался с племянником Федором Евсеевичем, работавшим в Вохомском райкоме партии. Тот и определил: «Единственный выход – иди в колхоз». Пошел с сыновьями в первых, этим и уцелел.

Семен Хрисанфович участвовал в финской кампании, был ранен, в Отечественную уже не призывали. Один из сыновей – Семен, пропал без вести. Воевал и Николай, был офицером, часто навещал родину. Любили они с отцом рыбалку на Ветлуге, довелось быть подростком в их компании и получить в подарок спиннинг. Дочь Валентина жила в соседней деревне, потом уехала к детям, оставалась со стариками незамужняя дочь Ольга. А внучка Семена, Нина Николаевна Корзина, живет в Костроме, ведущий невропатолог нейрохирургического отделения областной больницы.

Кирилл Хрисанфович тоже участвовал в войне, был ранен и комиссован. Он пережил всех братьев и сестер. Столяр был – «золотые руки», научил ремеслу многих, и не было в округе дома без его аккуратных изделий. Они с тетей Дуней были добрейшими людьми. В их огороде росли яблони (предмет вожделенного внимания окрестной ребятни), некоторые сажал еще Крысан, а одна и по сей день жива и плодоносит. По дороге из кино мы их иногда потряхивали, но старик спал чутко и гонял нас. К старости он стал попивать. Осенью кислые небольшие яблочки дозревали, он их собирал, раскладывал по крупности и вкусу. Как родственника, угощал и меня, но за это надо было отрабатывать. По дороге в школу заходил к нему, дедок давал десятка два яблок, расценивал их по копейкам, я продавал ребятам, а выручку на обратном пути заносил и сдавал, опять получая вознаграждение. Оба были довольны: дядя Киря собирал на шкалик, я кушал фрукты. Его сын Валентин был в войну в воздушной пехоте (десант), живет в Киеве. Дочь Серафима работала в районе, уехала в Мурманск, ветеринар, на пенсии. Сын Николай был простым колхозником. Из его детей осталась дома и работает бухгалтером в кооперативе «Родина» дочь Валентина. Младший Кириллович – Леонид, был в леспромхозе шофером, кладовщиком, на пенсии, живет в Вохме.

Иван Хрисанфович в войну погиб, потомки его осели в Крыму. Ветвь Александры Хрисанфовны (Зайцевы) обосновалась в Боговарове.

Дурнотравьем, репьем, крапивой и дудками завалило уже часть усадеб и саму улицу Васинцев, вплотную к деревне подступил кустарник, поля постепенно поглощает подлесок. Стоят разрозненные остовы полусгнивших дворов, домов, бань, и только подворья Кирилла и Семена еще противятся небытию, врастая в землю, прогибаясь крышами, зияя немым оскалом разбитых окон. С разработанной великим трудом нескольких поколений земли люди ушли, и так становится всюду. Былое не возвратишь, настоящее пока не в радость, но будущие поколения других людей неизбежно придут сюда, только их историю нам знать не дано.

«ВСЕХ Я ПРОСТИЛ»

Этот человек жил при Романовых, видел военный коммунизм, тюремный социализм, волюнтаризм, зрелый социализм, гуманный демократический социализм и, наконец, общество рыночной экономики.

Это о нем А.И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ» написал: «Вот, например, Авенир Борисов, сельский учитель. Вы помните нашу молодость (я с 1912 года), когда верхом блаженства для нас был зеленый из грубого полотна костюм «юнгштурма» с ремнем и портупеем, когда мы плевали на деньги, на все личное и готовы были пойти на любое дело, лишь бы позвали».

Большинство жителей села Вохма прекрасно знали своего односельчанина. Он был заметен, как личность, с молодости.

Из дневника Борисова: *«Я запомнил следующую картину. Посреди двора стояла наша лошадь. Ее держал за узду мужчина в солдатской форме. Мама и бабушка обхватили лошадь за шею и громко плакали. Я не мог понять, почему плачут бабушка и мама. Все мне стало понятно, когда солдат отворил дверь ограды и увел лошадь со двора. Нашу лошадь взяли на фронт, и мы стали безлошадными».*

Семья Борисовых была самой большой в деревне – одиннадцать человек: отец, мать и девять детей. Отец Авенира Петровича Борисова, Петр Павлович, был призван на первую мировую войну, воевал на австрийском фронте, был ранен осколком гранаты в кисть правой руки, попал в госпиталь, откуда его и выписали весной 1917 г. Царя уже не было. Страной управляло Временное правительство. Детство Авенира Петровича прошло в деревне Паговец, которая получила название от речушки, впадающей в реку Вохму.

С 10 лет Авенир с родителями, старшим братом и сестрой стал работать на сенокосе. В первый день сенокоса все жители деревни выходили на работу в нарядной одежде, и в лугах пестрело от платьев и белых платков женщин. Когда начинали лопатить косы, то это была музыка сенокосной поры!

В больших семьях приходилось держать много коров и мелкого скота. Чтобы прокормить столько животных, требовалось много сена. Наверное, не зря крестьянский труд назвали страдой.

Из дневника А.П. Борисова: *«После революции в стране были голод и разруха. Обувь, одежду изготавливали дома. Не было товаров, не было и соли. Пока дома в соляной бочке была соль, вся еда варилась с солью. Но вот вся бочка была выскоблена ножом, собраны последние крупинки, и мама в последний раз испекла хлеб с солью, а в щи уже нечего было положить. Потом пошли бессолый хлеб, бессолый суп. Голод заставлял есть все. Отец решился на последнее средство. Принес в избу соляную кадку, снял с нее обручи и доски распилил на небольшие чурбаки. С тех пор в суп клали 1-2 чурбака, и он становился соленым. Это было уже счастье».*

В 1918 году, когда Авениру исполнилось 6 лет, в деревню Паговец прибыл реквизиционный хлебный отряд. Солдаты потребовали ключ от житницы, где хранилось зерно и мука. Зерна оставляли по пуду на человека в месяц, а все остальное отбиралось бесплатно. Мешки погрузили на подводы и отправили на ближайшую железнодорожную станцию Шабалино. Отсюда хлеб по железной дороге отправлялся в города. В стране шла гражданская война.

1 сентября 1920 года, когда Авениру Борисову не исполнилось и восьми лет, его собрали в школу. Она находилась в деревне Громово, в километре от Паговца. Как и всем первоклассникам, ему выдали «Букварь» и «Задачник». С пестрядинной сумкой, которую сшила бабушка,

каждый день вместе с другими деревенскими ребятами Авенир шел в школу.

В конце августа 1924 г. Авенир сдал письменные экзамены по русскому языку и математике и был принят в 5-й класс школы второй ступени села Вознесенье-Вохма. После окончания 8 классов была учеба в Никольском педагогическом техникуме, который А.П. Борисов окончил в июне 1931 года.

А в июле он был направлен учителем в Северный краевой институт социального перевоспитания, который находился в Архангельске. Это была трудовая колония, в которой находились беспризорники, и ему, молодому учителю, надлежало теперь учить этих детей. Отработав до осени 1933 г., А.П. Борисов поступает на годичные курсы историков-обществоведов при Вологодском пединституте. С января 1934 г. Авенир Петрович стал работать учителем в Вохомской средней школе.

Из записок А.П. Борисова: *«Это была самая большая и единственная школа в районе. Я вел историю с 5-го по 9-й классы включительно. В классах было не менее 40 человек. Учебников по истории не было ни у учителя, ни у учеников. Пришлось учебник писать самому. Меня выручал энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, который имелся в районной библиотеке. В нем печатали статьи лучшие ученые. Все мои планы уроков могли составить учебник по истории древнего мира или истории средних веков. До 1937 года в стране не было написано и издано ни одного учебника».*

Как же так случилось, что Авенир Петрович попал в НКВД? На Воркуте один из зэков расспрашивал его о деле, кивал головой и удивлялся, как можно было забыть семь заповедей Сталина?

Их было семь.

Первая заповедь: не думай! Смысл ее состоял в том, что никто не должен думать, так как за тебя думают вожди.

Вторая заповедь: не говори! Говорит вождь, а ты должен выучить, что он сказал.

Третья заповедь: не пиши! За тебя думает, говорит и пишет вождь! Изучай его труды, так как каждое его выступление есть новый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Четвертая заповедь: не печатай! Печатать могут только вожди... «Вопросы ленинизма» Сталина выдержали, наверное, более 20 изданий и каждое издание – миллионным тиражом!

Пятая заповедь: напечатал – отрекись! Сколько примеров этой заповеди, когда клеймили ученых-генетиков, а Т. Д. Лысенко обещал завалить страну хлебом.

Шестая заповедь: стой в борозде! Надо держаться генеральной линии партии и ни шагу назад.

Седьмая заповедь: вышел из борозды – доноси в НКВД!

В черные списки НКВД Авенир Петрович Борисов попал в январе 1935 г. Кружок по изучению философии был при Вохомском педучилище. 11 января 1935 г. Борисов делал доклад «О категориях материалистической диалектики».

Из дневника Авенира Петровича: *«Все шло нормально,*

Вохомская районная милиция. Фото 1928 г.

Магазин «Севдвинторга», п. Вохма. Фото 1929 г.

и не было никаких недоуменных вопросов. Дойдя до категории «случайность и необходимость», я, конечно, объяснил все, но вдруг директор училища Кипреев задает вопрос: «Обязательно ли после смерти Ленина генсеком должен был стать Сталин?» Я ответил отрицательно, сославшись на письмо Ленина VIII съезду ВКП(б), известное теперь каждому десятикласснику как «Завещание Ленина». Руководитель кружка В.И. Покровская сказала, что Ленин не мог так отзываться о Сталине. Я привел источник – книгу Сталина «Об оппозиции» (для узкого круга членов ВКП(б)). Назавтра меня вызвали в РК ВКП(б), и три работника РК начали «гонять» меня по истории партии».

Кружок по философии был распущен и больше не возобновлял своей работы.

Осенью 1936 г. была проведена аттестация учителей всей страны, целью которой было выявить профессиональный уровень и узнать настроения учителей. Члены аттестационной комиссии имели большие полномочия: отстранять от работы, понизить в должности. Самое интересное, что комиссия работала по ночам. Авениру Петровичу нужно было явиться в 2 часа ночи, захватив все рабочие планы уроков.

По результатам работы комиссии оказалось, что в районе около 40 учителей не соответствовали своему назначению и были уволены. Выступление А.П. Борисова, в котором он назвал издевательством вызовы учителей по ночам в комиссию, было признано контрреволюционным и немедленно было занесено органами НКВД в дело.

1937 год стал роковым для многих миллионов людей. Аресты докатились и до глубинки. В деревни, села, починки и хутора шли письма за подписью начальника НКВД: такого-то числа такому-то гражданину предлагалось явиться к 10 часам. Все являлись своевременно и водворялись в камеры предварительного заключения.

Из дневника А.П. Борисова: *«Я помню, что в июне 1937 года в камерах Никольской тюрьмы стояли простые железные кровати, в августе кровати убрали и заменили двухэтажными нарами, где еще каждый знал свое место, а к концу 1937 г. были сплошные нары в два этажа, и в камеры набивали столько людей, что они переворачивались с боку на бок по команде».*

Особенно НКВД старалось над созданием контрреволюционных троцкистских организаций. Раз были такие в Москве, значит, они должны быть и в районах.

После аттестации учителей Вохомского района зав. РОНО В.А. Кузнецов был снят с работы за то, что принял на работу учителя физики В.П. Редькина, у которого сгорела школа. НКВД стал копать дело о пожаре школы и осудил В.П. Редькина, предъявив ему 58 статью и вредительство. Стали проверять состав учителей Лапшинской ШКМ, где работал В.П. Редькин. У учителя математики, имевшего троих детей, класс был оклеен газетами, так как обои в то время были редкостью. Следователь НКВД обнаружил, что

в одном месте газета потрескалась, трещина угодила в фотографию Сталина. Классный руководитель П.Ф. Баданин сразу же был арестован. Такое же положение оказалось и у преподавателя географии А.С. Вязникова. Его тоже арестовали. Председатель Лапшинского сельсовета В.М. Шадрин донес, что завхоз школы С.М. Адеев, рассказывая анекдот, упоминал Сталина. Арестовали и Адеева, скромного крестьянина. Ему уже шел шестой десяток лет. Так составилась группа заговорщиков. Вот тут-то НКВД вспомнил и Борисова. Всем дали 58-ю, пункты 11 и 7. Это означало, что они вели антисоветскую пропаганду, имели свою контрреволюционную организацию и готовили террористический акт на 1-го секретаря Вохомского РК ВКП (б) Никитинского. В лагерях погибли П.Ф. Баданин, А.С. Вязников и С.М. Адеев.

«Я был у себя в деревне – 4 июня 1937 г. к дому подъехали верхом на лошадях заместитель начальника НКВД района П.Т. Кубасов и заведующий принудительным бюро Кренделев. Оба затянуты в ремни, с наганами. Я читал Виктора Гюго, когда они дали мне подписать бумажку. Это был ордер на право обыска.

Посадили меня в повозку, а сами – по бокам на лошадях. Вохмой прогарцевали красуясь».

После ареста всех шестерых отправили в Никольскую тюрьму. Все были посажены в разные камеры. Допросы велись в течение семи месяцев.

Из дневника А.П. Борисова: *«Обычно конвоир забирал меня из тюрьмы в 6 часов вечера, а П.Т. Кубасов отправлял обратно в тюрьму в 6 часов утра. 12 часов каждый допрос, а их у меня было сорок восемь. Ежедневно допрос начинался с одного и того же вопроса: «Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности». Я отвечал, что никогда никакой контрреволюционной деятельностью не занимался и не думал заниматься. Мне было 24 года, я был активным комсомольцем в Вохме. П.Т. Кубасов это отлично знал, так как мы были из одного сельсовета. Сначала допросы шли в спокойном тоне, но постепенно лицо следователя становилось страшным. Он начинал кричать, не стесняясь в выражениях: «Враг народа, сволочь, подонок и т. д.» «Это видел?» – он хватал наган со стола. Ясно, что вся эта брань сопровождалась самой отборной матерщиной. Я не сдавался и твердо заявил, что если его грязная рука дотронется до меня, то я выброшусь в окно, а его дом сожгут мои оставшиеся пять братьев, да и его не пощадят».*

До января 1938 года шло следствие, бесконечные допросы и унижения. А 26-27 января состоялся суд. Судила тройка НКВД при закрытых дверях. На второй день было вынесено решение: по 10 лет каждому, с поражением в правах на 5 лет.

Выйдя на свободу, Авенир Петрович узнал, что следователь П.Т. Кубасов был осужден на 10 лет, был отправлен на фронт и там погиб. Осуждена была и тройка НКВД.

Продовольственно-ревизионный отряд московских рабочих. Фото 1930-х гг.

* * *

Тысячи заключенных концентрировались в Великом Устюге, а потом по Северной Двине отправлялись в Архангельск. В Архангельской пересылке никогда не было менее 15 тысяч, хотя морские пароходы ежедневно увозили тысячи людей в Нарьян-Мар. От Нарьян-Мара Авенир Петрович вместе с другими заключенными 28 дней плыл по Печоре. В первой декаде августа 1938 г. прибыли в заполярную пристань Абезь. Там стояло несколько палаток. Три ночи заключенные провели у костра. Работали днем и ночью, в основном, на выгрузке барж. Затем всех переправили в Воркуту...

Великая Отечественная война застала Авенира Петровича Борисова в 135 км от Воркуты.

Осужденным же по 58 статье всем в просьбе было отказано. Авенир Петрович трижды писал заявление, но все было безрезультатно. Всю войну он работал на строительстве дороги Котлас – Воркута, страшно голодал и тосковал по дому, считал годы до освобождения.

«Ну что значит построить дорогу длиной 1098 км в районе вечной мерзлоты, с бурными разливами рек в Заполярье. Тундра не ровное место, здесь есть овраги и впадины, но самое главное, куда ни ступи – вода. Но строительство дороги требовало одной человеческой жизни на один км дороги <...> Сколько же тысяч человек погибло на этой дороге! Кладбища были через 8-10 км, обычно на буграх. На четвертом лагерном пункте погиб математик Лапшинской школы П.Ф. Баданин. Когда я отыскал его могилу, то увидел следующее: на всех могилах стояли стесанные колья, написана фамилия заключенного, статья и срок. Такого издевательства над человеком не было даже в рабовладельческих государствах".

Возвращение из Печорлагеря в сентябре 1946 года было для Авенира Петровича таким же неожиданным, как и арест органами НКВД в июне 1937.

Дорога Воркута – Котлас уже действовала, по ней шли составы с углем в Череповец, проходили и настоящие пассажирские составы. Около 11 часов в контору вошел нарядчик лагерного пункта и громко сказал: «Борисов, на освобождение. Иди, сдавай вещи в контору и марш за зону». Справка была набрана типографским шрифтом, в ней значилось: «...освобожден Верховным Судом СССР за недоказанностью обвинения, а посему подлежит немедленному освобождению из лагеря со времени получения решения Верховного Суда СССР. Печать лагеря и две подписи».

9 сентября 1946 г. он навсегда попрощался с Печорлагерем, где пробыл 9 лет, 3 мес. и 5 дней. Теперь была неблизкая дорога домой. Всю дорогу Авенир Петрович не спал, не отрываясь, смотрел в окно вагона. Спустя двое суток добрался до Вохмы, где жила сестра Анна Петровна. От нее он узнал, что отец умер в 1940 году от воспаления легких, муж Анны Петровны, Григорий, погиб под Ленинградом в 1942 году, брат их, Прокопий, погиб во время битвы под Курском.

А на следующий день Авенир Петрович с утра пошел в родную деревню Паговец к матери. Еще кто-то в лагере сказал ему: «Вернешься на родину – и надо выпить воды из трех речек. После этого все беды тебя минуют».

Вот, наконец, и родимый дом, откуда увезли его в июне 1937 г. Открыл дверь родной избы, увидел маму, и оба заплакали. Сколько было пережито за годы разлуки! На войне погибли сверстники Авенира Петровича, девять человек из деревни. Более десятка молодых людей уехали работать: кто на Горьковский автозавод, кто на Север, иные в Архангельск. Деревня умирала. Из 95 прежних жителей теперь набиралось человек двадцать. Мельница к 1946 году была разрушена, пруд спущен, и глубокая речка превратилась в небольшой ручей. Трудно пришлось семье Борисовых в войну, как, наверное, и всем жителям страны. Четверых братьев Авенира Петровича забрали на фронт: Дмитрия, Прокопия, Флавиана и Федоса. Мать осталась жить с млад-

шим сыном Иваном. Молилась каждый день за своих детей. Председателем колхоза был Егор Николаевич. За дровами ли ехать, огород ли вспахать, сено ли привезти – всегда лошадь предоставлялась в последнюю очередь Борисовым. Председатель никогда не забывал напомнить о сыне – враге народа.

Односельчане встретили Авенира Петровича довольно приветливо, поздравляли с возвращением.

В октябре пришлось ехать в Москву в Министерство просвещения, нужно было устраиваться на работу. Он был одет в солдатскую шинель, на голове солдатская шапка, на ногах лагерные кирзовые сапоги. Под шинелью была лагерная фуфайка.

Авенир Петрович получил направление в Костромское облоно, где его назначают на должность директора Боговаровского детского дома № 38, который надо было организовать в селе Соловецком.

В то время Авенир Петрович чувствовал себя самым сча́стливым человеком. Свобода, работа, а значит, и зарплата, независимость, книги, по которым он соскучился и, наконец, мысли о своей семье, так как уже исполнилось 34 года.

До ареста Борисов учился на 3-м курсе исторического факультета педагогического института. После лагеря пришлось начинать все заново – поступать в учительский институт, который давал право преподавать в 5-8 классах, окончил институт успешно и с этим дипломом доработал до пенсии.

Он покорял своих учеников широкой эрудицией, обширными знаниями. Вспоминает бывшая ученица Борисова Светлана Вадимовна Боровикина: «Каждый его урок был особенным. Он владел яркой и выразительной речью. Авенир Петрович научил нас любить историческую литературу. Это благодаря ему я стала учителем истории».

Начитанность, способность кратко и образно рассказывать пригодилась и в лагере. Он рассказывал-пересказывал произведения А.П. Чехова, И.С. Тургенева, А. Дюма.

Он был прекрасным семьянином. Валентина Николаевна, жена Авенира Петровича, была когда-то его ученицей. Они воспитали четверых замечательных детей, трое из которых закончили педагогические вузы. У Авенира Петровича семь внуков и два правнука.

Он пережил время, когда ученики отворачивались от него, бывшего своего учителя, не отвечали на поклоны. Но он все же вернулся на работу в школу. Он прямо и честно прошел по жизни, ни перед кем не лебезил.

В октябре 1998 г. Авенир Петрович ушел из жизни. Сотни его учеников сохранят о нем светлую память.

В конце жизни он признался: «У меня нет врагов, есть только друзья. Всех обидчиков своих я простил».

О.Н. ТРАВИНА,
преподаватель истории ПУ-25,

Е. РЫЖКОВА,
учащаяся ПУ-25

Здание Вохомского районного комитета партии. 1930 г.

ВОХОМСКИЕ ГОВОРЫ

Вохомский район, до революции волость Никольского уезда Вологодской губернии, расположен в самой северной части Костромской области. Районный центр пос. Вохмы находится в 450 км от Костромы и 200 км от Кирова, в 120 км от ближайшей железнодорожной станции Шарья. Правда, недавно к Вохме проложили хорошую шоссейную дорогу. Удаленность от промышленных центров, многовековое бездорожье способствовали достаточно прочному сохранению в говоре архаических черт.

Говоры Вохомского района севернорусские окающие, периферийного типа, с цоканьем при сохранении древнерусского мягкого «ц», который в литературном языке отвердел к XVI в., с особым произношением звука, обозначаемого буквой «ять», исчезнувшего в большинстве говоров в XIV в., «L» средним европейским (полумягким), произношением «у» (неслогового), близкого к губному звуку «в» на месте звука «л» на конце слова и перед согласным и др. особенностями в области фонетики, лексики и грамматики, что и будет видно в приводимых ниже записях вохомской диалектной речи. Последние представлены в виде народных рассказов, былей, притч, исторических воспоминаний и др.

В.Даль в статье «О наречиях русского языка», напечатанной в V книжке «Вестника императорского русского географического общества» за 1852 г. так характеризовал вохомские говоры в середине XIX в. (Даль относил вохомские говоры к северному наречию): «...северное наречие, или новгородское, ильменское, верхнерусское, господствует на севере от Москвы и на северо-востоке», «но так как... русские пришли на Ильмень с юга, с общей ближайшей к нам родины всех славянских племен, то можно, кажется, сказать, что новгородцы поныне удержали в языке несколько более исконного, тогда как, по направлению на Рязань и на Владимир, язык этот, при смешении народа с чудскими племенами, принял тут и там другую краску».

В. Даль приводит приметы этого наречия. Назовем некоторые из них, существенные для вохомских говоров: «Звук «о» господствует, произносится всюду... даже иногда ударенье, вопреки московскому, переносится на «о» или «ё», например: вы говоритё, видитё, девОчка, девОнька...

Где мы пишем «ять», там новгородцы произносят «и»... Примета эта ... встречается собственно только по губернии Новгородской, по Тверской (там, где окают), в северной части Петербургской, по Ладоге, и по соседству в Вологодской. Местами слышится то же и в отдалении от этих мест, например, у Кологрива Костромской, у Городца Нижегородской губерний.

Творительный и дательный падежи мн. ч. заменяются один другим... Новгородец «*ходит ногам, берет рукам, колет вилам...*».

Делая «особые заметки по губерниям и уездам», собственно о вохомских говорах Даль пишет следующее: «*Вологодская* губ. в северных уездах, или на Югской стороне, начиная от Великого Устюга, Лальска по Двине и Вычеге, принадлежит более к Архангельской, и говор один; в южных, от самой Вологды, он переходит в суздальский, принимая на рек. Унже, Вохме, Сысоле – не в пользу свою – особенности костромского и вятского. Югские крес-

тьяне русские по племени и походят на архангельских; в Вохменской части, к Костроме и Вятке, народ беднее, невзрачнее, грубее, и говор таков же; Подгородная или Тотемская часть мало чем отличается от второй; и здесь вы можете быть уверены, например, что на вопрос: откуда едешь? мужик непременно сам спросит: откуда еду? Или наперед еще: кто? я? И только после раздумья и почески ответит: а с Вохмы, либо: с СухОны!».

«РОДИЛАСЬ ВОХОМСКОМ РОЁНЕ»

Рожденье у меня деветисотово года. Оддавали замуж. На тройке приежжали. Дома в деревне вышла, недалёко ехать, с краю на край. Пиво варили, гости меня дарили, потом я гостей. Вот и жыла всё с мужом. Деток не было сроду.

Я деревенска, проста женщына, от нас города далёко, станции далёко. Я ведь неуцёная, дак вот цево делать-то, совсем не уцилась. Семья была, надо было наживать. Портяное носили-то, пряли куделю. Старинна мода не так была: сарафаны шолковы шили с тесемкам, наредисся... Деревни у нас большые были, собиралися и у нас, и в другой деревне, плесали под гармошку все деушки. С кавалерам-то ходили, как жо, под руцьку... Походишь маленькя, уш родители стоят: эй, дефцёнки, давай ужинать идитё.

Марфа Ивановна Узкова, 1900 г.р., д. Козловка Согоревского с/с. Запись 1985 г. студ. КГПИ.

«Я-ТО МОЛОДА БЫЛА, ДА ДОРОННАА»

Ну, што тобе, сынок, росказать-то? О топерешней жызни ты и сам все знааш. Скажу, буди, я тобе о прежнёй моёй жызни. Взамуш-то я вышла рано, осьмнащяти готкоу. И не по согласию, а насильно: богатой жоних-то быу, самой богатой на дёревне. Я-то молода была, да дороннаа, да и лицом не крива. Не лежала у меня душа-то к Федору. А он-то хорошой оказауся, да я токо потом в нем разобралася и любить стала крепко. Жыли мы с ым хорошо, почитай двёнацять годочкоу. Детёу нарожали, токо проклятаа Ёрмания напала на нашу страну, не дала мирно пожыть-то: ёво сразу и зАбрали в армию-то. Собрала я ёму котомку, блиноу, шанёк, пирогоу наложыла. Прицепиу он менную флягу на рёмень, поцоловауся со мной да с дётишкам и ушёу на войну. А через гот-то получаем мы известию, што погип наш Фёдор смертию храброю. Горёвали мы с дётишками, да што уш сделаёш-то. Всех троих сама понняла на ноги, все топере жонатые, а у старшово сына уже дочка взамуш вышла. Лонись я в гости к сыну-то ездила, а топере вот со свадьбы еду. Жоних-то у внучки баской, как у меня мой Фёдор быу.

Федорова Марья Ивановна, 1902 г.р., с. Спас Вохомского района. Запись студ. КГПИ.

«ТРИ МЫ БАБЫ ПОЕХАЛИ»

Три мы бабы поехали. Доехали до Вохмы. Как дале ехать, докоментов нету? Попросились к парничку оному на машыну. Довёс до Шабалина. Топере как опеть? Надо докоменты. Кое-как сели на поес. Доехали до города до Кирова. Переночевать-то к бабе какой-то зашли. А я ить все думаю: можот, походить, ак нашла бы, можот, Изосима-то. Мы двоём пошли: у одныё-то не отправлён, а у меня не знаём. Походила-походила, он стричу и идёт. Не знаём друг друшке чёво и сказать. Рёву-стою: как жить-то буду? – А как сумиёшь, так и жыви. Ёму-то итти уш надо. Я тут и повалилася нА землю, и очуствовацця не могу.

Пошла просить докоментов. Фся уревелася. Глежу, а тута Дашка, сестра моя. Я больно на иё похожа. Баю ёй: «Отколя ты?» И она: «Отколя?» Я: «Как сюды попала?» И она: «Как сюды попала?» Догадалася, штё зеркало. Ошшо пушшэ заревела.

Скрябина Мария Петровна, 1919 г. р., д. Погорелка. Запись 1977 г., студ. КГПИ.

«НЕ ЗНАЮ ШТЁ ТЕ И РОСКАЗАТЬ-ТО...»

Ой, матушка, не знаю, штё те и росказать-то о жызне моёй. Ну, слушай. Выдали замуш миня

23-х лет. Сосватали за нелюбимова, Сана Голышева, от Тюленят быв родом-то. Не любила я ёво. Днем на роботе, не вижу ёво, дак вроде и лутшэ. Настанёт ночь, мне хуже каторги. Посмотрю на ёво: нибаской, губы большыё, нос довгой, сам довговязой. Роботав он золотарём, церкву золотив. Золото было в книшках, ёво наносили беличьим хвостом, а потом вытирали локтем. Пожыли мы с ым гот. Жыли, не скажу, зажытошно, да случилося у нас горё. Играли робетёшки деревенские у нас на задворках, курили видно, да заронили чигарку, и ноччу случився пожар. Загорелось со стайки, да со двора, потом на мосту. Мы спим и дела ни знаём. А у мужыка-то ружья хранились заряженные над дверями у избы. Как застреляло, да загорелася стена-та в избе, мы и соскочили. Только и успили свои оболочки прихватить, выскочили в окошко. Вот все у нас и сгорило. Вместе бы нам надэ горё-то мыкать, да сманила ёво одна баба, спать став к ёй ходить, а потом и совсем ушов. Мне пришлося к оццю своёму утти жыть-то. А та баба фсё ревновала ко мне Саша-то. Я ёй баю: нечово мёртвым коршуном ворон пугать. Не было мужыка, но и это ни мужык.

Потом к нам в Хорошую в 33-м году на организацию ковхоза приехав укринец Диких Пётр Степанович. Пожанились мы с ым, жыли шшасливо, правда, быв он на 15 лет миня старшэ. Умной он быв мужык, ласковитой. И вот до 99 лет прожыв, а я за им ухаживала. А все быв в россудке.

Мне 84 года, жыву я одна. Фсё самой делать приходицця. В лес фсю жысь одна с топором да с пилой. А посмотри, какой огорот загородила, сменила старой. Срубень в колоцце сама срубила и спустила. 5 дён робила, с колоццём-то. Здоровьё у миня хорошоё.

Диких Анна Степановна, 1899 г. р., с. Хорошая. Запись 1983 г., Первушина К.В., студ. КГПИ.

«КАК МЫ ДО СВЯТКОВ-ТО РАНЬШЭ ХОДИЛИ»

Роскажу, как мы до Святковто раньшэ ходили с пресницей по беседкам-то, прели и собиралися в один дом. А вот когда наступит рожэство-то, ак пресници-ти уш выносили на улицю, ужот тут ходили, привозили госьёв из других деревень. И собираемся ужот плясать, не пресь. Пляшом да письни поём, да вот игришша собираём. Игришша эти вот фсе Святки, вот до Крешшэнья. Страшныё вечёра вот опеть будут, на старой Новой гот. Пять вечёров СтрашнЫх, ворожыть можно бегать. Ворожыли мы по подокошкам, да на кресты бегали, где роставни вот, гадали. В опшэм девушка ежэли последний гот в дефках, дак выгадаёт фсё ровно чёво-нибуть, выворожыт жониха в опшом. А ежэли, дак и не выворожыт.

А вот ужэ кончаюцця Святки, крешшэнье уш, дак опеть фсё по-старому: с пресницям ходим по бесеткам, предём. Фсю зиму предём, а потом весной тком, ховстяноё фсё шьём, портяноё вот эдакоё. Вот не то што, вот тепере вы выснаряжываетеся, а мы вот сами сотком.

Сурина Мария Фёдоровна, 1925 г. р.. Родилась в д. Пекома Тихоновского с/с. Запись 1997 г., п. Талица Суриной И. студ. КГПИ.

«ПИРОГИ»

Как раньшэ пироги-то пекли? Да вот как. Притворят ржаной мукой с мелом, ночь киснёт. Назавтрия утром припустят это в квашонке, подойдёт. Затопим печь, испеком и выкатывам на стол прямо на сочельницю вот эдак, большим пирогам.

Мел делали из солоду, да хмель тут. А садили в печь прямо без всяких сковородок, так прямо замётали помелом в пече. Помело сосновоё делали, на бадожок прицепят, так заметут в пече чисто-чисто, даже и корочка снизу хорошая, чистая была. Вот так хорошо получалося.

А теперь ишь вот как пеком. Я тепере дак, например, вот так стряпаю: сразу делаю утром, фсё тут затёваю и закладываю, дрожэй кладу и сразу сделаю совсем тесто, штобы большэ не пригущщать. Рас подойдёт – умёшаю, второй подойдёт – умёшаю и за-

топляю печь. Печь истопицця, выкладываю на сковоротки: на сковородочках ешшо подойдёт. Замётаю в пече и сажу в печь сковоротки-ти. В пече они погреюцця минут 15-20, белыё пирошки.

Когда ешшо и рыбки куплю, дак рыбничок сделаю хорошой, свеженькую рыбку полОжу и рыбничок испёку.
Вот когда ешшо блины пеку. Эдак вот – на жару в пече, вот так жо, со сковородочки не перевёртываю. Как печь-то попротопицця, жар-от маленькой, вот на этом-то жару и пеку блины.

Сурина Мария Фёдоровна, 1925 г. р. Запись 1997 г. Суриной И., п. Талица.

«ХОТЕЛОСЯ ПРАЗЬНИКА ДОЖДАЦИЯ»

Картошку фсё варили чюгунам. В плошку накрошышь картошку-ту, варёную-ту, маслиця положышь и поставишь в пець. Она тут вон как приужарицца. А ноньце надо жарить сырую, а то буди пюре. А мне этово пюре до сих пор не надо.

Ак молоко вот вишь у меня сселось-от. Раньшэ как оно присядецця, ставили, отваривали в тихую пецьку. Творок делали. К паске-то дак сыр делали. У меня и сецяс сырник есь: такой яшшык, там такая дошшэчька, там дыроцьки наверцяны. А потом поставиш ф пецьку простоквашы, она отварицця. Надо штоп она не жоска была, а только згусла. Так вот яицек набьют, песоцьку положат да фсё в сырник загнетут. Такой прекрасной сыр бывау. Свой-то сыр быу дак сыр! А ныне фсё пустое, пустое. Луце картошкку напеку. Пецёную картошку больше Или. Грибы наносим, насолим, насушим.

В празьники пироги-ти пекли не как ноньце. Раньшэ фсё меу быу, какие дрожжы! И названия-то не было «дрожжы», фсё меу. Сверьху-ту пиво выпьешь, а внизу-ту меу оставишь. Ак вот нальешь меуку, яицько-два убьёшь, штобы пирок-от быу не как вот этот мяконек. А потом наверьх кто какой творозок, кто сметанки для басы, кто цево. Каздому на торелоцьке не подносили. Садилися за стол и фсё.

Кисель гороховой заваривали в говенье, с маслом-то посным или скипетят кипеток, розмешают мутофкой и муцьку сыплют. Погушшэ заварят, выльют на тареуки деревянные, ноцёфки фсё звали. Оно остынёт, и режут листоцькам.

Ждали празьникоф больших. Фсё вот радовались, што матка зафтра пирогоф напекот. Ак и в празьники сварЯт шти посныё да шти молосныё. Принесут ишшо хлеба ржанова снацяла со штями, а пирок-от уш с молоком. Хотелося празьника дождацця, молосьнова охота. А ныньце ницё не понимаам, ни поста, ни крёста. Я вот старуха, девятой десяток, дак не посьниця. Супу не ись, да молока не ись, я и ходить не засмогаю.

Одна жэншына тут фсё водила ребят. Мальциска, года три-цотыре ёму, фсё просил: мама, мне не надо киселя. Мне луцце картозницю. Картошку-ту горяцюю-ту оцистят, истоукут. Тут немношко маслица лленут или молоцька, а то буди на воде: погушшэ-пожыже. Гороховицю варили. Поставят в пецю, поварят подольшэ, штоп порозвориуся горох, подроскипеуся. Вот и готовленьё нашо.

Ак веть цяй не как ныньце пьют. Нам матка сахару большым комам наносит, шшыпцикам наколет, нам фсем петерым по комоцьку дас. А я сахар-от возьму да.

Панфилова Екатерина Вениаминовна, по прозвищу Катя Осаниха, с. Никола. Запись 2001 г. Ясевич Дарьи, студ. КГУ.

Н.С. ГАНЦОВСКАЯ,
профессор КГУ.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ К ТЕКСТАМ

Баса – красота.
Баско – хорошо.
Баской – красивый.
Беседка – вечернее собрание молодежи.
Вовинница – гриб волнушка.
Выгон – место, где пасут скот.
Грузельки – грузди.
Губница – грибная похлебка.
Губы – грибы.
Дресва – крупный речной песок или мелкие камешки, которыми очищают пол в избе.
Запон – фартук.
Картозник – пирог с картошкой.
Куделя – расчесанный лен, приготовленный для пряжи.
Лопоть – одежда.
Мел – гуща, остаток от пива.
Нащельник (нашшыльник) – ребенок-озорник.
Огород – забор, ограда.
Погребовать – побрезговать.
Подокошко – место под окном с наружной стороны дома.
Портяное – домотканое.
Пресница (прясница) – прялка.
Сочельница – доска для раскатки теста.
Срубень – сруб.
Шаньга – лепешка с начинкой или без.

ДОЛБЛЕНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА

В Вохомском музее-филиале Костромского государственного музея-заповедника интереснейшей частью раздела бытовых изделий является крестьянская деревянная посуда. Известная на Руси уже в X-XII вв., она была широко распространена в нашем крае вплоть до конца XIX в. За многие столетия были выработаны самые разнообразные формы, менялись приемы ее выполнения, использовались различные способы украшения. Образцы деревянной посуды раскрывают удивительное многообразие способов обработки дерева, поражают богатством творческой фантазии, декоративного чутья, технической сноровки безымянных русских мастеров. Хранившаяся на полках вдоль стен, она служила красочным дополнением в убранстве избы наряду с мебелью.

Наиболее ранним типом деревянной посуды является долбленая посуда, представленная в нашем собрании 34 изделиями.

Долбленая посуда изготавливалась из капа – нароста в виде наплыва на стволе и корнях березы и других лиственных деревьев. Этот замечательный материал используется народными мастерами с давних времен. Известно, что еще в XVI-XVII веках на Руси делалась каповая долбленая посуда, или, как ее называли, «репчатая». Изделия из капа обладают очень ценными качествами: они тверды, хорошо поддаются обработке и в распиленном виде имеют красивый рисунок.

Инструментами для выделки таких изделий были топор, тесло и различные виды резцов, служившие для выбирания внутренней части сосуда. Инструменты изготавливались самими резчиками, поэтому каждый мастер имел наиболее удобную для себя форму резца.

Посуда обычно делилась на праздничную и повседневную. До настоящего времени в большем количестве сохранилась праздничная посуда – наиболее тщательно выполненная и богаче украшенная, а потому и более хранимая.

Образцами повседневной посуды, употреблявшейся в семье ежедневно, могут служить ковши-черпаки, выполненные в форме округлой чаши с плоским устойчивым дном и простой ручкой с крючком на конце, за который ковш вешали на край кадки или воденика. Такие ковши украшались довольно скромно – или окрашивались полностью краской, или незначительно орнаментировались. Они служили для черпания воды, кваса, сусла из более крупных сосудов, слив ания пива в процессе пивоварения или для сыпучих продуктов вместо совка (например, при приготовлении заварного корма скоту).

К праздничной посуде относились ковши, скопкари, братины, ендовы. Наиболее распространенным в нашем крае типом ковша был ковш-скопкарь. В собрании музея-филиала этот тип представлен 26 предметами музейного значения. Форма скопкаря очень проста и красива. Ее монолитность, мягкие округлые очертания и их плавные линии придают ковшу пластические качества скульптуры. Красота форм не противоречит удобству пользования им. Высокие тонкие стенки и скругленная внутренняя часть сосуда придают ему глубину, большую вместимость, а рукоять и головы коней и птиц служат удобными ручками.

КОВШИ-СКОПКАРИ

Начало коллекции скопкарей было положено экспонатами музея Вохомской средней школы, переданными в музей-филиал в числе других экспонатов. Каждый из этих предметов неповторим. Сколько фантазии, мастерства и таланта вложили мастера в создание этих красивых деревянных сосудов-скульптур!

Ковш-скопкарь в виде птицы – традиционная излюбленная форма русского ковша – представлена разнообразными вариантами.

Например, скопкарь в форме утки с наклоненной головой - изделие необычайно пластичное, передающее движение плывущей птицы с полураскрытым клювом и гибко склоненной вправо головой, вызывает ощущение предмета одушевленного. Используя в полной мере пластичность форм изделия, мастер лишь наметил легкими кистевыми мазками оперение, что придает изделию особенную выразительность.

Ковш-скопкарь с маленькой птичьей головой близок по своей форме к тверским ковшам-конюхам – у него тулово вытянуто в ширину, что придает ковшу несколько сплюснутый вид. Края сосуда высоко подняты, носовая часть ладьи возвышается килем, который оканчивается круглой птичьей головой. С противоположной стороны тулова отходит круглая массивная рукоять. Здесь, как и у предыдущего ковша, в центре внимания оказывается форма изделия – массивная и в то же время удивительно четкая и выразительная, словно вылепленная скульптором. Роспись, которой покрыт ковш – черное скромное оперение на сером фоне – лишь подчеркивает выразительность формы.

Не менее выразительны в украшении ковшей скульптурные головы коней. Зачастую они даны обобщенно: уверенными срезами дерева отмечены их морды с торчащими ушами, крутые изгибы шеи, контуром нанесены глаза и волнистые гривы.

Ковш-скопкарь украшен головой коня, схематично выполненной точными, смелыми и резкими движениями ножа. Голова выполнена в крутом изгибе по отношению к тулову сосуда и напоминает положение конька на крыше дома. Еще большую выразительность изделию придает роспись, которой покрыта вся поверхность сосуда: синие розаны с белой оживкой на общем розовом фоне, перемежающиеся мелкими желтыми и белыми цветками и острыми листьями. Роспись придает изделию особо праздничный вид, яркие краски и выразительность формы напоминают праздничные конные упряжки, на которых русский народ любил прокатиться на Масленице.

Несколько особым по форме является ковш с головой коня и ручкой в виде замкнутой петли. Здесь форма ковша сильно вытянута со стороны ручек, что придает изделию особую выразительность и пластичность.

Совершенно особую группу скопкарей представляют двойные ковши-скопкари, переданные из школьного музея. Эти ковши состоят из двух круглых чаш, соединенных между собой деревянным кольцом, в котором у некоторых ковшей имеется отверстие, соединяющее обе чаши. Ковши имеют две ручки – в виде голов коня или птицы. Если учесть, что при последующем (после 1970 г.) сборе экспонатов был найден только один такой ковш, а также тот факт, что у двух ковшей одна из ручек напоминает голову дракона, можно предположить, что двойные ковши – вид ранней обрядовой посуды, сохранившейся до настоящего времени. В некоторых деревнях до сих пор существует обычай использовать такой ковш в свадебном обряде или в шуточном розыгрыше.

ДВОЙНЫЕ КОВШИ

Двойные ковши, как и обычные скопкари, украшались росписью в виде розанов с белой оживкой, напоминающей костромскую роспись, схематичным орнаментированным рисунком и т. д.

К сожалению, в школьном музее легенды и место бытования ковшей не записывались, поэтому о месте бытования и изготовления их можно судить только по аналогии с другими изделиями, легенды которых записывались хотя бы кратко.

Так, например, ковш двойной с ручками в виде головы утки и головы дракона с зубчатым гребешком на темени передан музею Я.А. Герасимовым, жителем деревни Глазуново Вохомского района. Владелец ковша получил его в наследство «от дедов», которые сами делали подобные вещи.

Следовательно, двойные ковши изготовлялись крестьянами Вознесенской волости, в состав которой входила и территория бывшего Сосновского сельского совета.

* * *

При сборе материалов в начале 80-х в музей поступило более 20 изделий из Лапшинского, Сосновского, Тихоновского, Заветлужского сельских советов. В большинстве своем это скопкари традиционной формы – в виде птицы. Отличаясь размером, цветом, росписью, они вызывают невольные ассоциации с гордой птицей, плавно плывущей по зеркальной глади вод. Эта форма сосудов глубоко символична: она связывалась с водой, которую в старину считали источником добра и счастья. Среди этих ковшей есть очень похожие по форме: тулово в виде овальной чаши с прямыми краями и плоским устойчивым дном без поддона, одна из ручек – в виде птичьего хвоста, другая – круглой маленькой птичьей головки на стройной высокой прямой шее, поступившие из Лапшинского и Заветлужского сельских советов. Они и расписаны одинаковой росписью: цветочные розетки по красно-коричневому полю, а вырезанные на дне инициалы «П А О» позволяют считать их либо изделиями одного мастера, либо принадлежавшими одному владельцу, тем более что оба они из деревни Орловицы и деревни Паговец.

Несколько другая, напоминающая Городецкую роспись на ковшах: на темном (зеленом, коричневом) фоне симметрично расположенные цветочные розетки в виде красного «яблока» с белыми, направленными к центру лепестками. Между розетками – травяной орнамент. Эти ковши поступили из Заветлужского и Лапшинского сельских советов. Учитывая дальность расстояния между ними, можно предположить, что эти ковши приобретены местными жителями на ярмарках.

Отличается по внешнему виду от других скопкарей ковш в форме птицы с плоской ромбовидной головой, приобретенный в 1971 г. у жителя дер. Сокирино Тихоновского сельского совета Аристова Ивана Андреевича. Это ковш в форме широкой круглой чаши на поддоне, с ручками в виде слегка приподнятого птичьего хвоста с фигурно вырезанным концом и плоской ромбовидной головой птицы, приподнятой над краем сосуда симметрично первой ручке. Основным украшением этого изделия является выпуклый ободок с резьбой в виде елочки и двойного зигзага, идущий по окружности ковша, верхней части и боковым граням головы, а также по груди до поддона.

Особое значение в украшении скопкарей имеют скульптурные головы коней. Образ коня в народном искусстве имеет древнее происхождение. Он связан со старинными поверьями людей, обожествлявших явления природы, домашних животных, которые несли им жизнь и благосостояние. Конь играл важную роль в жизни крестьянина-земледельца. Он был другом и покровителем человека, от него зависело благополучие и достаток в семье. Поэтому конь стал добрым сказочным героем, часто повторяющимся образом народного искусства. Позднее эти изображения потеряли свое первоначальное значение и превратились в чисто декоративный элемент.

В собрании музея-филиала есть ковш в виде конских голов несколько особой формы – это как бы крестьянские кони, привыкшие к тяжелому ежедневному труду: у них невысокие вытянутые вперед шеи, схематично вырезанные головы, а чаша сосуда является как бы повозкой, которую эти кони тянут.

Кроме резьбы и росписи, некоторые ковши украшались поучительными надписями. В нашем собрании таких ков-

ша три. На одном, к сожалению, надпись утрачена полностью, два других хорошо сохранились. Они идентичны по форме и технике росписи. Это ковши в форме ладьевидной чаши на плоском дне с двумя ручками – птичий хвост с двумя зубцами на конце и, вместо традиционной головы коня или птицы, крест, окрашенный красной краской на высокой прямой сужающейся кверху шее. Тулово ковша снаружи и внутри окрашено светло-желтой краской, по верхнему краю и дну окаймлено красной полоской, хвост окрашен черной краской. На тулове ковшей надписи: «Хошь не хошь, а выпить надо» и «Пей пивцо умненько, и завтра дадут». Оба ковша поступили из дер. Иерусалим Лапшинского сельского совета от разных владельцев. По легенде, ковши были привезены с ярмарки из Великого Устюга около 1870 года. Возможно, когда-то они принадлежали одному владельцу и были переданы, например, в приданое дочерям, поэтому и оказались разрозненными.

Все вышеописанные ковши были сосудами среднего и малого размеров, которые использовались непосредственно для питья различных напитков.

ПРАЗДНИЧНЫЕ СОСУДЫ

В собрании музея-филиала имеются также и выносные сосуды долбленой работы. Это ковши крупных размеров в форме широкой округлой чаши с двумя ручками – в виде птичьего хвоста и стилизованной головы коня, окрашенной в красно-коричневый цвет. Место бытования этого предмета – дер. Яросята Согорского сельского совета.

Ковш в форме глубокой круглой чаши с сужающимися кверху краями, с одной прямой ручкой. Противоположный ручке край ковша приподнят кверху и заострен. Окрашен красно-коричневой краской. Место бытования – дер. Шабашиха Сосновского сельского совета.

Ковш в виде круглой чаши с плоским дном и двумя плоскими, слегка расширенными к концам ручками в форме братины.

Широкое распространение в нашем крае имела также ендова – крупная чаша, напоминающая по форме братину на поддоне, но для разлива напитка она имеет небольшой носик. В собрании филиала этот тип долбленой посуды представлен единственным экземпляром. Такие сосуды могли использоваться и как выносные.

В качестве праздничной посуды, рассчитанной на большое количество людей, употреблялись братины – огромные по размеру и емкостью до нескольких ведер сосуды, напоминающие по форме ковши с двумя плоскими ручками. Эти сосуды, имеющиеся в собрании филиала, украшены незначительно: вся поверхность окрашена в красно-коричневый цвет, верхний край окаймлен желтой полосой, на которой нанесен орнамент в виде точек. В средней части тулова по окружности нанесен черной краской зигзагообразный рисунок. На обеих ручках – растительный побег, выполненный черной краской.

Братины емкостью до 0,5 ведра могли использоваться как выносные сосуды, изделия же более крупных размеров, по-видимому, сначала устанавливали на стол, а потом уже заполняли. Иначе при переносе его тонкие стенки, выдолбленные из корня дерева, не выдержали бы тяжести содержимого.

ТОКАРНАЯ ПОСУДА С ХОХЛОМСКОЙ РОСПИСЬЮ

В коллекции расписной посуды Вохомского филиала широко представлена токарная посуда, окрашенная хохломской техникой золочения и росписью. Это посуда нескольких видов: чашки круглые различных размеров, солоницы, ложки и чарки – всего 37 предметов музейного значения.

Популярность хохломских изделий в России общеизвестна, а имеющиеся в нашем музее предметы еще раз под-

твердают устойчивые торговые связи нашего края с другими регионами России.

Мягко светящиеся золотом, украшенные черно-красной травкой ложки, миски, блюда и солонки со второй половины XIX века стали любимой посудой деревенского люда и своим нарядом вносили радость даже в самое бедное жилище.

Техника хохломской окраски связана с горячей обработкой изделий и требует большого опыта и мастерства. Белые неокрашенные чашки, миски, ставцы и солонки – так называемое «белье» - сначала просушивали, а затем покрывали жидким слоем глины, которая закрывала поры дерева. Это делалось для того, чтобы древесина не впитывала в себя масло, которым обрабатывались изделия в дальнейшем. Эти предметы после просушки мазали сырым льняным маслом и ставили в печь на всю ночь. Затем их тщательно покрывали олифой и снова просушивали. Эту операцию повторяли 3-4 раза. Проолифенные предметы были готовы к полудке. Тонко растертым порошком олова протирали всю поверхность предмета так, чтобы деревянная вещь приобретала вид металлический и блестела, как серебряная. Дешевый оловянный порошок заменил употреблявшийся прежде дорогой металл: на вещах первой половины XIX в. была обнаружена посуда из серебра. Только после всех этих подготовительных операций вещь начинали расписывать: по проолифенной поверхности тонкой кисточкой наносили узор черной и красной краской. Изготовленные самими мастерами кисточки (из хвоста белки или шерсти кошки) были упругими и эластичными, позволяя делать и очень широкие мазки, и очень тонкие линии.

Расписанную вещь снова олифили и ставили закаливаться в горячую печь. Под влиянием высокой температуры лак темнел, становился коричнево-желтым, благодаря чему серебристый порошок, просвечивая под слоем лака, приобретал золотистый блеск.

В росписях Хохломы почти нет жанровых сценок; все свое искусство художники направили на изображение растительного орнамента, так называемой «травки» - наиболее распространенного рисунка, связанного с традициями живописи Древней Руси. Гибкие, волнистые стебли с листьями, ягодками и цветами обегают стенки сосуда, украшают его внутреннюю поверхность, придавая предмету неповторимо нарядный облик. Популярности «травки» помогало и то, что этот узор удобно ложился на вещи различной формы и любой величины: и на большие квашни, и на менее массивные чаны для муки, и на обеденные миски и плошки, и на стаканы, и даже на ложки.

Особенно пластично травный узор ложился на круглые чашки самого разного назначения: обеденные – миски, плошки, круглые солонки. Замечательные образцы таких изделий имеются в описываемой коллекции. Все это чашки – плошки небольшого размера, круглые на поддоне. Основу рисунка, их украшающего, составляет волнистая линия, от которой отходят завитки и мелкие, похожие на тонкие листики мазки, и широкие зеленого цвета листья, перемежающиеся цветочными розетками и ягодками. Подобный же травный побег украшает и дно плошек.

Украшая самые разные по форме изделия, хохломские художники проявили себя искусными декораторами. Расписывая, например, чашку или блюдо, мастер четко выделял дно, помещая в нем розетку, иногда с завихренными лепестками; или квадрат - «пряник», а от центра, подобно лучам, разводил линии к краям предмета. По стенкам чашки наносил узор «осочку» - из косых черных и красных мазков. Они напоминали собой стебли травы, как бы склонившейся от порыва ветра. Таким узором расписаны чашки из деревни Стрелочки Петрецовского сельского совета, из села Спас Семеновского сельского совета, из деревни Шабашихи Сосновского сельского совета (КОК277 43/3), датируемые второй половиной XIX в.

Особый интерес представляет чаша, поступившая из дер. Сосенки Октябрьского района. Она украшена традиционными хохломскими орнаментами – «осочкой» и «пряником», но внутри «пряника» изображена красная пятиконечная звезда с перекрещенными серпом и молотом в центре. Вокруг «пряника» на бортах чаши – узкие изогнутые кистевые мазки красной и черной краской – стилизованные всполохи пламени. Этот рисунок и считался основным при датировании изделия – I треть XX в. (в легенде о дате изготовления или приобретения данных нет).

Второй по популярности хохломской узор – так называемая «кудрина». Современная хохломская «кудрина» - это на красном фоне пышный, даже бурный цветочный или лиственный золотой узор с графической прорисовкой контуров и легкой штриховкой. Конструкция всех элементов узора – округлые листья, напоминающие русскую деревянную глухую резьбу. На изделиях, имеющихся в филиале, такого орнамента нет.

Крупных изделий с таким орнаментом в нашей коллекции тоже не имеется.

Особую по росписи группу изделий представляют чаши золоченой окраски с черной полосой по борту, которые так же, как и чаши с геометрическим орнаментом, мы считаем наиболее ранними изделиями.

Крупные чаши, описанные выше, были широко распространены в нашем крае. Они имели свое особое название – «чаруши» - мелкие. И использовались они исключительно как праздничная посуда для пива. Вплоть до начала 50-х годов XX в. в таких чарушах на стол выносили пиво, которое сами же и варили. Практически каждая семья имела чаруши – или одну, или несколько. Если чаруша была большого размера, то из нее пили по очереди несколько человек (как в старину из братин или выносных ковшей), если же чаруша была меньших размеров – каждому наливали отдельно по такой чаше. В нашем крае до сих пор сохранился обычай «обносить пивом»: после угощения гостей за столом, где каждый имел отдельный стакан или рюмку, начинаются пляски под гармошку, и через некоторое время, когда гости еще сыты, а хмель начинает выходить из головы, всех обносят пивом. Вот тут-то зачастую и используют чарушу (а если ее нет, то пиво наливают в один для всех стакан из чайника).

Таким образом, чаши-чаруши заменили со II половины XIX века бытовавшие ранее ковши-скопкари, выносные ковши и братины и использовались только лишь как праздничная посуда для пива. Применение такой посуды как обеденной или повседневной информаторами не подтверждается.

СОЛОНИЦЫ

Среди предметов, тесно связанных с размеренным укладом северной деревни, особое место принадлежит солонице. Ни одно торжественное событие не обходилось, да и теперь не обходится, без этого предмета. В давние времена солонка считалась семейной ценностью, и ее никогда не продавали. Она же входила в состав приданого невесты и имела большое значение в свадебном обряде: хлебом-солью встречали почетных гостей и молодых после венчания.

К сожалению, в нашем музее нет долбленых или резных солониц в виде плывущей птицы с отодвижными крылышками-спинками, вырезанными умелыми руками крестьян. Они были широко распространены в Вологодской губернии и, возможно, просто не сохранились, т. к. наиболее бережно хранились крестьянами покупные вещи.

Со второй половины XIX в. в укладе деревенской жизни происходят изменения. Значительное влияние приобрел рынок, который требовал продукции, не связанной с многодельным трудом. Поэтому

на ярмарках и базарах появились солоницы со значительно упрощенной техникой изготовления. Образцы такого рода изделий представлены в нашем собрании двумя предметами музейного значения: солоница в форме банки с прямыми краями и глубокой крышкой, надевающейся на тулово. Изделие украшено росписью: на красно-оранжевом фоне стилизованный орнамент в виде красного с белой оживкой «яблока» и отходящих от него с одной стороны листьев – мазков синего и черного цвета. Основание солоницы и боковая грань крышки окрашены синей краской.

Такие изделия очень удобны и практичны, т.к. имеют пластичную устойчивую форму, довольно вместительны по размеру, а изготовление их требует немного времени.

В конце XIX в. да и в первые десятилетия XX века в народной среде были широко распространены солоницы с хохломской росписью. Их нарядный и радостный облик привлекал деревенского покупателя, поэтому очень скоро они заняли постоянное место в домах вохомских жителей, вытеснив немодные самодельные солоницы.

В коллекции филиала эти изделия представлены двумя видами: солоницы в виде маленьких круглых чашек на поддоне – 3 экз. и солоницы на точеной ножке и круглом массивном основании – 3 экз. Роспись этих изделий – традиционная хохломская «травка» и «осочка», либо спиралевые завитки, полоски на красных и золоченых полосах.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛОЖКИ

Наряду с производством крашеной посуды в Нижегородской губернии вырабатывалось огромное количество деревянных ложек. Только в деревнях Семеновской округи в XIX в. ложек вырабатывалось более 3 млн. в год, перед революцией в лошкарном промысле было занято свыше 15 000 крестьян. Ложки тогда резали мужчины, а «крапили», т. е. украшали, женщины. Они применяли узорную печатку, вырезанную в виде звездочки из лесного гриба-нароста. За день мастерица разукрашивала до 1000 ложек, получая за это 12-15 коп. Ложки различались по форме: баская, полубаская, тонкая, рыбка, межеумок – грубоватая, с более крупным черенком, крестьянская ложка и др.

Ложка деревянная традиционной формы с заостренным концом черенка. Черпак ложки украшен росписью в виде стилизованного цветка-звездочки с лепестками-черточками черного цвета и красной серединкой. (Начало XX в., с. Вохма).

Однако отдельные мастерицы и мастера могли очень красиво и затейливо расписывать ложки, применяя традиционные хохломские орнаменты. Так, например, есть в коллекции музея деревянная ложка традиционной формы, украшенная хохломской росписью «травка» в виде стилизованного побега. (Начало XX в., с. Вохма).

Или деревянная ложка с хохломской росписью «под фон»: на черном фоне золотые стилизованные листья с оживкой мелкими золотистыми штришками, с бутоновидным красным цветком в окружении зеленых узких листьев и двух круглых орехов красного цвета.

Хохломской росписью украшались также деревянные чарки, представленные в нашей коллекции единственным экземпляром. Это чарка в виде глубокого кубка на высокой точеной ножке с широким круглым основанием, украшенная хохломским орнаментом «осочка» и спиралевыми завитками на золоченых и красных полосах. В собрании имеются также чарки такой же формы, но украшенные другим рисунком – кружками красного и черного цвета на основании и перевернутыми горизонтально восьмерками на тулове, а также изделия без всякого украшения. В легендах этих предметов не записано ничего, поэтому определить место бытования и изготовления их не представляется возможным. По-видимому, эти чарки изготавливались в подражание дворянским кубкам, но массового распространения они не получили.

Н.И.ЛЕБЕДЕВА,
директор Вохомского краеведческого музея

Светлана КАТКОВА

ХОДИЛ ПО ДЕРЕВНЯМ ХУДОЖНИК

Звали его Дмитрий Осипович Бумагин. Еще лет тридцать тому назад его помнили старожилы Вохомского, Павинского районов. (1) Помнили светлой памятью детства. Это была первая встреча с художником, мастером живописи, миром творчества, красок.

Он был необычный художник, не писал картин, а расписывал внутреннее убранство деревенских изб. (2)

Вот некоторые записанные мной в экспедициях воспоминания о нем.

Деревня Сколепово.

«Росписи были только у тех, кто хорошо уж больно жили. В Белькове люди жили пошикарнее, чем у нас в Сколепове, у нас еще в курных избах жили. На Глазунове живет мой брат (Васьков А.), у него было расписано. Все розы. А сейчас уж закрасил все. Прялки были с токарной ножкой, а лопастки большие, расписаны цветами. В Вохме на базаре их продавали много. Молодые девушки все их для посиделок покупали.

В избах красили приезжие мастера «костромляне», они зарабатывали деньги. У нас таких специалистов почти не было».

Деревня Исаково. Потеминский А.П.

В его доме Бумагиным расписан залавок, опечек, голбец и полатный брус. В музей передал прялку. Бумагина помнит.

«Был он старым старичком, рыжеватый. Ходил до германской войны. (3) Красил больше веснами, летом. Красил только снаряд в избе, а полы не красил, потому мог работать круглый год. Ходил с ним еще один мастер, он был помоложе, тот красил подготовку, а цветы рисовал Бумагин. У нас здесь он во многих домах красил, да ни у кого не сохранилось.

Бумагина очень ценили, им дорожили, был он первый мастер. На соседнем починке Свободная пустошь он в доме Рыжаковой Д. красил в 1905 году, надпись на полатном брусе».

Деревня Усаны.

«В старой избе было написано на гряде (4), когда крашено Бумагиным, даже откуда он, вроде из Липовского починка, и даже дата рождения. В прошлом году сожгла брус». Дат не помнит.

В той же деревне в доме Скрябина В.С. расписаны заборка, опечек, залавок. На полатном брусе и гряде надпись: «сию поделку красил мастер Димитрей Осипов Бумагин костромьской губернии за работу 3 рубля».

Село Покров. Скрябин П.П.

«В старом доме на грядке было написано, что красил Бумагин, и подписалась его жена Н. Бумагина. Мать называла ее Надеждой, запомнила потому, что саму так же звали».

Деревня Богачи.

В доме Ивкова А.В. от росписи Бумагина осталась лишь дверь в кладовку, бывшая дверца голбца, остальное зак-

Ковш. Дерево, резьба, роспись.
Автор Д.О.Бумагин, д. Бурковщина. Нач. XX в.

рашено. Его жена Мария Дмитриевна рассказала: «Когда мне было 19 лет (родилась в 1901 году), ходил по деревням Д.О. Бумагин. Ему лет за 60 было. Ходил со своей старушкой, она старше его была. Красил резиной под разделку (5), а цветами не красил, говорил, что нынче не мода. Откуда он урожаем, не знаю, не слыхала. Красил своей краской.

Ведь раньше как было, ходили красильщики по домам. Придут, спросят: «Хозяин, покрасить надо?» Согласится за сколько, то и выкрасят. А уж цветами или под разделку, это уж по моде. Хозяин молчит, а они сделают.

Бумагин мне рисовал пресницу (прялка). Была она с цветами розами. Пресницы были у всех разные. Бумагин у папы брал лошадь и ездил за краской куда-то. Он был уж стар, тяжело ему было банки носить. Был он среднего роста, борода у него круглая, окладистая. Одевался просто, по-городскому: ходил в сапогах, картузе».

Поселок Вохма. Клубукова Л.М.

«Раньше с тятей жила в починке Годовка. Домов там было мало, но в каждом было крашено. Помню, раньше говорили, что придет костромской мастер Бумагин, будет красить. Он у нас первых красил. Мне было лет 12. Был он человек пожилой. Красил у нас до германской войны. У него была вторая жена. Ее звал Федькой, а рассердится, так звал «Фетюк полевой» (говорил, она меня назлила). Краску брал из банок и привозил сам. Рисовал цветы в вазочках, лев был нарисован на входной двери. А у дядюшки в доме рядом и на горничной двери тоже лев был нарисован. На четырех лапах стоял, пасть закрыта, грива пышная, хвост крючком. Фон был желтый, цветы голубые, черным и сбела наложены.

Кому надо красить – так его звали и на лошади все возили. Жена ему помогала. Цветы делал быстро. У него на бумаге был рисунок, и он смотрит и срисовывает все до точки.

Кистей у него было много и, как сейчас помню, все разные. Он сначала выкрасит заборку, а потом по просохшему цветы рисует. Сохло у него быстро, ведь на своем, льняном масле краску разводил. Полы потом красил.

Вспоминаю, как однажды Бумагин приехал, а мы молочное ели, и он сказал тяте: «Хозяин, а ведь вы сегодня Ваньку постного съели». Наш тятюшка только ответил: «Не грех, что в уста, а грех, что из уст».

Бумагин на нашем починке две осени работал; в четырех домах красил. Это только у самых состоятельных. У нас красил с неделю. Мастер работал не по часам. Утром рано встанет, чайку попьет, позавтракает и за работу. Любил свежий хлеб с молоком. У нас пять коров было».

Деревня Гора. Арбузова Н.С., родом из Масленникова.

«В доме дедушки было расписано и надпись «красил мастер Бумагин» и даже дата, ее уж не помню. И у других во многих домах было нарисовано – разные цветы. Сейчас все старое заменяют, красят».

Самая ранняя дата росписи встретилась нам в Филатовском починке, в доме Скрябина А.А. Бумагин красил тут в 1899 году. Роспись яркая, по красному фону свободные, раскидистые букеты на турке, голбечной двери. По контрасту черный потолок из плах. Раньше изба топилась по-черному.

Последняя дата в деревне Богачи у Огаркова В.С. «Крашено в 1916 году мастер Димитрей Осиповъ Бумагинъ костромской губернии за работу получено 8 рублей серебром». Дом большой, пятистенок. В теплой избе расписан голбец, дверь в него, опечье, залавок, дверь в горницу. В холодной горнице двери, шкаф крашены под разделку.

Более 20 лет ходил художник по деревням. Добротной работой заслужил славу первого мастера, закрепив за собой территорию почти в два района.

Готовиться к его приезду начинали с осени. Ладили столярный снаряд избы: заборки, голбцы, опечек, залавки, шкафы, двери, киоты (божницы).

Каждый хозяин устраивал интерьер дома по своему разумению, сохраняя приверженность к традиционному членению пространства на зоны.

Напротив входа, в правом углу, был «красный угол» со столом, киотом. Слева от входа пол-избы занимала русская печь с просторной лежанкой, голбцем, лесенкой, которая была у самого порога. В северо-восточных районах Костромской области печи глинобитные, ставились на особый сруб-опечек, с лица (под челом) он оформлялся в виде шкафчика с дверцами, куда хозяйки убирали совки, ухваты, кочерги, чугунки. Справа от чела печи вдоль боковой стены пристенный шкаф-залавок со столешницей наверху: хозяйки ставили на нее отпаривать хлебы. На одном из таких расписных залавков в деревне Выставке была надпись-пожелание: «Стряпуха, пироги пеки, а краску береги».

Пространство кухни отделялось от чистой половины заборкой или шкафом-горкой. В просторных избах, кроме кухонной, устраивали еще одну заборку под полатным брусом. За ней стояла хозяйская кровать с горкой красиво убранных подушек.

В избах-шестистенках в стене, у чела печи была дверь в простенок, небольшое помещение, соединявшее зимнюю и летнюю избы. Основной вход в летнюю избу был из сеней.

В пределах этой традиции каждый хозяин сам или наняв столяра-профессионала мастерил снаряд (встроенную мебель), заборки, двери. Самостоятельно заборки набирали из теса «внахлест», а вязаные, с филенками, обычно заказывали столярам.

Масштаб росписи определялся широтой досок, размером филенок, высотой и освещенностью избы. Расположение на светлой или темной стороне улицы решало выбор цвета для фона росписи.

Бумагин был виртуозом импровизации, мог варьировать цветочные мотивы в соответствии с особенностями пространства, приводя декор разных предметов в единый ансамбль.

Цвет – стихия народного искусства. Яркая роспись, золотистая текстура бревенчатых стен, белизна полотенец, что украшали божницу, зеркало, нарядные, браные скатерти, сине-белая пестрядь сарафанов, рубах, праздничные алые шелковики, золотые шамшуры (6), узорные пояски составляли декоративный ансамбль, полный гармонии и радостной цветности.

В зимнюю пору, когда большую часть дня приходилось проводить дома, когда за окном белая круговерть метели, цвели, рдели, словно налитые всеми соками земли, крупные бумагинские розы. Верилось, что непременно отшумят метели, отойдут морозы, вновь зацветет, украсится земля.

Д. Бумагин не изменял своей любви к сказочно прекрасной розе. Сколько он их написал?! Из того, что мне привелось видеть, он ни разу не повторил ни сам цветок, ни орнаментальной композиции; при этом его почерк всегда узнаваем, как голос любимого артиста.

Росписи были не везде, а вот отдельные, чаще всего подарочные, памятные вещи с росписью находились в каждом хозяйстве. В деревне Питер нас поразил красотой свадебный сундук. Его хозяйка Огаркова А.И., по уличному прозванию Матросиха, долго не соглашалась передать его в музей. Купили мы ей два чемодана под все лежки (7), что скопились в сундуке. Не только сохранность росписи, подпись мастера, а прежде всего новизна орнаментального мотива, впервые встреченного нами, заставила проявить такую настойчивость, чтобы обеспечить долгую жизнь редкому творению мастера.

Центр композиции – цветок подсолнуха. Розы заняли место тюльпанов и стали сине-белыми. Рука художника уверенно и артистично разбросала вокруг стебля разные листочки, черные завитки-разживки. Чувствуется, что сам процесс письма доставлял мастеру удовольствие, он наслаждался лихо положенным, словно влитым мазком, определившим форму с одного взмаха кисти. Только настоящий мастер так виртуозно владеет материалом, инструментом, что он кажется продолжением руки.

Где только не находили мы искры бумагинского искусства! Проходя по деревне Бурковщине, у двора заметили огромную деревянную чарушу, вокруг которой суетились куры, цыплята. Под грязью разглядели расписной бачок и сквоз-

ную трещину, определившую судьбу праздничной посудины. Хозяев смутило то, что мы просим старую, расколотую вещь, и нам предложили посмотреть другой ковш, что стоял у них на чердаке с угольками. Его внесли в дом и... глаз невозможно было отвести от этого дива. Огромный гусь, гордо подняв голову, плыл нам навстречу. Грудка, бока были расписаны знакомыми розами и тюльпанами.

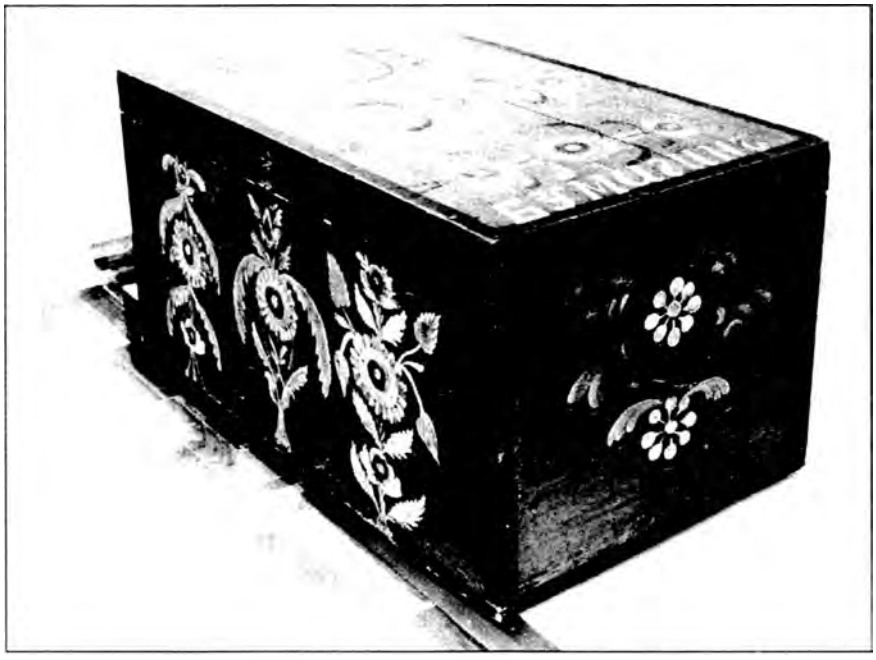
Теперь уже невозможно представить коллекцию костромского музея-заповедника без этой классики монументальных народных росписей.

В надписях Бумагин не случайно подчеркивает свое костромское происхождение: заходили в эти края вятские красильщики, тоже высокие профессионалы. Их работы отличались от бумагинских по стилю письма.

Судя по ошибкам в надписях, наш мастер свои «университеты» прошел в артели маляров-отходников. В 1912 году в 22 волостях Костромской губернии было 19088 хозяйств маляров, все в летний сезон уходили на заработки (8). В Питере маляры всей массой принадлежали Костромской губернии. В семьях маляров мальчишек рано начинали учить ремеслу, брали с собой в Питер учениками, потом подмастерьями они осваивали мастерство. Только познав все секреты, проявив талант и настойчивость в ученье, становились мастерами. Наиболее талантливым мастерам подрядчики поручали особо ответственные работы. «Раскраска потолков соответствующими тонами, писанье уголков, розеток, тяга филенок... Они работали во дворцах, в музеях, театрах. Нередко становились незаменимыми помощниками художников, живописцев, а иногда и самостоятельно выявляли свои творческие способности как уборщики, колористы, деревщики, и самородки художники, и живописцы». (9)

Именно из таких мастеров пополнялись кадры народных художников, мастеров домовой росписи. По старости, когда уже не по силам была артельная работа, шли они в одиночку на заработки по ближней округе или пускались в дальний отход в Архангельскую, Вологодскую губернии, за Урал, в Сибирь, на Алтай. Там на месте брали себе в помощники и ученики мальчишек, порой так и оставались жить на новом месте. Возможно, именно в Липовском починке осел доживать свой век Д.О.Бумагин.

То, что Бумагин одевался по-городскому, носил бороду и соблюдал посты, заставляет предположить, что действительно молодость его прошла в городе, на сезонной работе, а родом он скорее всего из Молвитина (теперь Сусанино). Это был центр, из которого шли во все края костромские красильщики, на Севере их называют молвитинскими мастерами. Село Молвитино и округа были в большей степени привержены к старообрядчеству. В этой среде хранили не только заветы старой веры, но и древнейшие символы, связанные с осмыслением окружающего мира: древо жизни связывалось с райским древом, птица на вершине говорила о его священности. (10)



Свадебный сундук. Мастер Д.О.Бумагин, д.Питер, нач. XX в.

Тогда бумагинские букеты расшифровываются так: роза – цвет чистоты, голубые цветы – семя кротости, листья – терпение, корень (ствол) – послушание.

Роспись на свадебном сундуке Огарковой А.И. есть пожелание чистоты, кротости, терпения и послушания, света и тепла в семейной жизни.

Примечания

1. В 1970-1980-е годы изучением костромских крестьянских росписей занимался отдел древнерусского и народного прикладного искусства. В экспедиции выезжали С.С. Каткова, С.Д. Масалева, Т.А. Галенкова, художник В.С. Катков. Образцы росписей, зарисовки хранятся в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике.

2. Каткова С.С. Народные монументальные росписи Костромской области. // Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала, Сибири. М.. 1985. С. 95-104.

Каткова С.С. Молвитинские мастера живописной росписи крестьянских изб. // «Костромская старина». № 13, 1999. С. 29-31.

3. Первую мировую войну 1914 года на селе называли германской.

4. Гряда, грядка – печной брус, конструктивно связанный с полатным.

5. «Под разделку» - окраска, имитирующая текстуру разных пород дерева.

6. Шелковик – круглый шелковый праздничный сарафан, шашмура – головной убор замужних женщин, обшивался позументом.

7. Лежки – одежда, ткани, уложенные на хранение.

8. Промысловые и кустарные районы Костромской губернии. Кострома. 1913.

Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии. Кострома. 1927.

9. Соловьев А.Н. Питерщики-галичане. Галич. 1923.

10. В старообрядческой среде было широко распространено сочинение «Лекарство духовное», наставлявшее, как еще при жизни с помощью добрых дел преодолеть грехи поведения, там же расшифровываются растительные символы.

«Я ВЕЧЕР МОЛОДА»

Вохомский хоровод

Я вечер молода
во пиру была,
Во пиру была младенька,
во беседушке.
Я не чай с медом пила,
хлеб-соль кушала,
Я пила ли молода
из полуведра,
Из полуведра-ведерка
через край до дна.
Я и то молода
не пьяна была,
Не пьяна была младенька,
нетверезовая.
Темным лесом шла –
не боялася,
Черной грязью шла –
не маралася,
Чистым полем шла –
не шаталася,
Ко двору пришла –
пошатилася,
За верейку-верею
спохватилася.
Судержи меня, верейка,
бабу пьяную,
Бабу пьяную,
шаль похмельную.
Не услышал бы
свекор-батюшка,
Не увидела бы
свекровка-матушка,
Не сказала бы
она своему сыну,
Своему сыну-сыночку,
моему мужу.
Еще мой-то муж,
горька пьяница,
Он и воду пьет –
с воды пьян живет,
Он и квас-от пьет –
с квасу шатится.
Надо мной, над молодой,
раскуражится.
Заставляет молоду
разувать,
Разболокать,
распоясывати.
У его же, у невежи,
ноги грязные,
У меня, у молодой,
руки белые,
На руках перстни
золоченые.
Деверюшко – мужу брат,
уведи-ко к мужу спать,
Уведи-ко к мужу спать
на тесовую кровать.
Кроватушка скрипнула,
плеть шелкова
свистнула,
Ала кровь пробрызнула,
Я, младенька, всплакала.

Записано со слов
К.А.ФРЕЙС 1924 г.р.,
с. Малое Раменье

БРАТЩИНЫ

До 1932 года братщины в деревнях Вохомского района устраивали на Масленицу, а в некоторых местах после молебна.

К Масленице все, кто будет гулять в братщине, складывались солодом. «В Масленицу и на зятевей сыпали», т. к. в определенный день молодожены приезжали в гости к родителям невесты.

Складывалась почти вся деревня, конечно, те, кто мог материально, «кто вступит в братщину, тот отмечает». «Бедняки-ти были раньше, дак ни на што вступать. Ведь надо-ка вступить, дак хлеб внести по 5 кг, или как. Надока кормить, тебе назначают – 2 хозяйства отведите стол – суп, каши, шаньги, яишницы, селянки. 2 человека весь день кормят. На другой день опять 2 человека. У бедняков не на што было шепериться».

«На братщину пивовары были нарошные. Они ходили по всем деревням варили. У богатых людей штаны были налажены. Бедный не купит, не сделает. У дедушки моего был куплен котел медный 60 ведер, его и возили по всему приходу». (М.Ф. Попова).

«Складываются примерно по 5 фунтов с человека солоду, насобирают, может, 10 пудов. Раньше самогонку-то не курили. Вина брать – дорого. А пива наварят, дак пейте». «В масленичную неделю в понедельник работали – кто сена навозит, кто дров навозит, чтобы хватило на всю неделю.

Со вторника с вечера начинали гулять. Баню истопят, в баню сходят, все снарядятся и пошли. Собирались у того, у кого 2 избы. Гуляли до воскресенья. В понедельник еще опохмеляться придут».

В братщинах, как и в других застольях, плясали, пели и играли. Играли в такие же игры, как и на игрищах.

Пели и длинные беседные песни. Мужчины пели «Ермака» и «С гитарой под полою».

Пели в Масленицу и такую песню:

Спородила меня мати,
спородя, невзлюбила.
Отдала меня мати
девяти годов замуж.
Не велела мне мати
9 лет побывати.
Через 3 стосковалась,
я домой собиралась.
Батько пир-от заводит.
Всю родню созывает,
а меня забывает.
Пойду, выйду младенька
Я во чистое поле,
во широко раздолье,
Попрошу я, младенька,
Я у ласточки перья,
у касаточки крылья,
У кокушки-горюшки
я тонка голосочка.

Закукую кукушкой,
загорюю горюшкой:
- Ку-ку-, ку-ку.
Полечу я, младенька,
на родную сторонку,
Прилечу я, младенька,
на родную сторонку,
Уж я сяду, младенька,
к воротам на верейку,
Закукую кукушкой,
загорюю горюшкой:
- Ку-ку, ку-ку.
Что старшой-от брат
ходит,
Он ружье в руках носит.
А второй-от брат ходит,
он ружье заряжает.
А третий-от брат ходит,
застрелить младу хочет.
А родная-то мати
по новым сеням ходит,
Она голосочком воет:
«Вы не бейте кукушку,
вы не бейте горюшку,
Это вам не кукушка,
это вам не горюшка,
А родная сестрица,
из-за горки девица».

В братщину были такие же игры, как и в других застольях. И веником парили, на лавку клали, и снаряжалися нищим и цыганкам. Цыганки ворожили.

Девок в братщины не брали. В Масленицу могли из одной братщины поехать в другую, в соседнюю деревню.

«Зятевья пару дней посидят в братщине и едут кататься на лошадях, посадив в корзинку двух девушек. Приезжали в другие деревни, останавливались там, где были знакомые в других братщинах. Им могли вынести пива».

«Еще в чистый понедельник дядя веников навяжет к дуге, посадит бабы две, как цыганок, и поедет в другую деревню в другую братщину» – «провожать Масленицу».

Летом, в назначенные дни, ежегодно в каждой деревне была мольба. Молилась на улице со священником вся деревня перед иконами, принесенными из церкви. В некоторых деревнях после мольбы также были братщины, игрища.

В колхозное время с 1932 года мольбы уже не было, церкви закрыли. Масленицу в складчину еще отмечали, но уже не всю неделю, а 2-3 дня.

После уборки урожая на 7 ноября были колхозные братщины. Были они и на 1 мая, и в некоторых колхозах на Новый год.

На всех членов колхоза и на подростков колхоз давал по сыпи (пай), из которой выходило пива ведра по 2 на человека. За подростков его выпивали взрослые. В колхозе им. Сталина, куда входили до войны деревни Масленниково, Мухино, Скородумово, Блиново, варили пиво к братщине из 25 пудов солода. (Из одного пуда получалось 5-6 ведер хорошего пива).

КАК ВАРИЛИ ПИВО НА БРАТЩИНУ

«Сыпь делают так. Рожь замачивают на двое суток. На примостке настилают соломы, постилаки, на них кладут намокшую рожь, слив воду через решето. Раскладывают толщиной до 10 см, сверху укрывали, чтобы она была теплая. Рожь прорастала примерно через двое суток. Потом ее сгребают в кучу, укрывают примерно на полсуток. Она еще посолодит. Потом ее развозят по печам, сушат, время от времени перемешивая. Мелют на мельнице как крупу, получается солод. Его перевешивают. Обычно на человека выходило по 2-3 фунта.

Солод раньше был у каждого. Если у кого-то не было, можно было занять у соседа, а потом столько же вернуть. Сухой солод мог храниться годами. Молотый меньше. Примерно через год в нем появляются червячки.

Пиво варили в поварне, в сарае или на улице. Собирали чаны деревянные, как кадки, на 12 пудов солода, медные котлы, ведер по 40. В котлах кипятят воду. Чаны пропаривают с вересом. В середине у чана дыра, ее затыкают штырем. На штырь одевают метлу из елки, потом валят солод, заливают кипятком почти полный чан. Накаливают докрасна чистые камни, привезенные с реки, называются пожог. Камни (пожог) опускают в чан, сначала на метлу, потом специальными вилами распределяют на кругу. Укрывают одеялами, тулупами, солод упревает, постепенно остывая до теплого. Солод становится плотной массой. Штырь потихоньку открывают и сусло сливают в корыто-лоханку. Лоханки деревянные, долбленые, большие.

Деревянным ковшом с ручкой, чтобы можно было повесить на край лоханки, вычерпывают пиво из лоханки и заливают в освободившиеся котлы. Туда добавляют хмель. Поддерживают огонь под котлами, чтобы еле кипело, и парят всю ночь. Остудят. Вычерпывают. Оставшиеся в чане дробины раздают по всем сыпям. Из них будут делать квас.

В освободившийся чан заливают из котлов, там охлаждают до теплого состояния. Температуру определяют, достав из чана хмель и поднеся его к губам. Если губы не жжет, тогда в чан заливают мастер.

Мастер делают из мела. Мел был у каждого. Для изготовления мастера сусло из чана наливают в посудину, ведра на 3, туда добавляют мела, может, бидончик, сахара, чтобы ходило.

Если мел хороший, мастер пойдет, может, через час. Когда он поднимется, его заливают в чан. Старшие заставляют присутствующих при этом детей петь и плясать, чтобы пиво было веселое. Говорили: «Как ребята пляшут, так и пиво пляши».

В чане пиво ходит сутки или больше, в зависимости от температуры в помещении. Когда выходится, осядет. Его сливают через решето в ведра, в лагуны пропаренные. Лагуны затыкают пробкой и составляют в подполье.

«Колхозное пиво ставили в конторе в подполье. Контора колхоза «Осоавиахим» была в полукаменном бывшем купеческом доме. Там было много места, поэтому в конторе гуляли всем колхозом. В колхоз «Осоавиахим» входило 5 деревень – Стучата, Прохирята, Россохи (Сенькино), Козловка, Вавилята. Иногда, бывало, бригады поделятся солодом и гуляют по отдельности. Деревня Россоха всегда хотела с нашими гулять, там были не очень порядочные жители».

В других колхозах, если не было большой конторы, гуляли в большой избе. В колхозе им. Сталина гуляли «по месту жительства». На Блинове, на Мухине по 1 братщине, а на Масленникове гуляли в 2-х избах: вся деревня в одну не помещалась. В одной из этих братщин гулял и председатель с женой, по месту жительства, но обязательно объезжал всех своих колхозников, смотрел, как гуляют. Гуляли в братщине 3-4 дня. Колхоз давал мяса, масла, муки. Из всего этого приготовляли закуски в печи: картошку с мясом, суп мясной. Из колхозной муки стряпали мяконькие пшеничные или пироги простые, сверху помазанные овсяной крупой на сметане, пироги рыбники. На октябрьские гулять начинали с 6-го, продолжали 7, 8, 9-го: до обеда сходят на работу и опять продолжают, пока все пиво не выпьют. Хранить его нельзя, оно испортится, жалко. Водки в братщине могло не быть. В некоторых местах ее приносили сами. Когда пойдут на братщину – муж с женой возьмут бутылочку. Одинокая женщина – чекушку. И эту водку растягивают на весь праздник, на несколько дней. Приносили и закуски – грибы, ягоды и другие. На Масленицу тоже была братщина, но колхоз продуктов не давал, складывались сами».

«В 1973 году гуляли братщину в д. Рай в доме Поповой Александры». В больших блюдах, как тазы, на столы расставляли суп из чугунов, холодец, капусту. Хлеба напекут и раскладывали по краям столов».

«Столы ставили и буквой «Г», и буквой «П», стола 4. Свои 2 да у соседей 2 возьмут. Для сиденья ставили табуретки, на них плахи и покрывали красивыми половиками. Для наблюдения и направления гуляния колхозниками выбиралась комиссия. Комиссия следила, чтобы подавались закуски, ходили с ведрами в подвал за пивом.

Начинало братщину выступление члена правления колхоза. Он коротко расскажет об успехах и недоделках, сколько получили прибыли, предложит выпить за успехи. Вначале все выпьют пива, закусят. «Роль тамады» брала на себя какая-нибудь женщина из комиссии. Она предлагала выпить или выйти из-за стола, поплясать. «За вечер выпьют по 1-2 стопочки водки. Комиссия следила, чтобы водку выпили не на раз, а хватило на несколько дней.

За вечер женщина выпьет один-два литра, мужчина около трех литров пива. А кто и полведра на раз выпьет. У нас был силач Журавлев, 148 кг весом и даже на соревнования по борьбе ездил. Выпивал 8-литровую ендову пива на раз и еще, говорит, выпью 6 бутылок водки». Пока гуляли братщину, доярки 3 раза в день ходили управляться на ферму. Потом опять придут. Плясали в основном русского, Семеновну».

Записано В.В. ЧИЧЕРИНОЙ
в 2001 г. у М.Ф. Поповой,
1908 г. рождения, д.Марково.
Л.А. Арбузова,
1933 г. р., д. Масленниково.
Г.А. Холмовой, 1930 г. р.,
д.Стучата. Н.В. Гуровой,
1951 г. р., д. Иванково.
А.В. Омелехиной, 1914 г. р.,
д. Яросята

«Как у наших у ворот»

Летние игрища в Вохме

В начале XX века в течение календарного года для девушек и парней было много случаев, чтобы познакомиться, присмотреться друг к другу, в игре побывать в новой для себя роли – мужа и жены. И хотя браки заключались по решению родителей, переход к новому статусу семейного человека для парня или девушки происходил постепенно, а не только на свадьбе. И сама свадьба была также игрой, имеющей тот же смысл.

В летние христианские праздники с утра ходили в церковь. После обеда были игрища в определенных деревнях. В Заветлужском крае в близлежащих деревнях игрища были почти в каждый праздник: «В Николин день игрище было на Юдине, на другой день – на Маркове. Между Троицей и Вознесеньем – Кровавое воскресенье. Игрище было у лазарят. В Заговинье – в Каширово. В Петров день не ходили на игрище. Тихонов день – игрище в Заветлужье, Ильин день – на Карелах, Спасов день – на Юдине. Серьгов день – 25 сентября по ст. ст. – престольный праздник и игрище в Каширове, Покров – в Заветлужье».

В Никольском приходе летние игрища проходили: после обеда в Николин день -в д. Плоской, на другой день – на Сенькине. Заговинье – в Загатино, Боголюбимая – в Зубакино. В Вознесенье после службы и базара играли игрище на Пустошке, на Сурнакове, у Коржонков. В Троицын день – на Соседкове, в Духов день – на Политове. В Тихвинскую – на Хмелевке.

«Молодежь Троицкого прихода в Троицын день ходила на игрище на Масленниково, в Духов день – на Гробовщину, в Заговинье – на Симоново.

В Веденьевском приходе 9-ю пятницу гуляли 3 дня. В первый день после того, как сходили в церковь и на кладбище, после обеда гуляли на Губихе. Субботу и воскресенье гуляли на Мокроносове.

В деревнях Луптюгского прихода отмечали Троицу, Заговинье, Богородщину, Фролов день.

В Воскресенском приходе (Согра) праздников было мало, село небольшое, икон в церкви мало. В Троицу игрище было у яросят, то у Бамбетова, то у Голят – в какой год какие девки переборют. В Духов день – все у конышат. В Заговинье – все на Козловке.

К дню игрища почти в каждом доме в деревне варили пиво, к обеду накрывали праздничный стол».

«Пришел праздник, сходились молиться, пообедают и пойдут на игрище». На игрище встречались девки, парни и молодые женщины и мужчины, у которых еще детей нет. А бабы в своей деревне яйца катали. «Маленькие девочки ходили на игрища годов с восьми за большими девками. Там бегали, играли».

В начале века существовал строгий порядок очередности хороводов на игрище, сейчас весь его уже не помнят.

«К нам на игрища идут со всего прихода – одна дорога. Свои девки, деревенские встречают ..жильских-то девок. Девки девок встречали и пели песню:

Выходили красные девушки
Из ворот гулять на улицу,
Выносили красные девушки
Соловеюшка на белых
на руках.
Соловеюшка рассвишшотся,
Да красные девушки
разыграются,
Молодицы-ти распляшутся,
Средних лет бабы
растужатся,
Еще старые старухи
расплачутся.
Уж ты воля, воля,
воля дивицья,
Не на веки воля доставалася,
Не равно, да взамуж
выйдется,
Не ровен да черт
достанется.

Девки девок ведут в деревню. У кого игрище, те девки его и ведут». «В хоровод сна-

чала встают свои девки деревенские, кто знает, дак встает». Деревенские девушки вызывали в хоровод девушек из других деревень, т. к. их было мало. «Девки придут на игрище и не встают в круг, их вытаскивают, припевают:

В хороводе да людей мало,
Да веселиться не с кем стало.
Ох, братцы, мало нас,
Сударыньи, спомало.

Ты, Клавдиюшка,
пойди к нам,
Свет Ивановна,
приступись.
Ох, братцы, мало нас,
Сударыньи, спомало.
(Она выходит)

Ты, Татьяна, пойди к нам,
Да свет-Петровна,
приступись.
Ох, братцы, мало нас,
Сударыньи, спомало.
(Она выходит)

До паужны исполнялось 7 хороводов. Первым исполняли «Разметем лужок».

«РАЗМЕТЕМ ЛУЖОК»

«Разметем лужок да заведем кружок, дак ай ле ай ле лю, да заведем кружок» - этот повтор после каждой строчки.

* * *

Разметем лужок
мы зелененькой,
Да заведем кружок
мы веселенькой.
Мы кружком, кружком
да со милым дружком,
Со милым дружком
да со Иванушком.
Я возьму дружка
да за белы руки,
Уведу дружка я
в нову горницу,
Посажу дружка я
на кленовый стул,
На кленовый стул
да за дубовый стол.
Постелю дружку я
брану скатерьку,
Принесу дружку
да кленову ложку,
Хлеба белого
да гуся серого.
Подойду к столу
сама близешенько,
Поклонюсь дружку
сама низешенько:
- Хлеб да соль тебе,
да мила душечка.
Научи, милой,
да как домой прийти.
- Поди, умница,
поди, разумница,
Вдоль по улице
да серой утицей,
Вдоль по широкой
да перепелицей,
Под воротинку
двойным воробьишком,
Частой лисенкой
да горностаюшком,
Во высок терем
да молодицею.
- Мой немилой муж
да за столом сидит,
За столом сидит
да хлеб-соль трескает,
Хлеб-соль трескает
да гуся лопает.
Шелковая плеть
да на гвозде висит..
Мой немилой муж
да подымается,
За шелкову плеть
да принимается.
Шелковая плеть
да поназвизнула,
Она звизнула,
жена провизнула.
Некому будет
да возмолитися.
Возмолюся я
да свекру-батюшке:
«Свекор-батюшко,
да отойми меня,
Отойми меня
да от лиха мужа,
От лиха мужа
да от постылого».
Некому будет
да возмолитися,
Возмолюся я
свекровке-матушке:
«Свекровка-матушка,
ты отойми меня,
Отойми меня
да от лиха мужа,
От лиха мужа
да от постылого».
Свекровка-матушка
велит пуще бить,
Велит пуще бить,
велит кровь пролить.
Некому будет
да возмолитися,
Возмолюся я
да ладе милому:
«Лада милая,
да ты прости меня,
Ты прости меня
да виноватую,
Виноватую
да все неправую».

«Девушки ходят кругом, с ними кавалер один с гармонью».

Первые хороводы водят одни девушки, показывают

себя. Парни присматриваются. Дальше по словам М.Ф. Поповой порядок хороводов мог быть таким:

«Шел я, добрый молодец», «Как с по морю», «У ворот было, воротицу», «При ти лесику да лесу темного», «Уж ты сад ли мой, садочек», «Ходил, гулял казаченце».

В 30-е годы девушки исполняли хороводные песни уже не по порядку, а «по гармошке», т. е. что играет гармонист. Было около 20 хороводных песен, все их за игрище исполнить не успевали.

«У ВОРОТ БЫЛО, ВОРОТИЦУ»

У ворот было, воротицу,
У купеческих отеческих,
Тут стояла новая горенка.
Возле камешка
быстра речка течет,
Вдоль по речушке
лебедушка плывет.
Вдоль по бережку
Васильюшко идет,
Вдоль по крутому
удалая голова.
Увидала тут Наталья
из окна,
Из того окна,
немецкого стекла,
Она кликала Васильюшка,
звала:
- Ты, Васильюшко, сюда,
сюда, сюда,
Ты сюда, сюда,
удалая голова.
У меня про тебя
пиво сварено,
Зелено вино
двойное курено,
Сладкая водочка анисовая,
Красная девица
расписанная,
Расписана, разрисована.
Тут Васильюшко осмелился,
зашел,
Трою, двою сам
по горенке прошел,
Он в четвертые
по середине;
Он Наталюшку
в домике не нашел,
Сам заплакал
да из домику пошел.

«После паужны, захмелевшие, снова выходят на улицу. Тогда девки поют плясовые песни. Во время их исполнения делают воротцы и приплясывают».

«КАК У НАШИХ У ВОРОТ»

Как у наших у ворот, (2 р.)
у ворот, (4 р.)
Там построен Калин мост, (2 р.)
Калин мост. (4 р.)
Весь гвоздями испробит,
Весь досками изослан.
Тамо девки гуляли,
Молодицы плясали.
Одна девка гуллива,
Молодица пляслива.
Прогуляла весь денек,
Весь денечек до зари.
Как зорюшка занялась,
Баба к дому собралась.
Она подходит ко двору,
Свекор ходит по мосту.
- Свекорушко, батюшко,
Уведи ко к мужу спать
На тесовую кровать.
Если муж-от будет бить,
отойми, отойми.
Если муж-от будет пить,
отойди, отойди.

(Повторы как в первых двух строках).

В большие праздники на игрища одевались в шелковики и в ситцевое.

«В Ильин день и Спасов день молиться сходят и дома играют. В горох ходили в свое поле, на реку. Там поют и пляшут».

«Серьгов день – престольный праздник в Каширове. В Серьгов день игрище было в Липовее. Сходились и Вохма, и Заветлужье, и Нея». Последнее игрище на улице было 1 октября (по ст. ст.) в Покров. «В Покров ходили в Заветлужье».

На летних игрищах молодежь играла в игры: «Задний наперед» или «Огарыш», «Прошибки», «Ручеек», «Серая утица» и другие.

Игра «Задний наперед». Встаёт много пар – одна за другой, держась за руки. Один человек – «огарыш» – стоит впереди без пары. Все пары стоят к нему лицом. Он кричит: «Задний наперед!». Последняя пара с 2-х сторон от играющих бежит вперед и становится первой. «Огарыш» должен поймать кого-нибудь из пары. Если поймает – становится в пару. А не успеет – пара «схватится впереди, тогда тот же опять стоит ухает».

«Прошибки». Вставали друг напротив друга ряд девок и ряд парней, держась за руки. Обе линии одновременно бегут навстречу друг другу. Они должны поменяться местами, для этого нужно было разорвать линию в том месте, где стоял понравив-

шийся парень или девка, и забрать его (ее) к себе.

«В конце игры все стоят, взявшись за руки парочками. Потом все пойдут на кадриль. Раньше кадриль называлась пляска. Там четко определены фигуры и количество участников – двоечка, четвера, пятера, восьмера, сударочка, бараночка, метелица, ветлугай». (Н.К.Холмова).

В 30-е годы порядок круговых песен нарушился, их стали петь меньше. Кто что хотел, то и пели, и плясали.

В 40-е – 50-е годы игрища были очень многолюдны. В каждом доме в деревне к игрищу было сварено 8-9 литров пива, в праздничный день к обеду накрывали стол. К вечеру приедут родственники – посидят за столом, насидятся и выходят на улицу. Где днем, а где «часам к 5-ти в деревню из Вохмы и деревень подходит народ». Парни и девушки с гармошками. Все шли радостные. Народу было так много, что «вся деревня запрется». Молодежь ходила вдоль деревни с песнями. «Сначала в одну сторону до конца деревни, потом в другую. Кое-где останавливаются и пляшут кружками». Гармонистов, может, человек 10 играют, сменяя друг друга. Вокруг них пляшут и поют частушки и старинные песни. «Бабы, старухи ходят, смотрят, где лучше пляшут». Были частушки, с которых начинали, а потом перепевались.

«Извините кавалеры,
не спросила начала,
Если в круге ваша девушка,
попела бы она...»

Гармониста попросит какая-нибудь девушка поиграть «Цыганочку», она выходит и пляшет:

Цыганка раз, цыганка два,
цыганка 3, 4, 5,
Разрешите здешним девушкам
цыганочку сплясать.

Я цыганочку не плясывала,
девочки, давно,
А сегодня разрешила,
знаете из-за кого.

Цыганочку, Семеновну больше девки плясали, а Барыню больше парни. Барыню сильно дробили». Частушки пели больше под «русского».

«Вохомская плясовая». В круг друг против друга вставали парни и девки. Первую песню (частушку) поют парни, вторую девки. Все приплясывают, двигаясь по кругу до места, где стояли. Когда дошли до своего места, парень выходит в круг, вызывая девушку в пляс. Они делают круг и встают на свое место. За ними выходит в пляс рядом стоящий парень с девушкой, стоящей напротив него. Пляска продолжается так, пока не перепляшут все пары, остальные стоят и переплясываются. Потом все повторяется сначала.

В частушках выражали свои скрытые мысли и желания:

Пойдем, залеточка, плясать,
ставай насупротив меня:
Я спою, ты отпоешь,
тогда узнаю, как живешь.

«В частушках ты все свое горе высказываешь – в песне правда, в сказке – ложь» (поговорка).

Раньше плохих песен не пели. Девки первую песню споют:

Раскрасивые ребята,
просим не ругаться,
Плохих песенок не петь,
можем так проняться.

Парни поют:

Вы не думайте, девчонки,
с выраженьем не спою.
Я на этом на гулянье,
могот, девочку люблю.

«Уж какая девка начинает петь, а кавалер ей напевает. Мы так напоем, дак только бы сись да уехать».

Как у нового крылечека
сосчитаю лесенки,
Хорошо бы так слюбиться,
как поются песенки.

«Ребята у нас были чистые, не матерились, уважали девчонок».

В 40-е – 50-е годы, когда жен для себя стали выбирать парни, а не родители, частушки изменились.

Девичьи частушки 40-50-е гг.:

Я веселая девчонка
в веселый день родилася,
Я с веселым мальчиком
гулять уговорилася.

Невеселая, печальная
сижу на стулике.
Сердце ноет и болит,
страдаю о мазурике.

Некрасивая и маленькая –
миленький сказал,
Некрасивую да маленьку
нашто и завлекал.

Некрасива на лицо,
весела на гуляньицо.
Дорогой, на красоту
не обращай вниманьицо.

Говорил мне ухажоричок
неверные слова.
Говори теперь верные,
а то не верю я.

Рубашка белая в полоску
замалинила меня,
А вторая, голубая,
скоро высушит меня…

«Частушки пели без матов, особенно девки молодые. Только если на игрищах разругаются из-за парней, встанут одна против другой и поют матюшные».

«В Троицу на игрище однажды убили парня Ивана от Конышат, убил Леня, за то, что тот проводил его девушку. Одна колхозница сложила про этот случай «Семеновну». Мать Вани каждый раз на игрище умоляла спеть эту «Семеновну», но каждый раз при этом ей становилось плохо, и с ней отваживались».

Многие «Семеновны» и песни были сложены про трагические случаи, которые произошли на самом деле.

* * *

Семеновна да начинается,
А играчок сидит
да улыбается.
А ты гора, гора,
гора высокая,
А на горе сидят 4 сокола.
Четыре сокола, а я пятая.
Ах, любовь моя
да распроклятая…

Во время игрищ можно было заходить в дома не только к своим знакомым, но и к незнакомым. Всех угощали.

Во время игрищ старушки в деревне зарабатывали продажей сваренного ими пива. «Варили его корчажками по 1,5 ведра, продавали по 3 рубля кружечка. Девчонкам одной кружечки хватало, а парни покупали по 2-4. В 50-е годы девчонки на игрище были одеты в платья, кофты и жакеты, а парни в костюм и белую рубашку без галстука. Разве отпускник какой выйдет в галстуке».

«Девушки шли на игрище с узелками – в узелке смена одежды. Хотя приходили в нарядной одежде, но еще меняли свои наряды». Почти каждый парень шел на гулянье с тросточкой из липы. Для изготовления тросточки с ветки липы кору срезали узорами. Затем подкоптят на костре, снимут остальную кору, и тросточка получалась красивая, с узорами. Тросточку несли с собой для красоты и, если случалось, использовали в драке. Но тросточки были мягкие, не очень опасные. Поводом для драки у парней могла быть девка или другая обида. Бывало, задерутся, забегают быстро, сначала тросточками, потом колья из огорода начнут выдергивать. Драка получалась «много на много».

Про это есть частушка:

Давайте, партия на партию,
Которая возьмет.
Наша партия сильнее,
Вашу партию побьет.

Драки бывали, но убивали редко.

Маленькие девочки ходили на долонь между овинами, там учились плясать. На гармони им играл мальчик. «Так и научивались».

Гуляли на игрищах до утра.

Записано В.В. ЧИЧЕРИНОЙ
в 2001 г. у М.Ф. Поповой,
1908 г. р. деревня Марково.
А.В. Омелехиной, 1914 г. р.,
д. Яросята. Л.А. Арбузова,
1933 г. р., д. Масленниково.
Е.В. Швецовой, 1931 г. р.,
д. Голята. А.М. Шадриной,
1926 г. р., д. Поморовка.
Н.К. Холмовой, 1951 г. р.,
К.С. Бурковой, 1924 г. р.,
д. Дароватка.
Л.М. Чичериной, 1930 г. р.,
д. Пономарево
Октябрьского р-на

«Гостите, девушки, у нас...»

Зимние игрища и беседки 20-х – 30-х гг. XX в.

«После Покрова зимние игрища делают, только в избе».

«После Покрова будет Веденьев день, тут Никола зимний, тут Святки – Новый год, да Рождество, да Крещенье – все игровые праздники, по вечерам играли, игрище делали девки да парни». В Сгорском с/с играли в Анастасиин день – 11 ноября».

«Взвиженье тоже в избе играли. При колхозах играли ноябрьские праздники. В декабре игрищ не было, только беседки были с пресницами. В январе играли в Рождество, на другой день, в воскресенье, на Новый год, в Новый год, в Крещенье. После Святок до Масленицы игрищ не было, только беседки». «Молодежь в Масленицу не собиралась в домах, на горах каталась, а в пятницу, субботу и воскресенье на лошадях». В Великий пост игрищ не было.

«В Пасху – на улице козла, а тут уж тепло будет».

Молодежь для игрищ откупала избу.

«У нас мужик один жил... у него изба была большущая. Ему платили девки по гривенничку, ребята - по 15 копеек, а кто пирожок, кто мяконичок... Человек с полсотни придет. Стол отодвинут, лавки кругом были. Все усаживались, некуда, дак на колени садились друг к другу».

Мужики женатые некоторые тоже приходили на игрище, а бабы не ходили. «Бабы приходили, только постоят в куте, посмотрят на девочек, дак опять ребята-то споют песню им:

Начинают конопатить
первой угол от дверей
На гулянье бабы ходят,
караулят дочерей.

В 30-е годы пели и плясали «и метелицу, и розочку алую, и растяку, и восьмеру, шестеру, вдвоем. Зимой мало кругом плясали, до нас-то, может, пели и круговые». «Песни по гармонеке пели». «Чаще всего парни с девушками перепеваются».

На зимних игрищах исполняли круговую песню «Вдоль было по травушке». Все девушки вставали кругом, а в середине круга стоят 3-5 парней. Девки ходят, держась за руки, вокруг парней и поют.

Вдоль было по травушке,
Вдоль и по муравке
Ходили, гуляли
удалы молодцы.
Кличут, воскликают
красную девицу:
- Пойди, выйди, девица,
за ворота,
Пойди, выйди, красная,
за новые.
Скоро, скоро девицы
выходили,
Доброму молодцу
речи говорили.

(Тут все девки останавливаются. Несколько девок получше, почище подходят к парням. Сколько парней, столько и девок к ним подходит. Кланяются им и делают то, что поют девки).

Я тебя, молодец,
избесчешшу,
Пуховую шляпицу
с кудерь сброшу,
Я у тя кудеречки заломаю,
Частые пуговки
расстегаю,
Сафьянные чоботцы
обмораю.

(Сбрасывают шляпу, разлохматят рукой волосы, расстегнут пуговицы на рубашке и встанут обратно в круг, схватятся и опять ходят в кругу).

Скоро, скоро девицы
уходили,
Лёли, Лели, лёлюшки,
уходили.
Вдоль было по травушке,
вдоль и с по муравке.
Ходили, гуляли удалы
молодцы.
Кличут, воскликают
красную девицу.
Пойди, выйди, девица,
за ворота,
Пойди, выйди, красная,
за новые.

Скоро, скоро девицы
выходили,
Доброму молодцу
речи говорили:
- Прости, прости, молодец,
виновата,
Я тебя, молодец,
не узнала.
Я у тя кудеречки
призаглажу,
Пуховую шляпицу
на кудри надену,
Лели, Лели, лелюшки,
на кудри надену,
Частые пуговки застегаю,
Сафьянные чоботцы
очищаю.

(Девки опять останавливаются, выходят к парням те же девки, пригладят им рукой волосы, оденут шляпы, застегнут пуговицы, носовым платком почистят обувь).

Это круговая песня. Ее хоть сколько можно петь».

«Метелицу плясали – парами вставали. 9 колен надо проиграть – и руку переломить, и... В это время пели песню. Восьмера подхожа к метелице».

Очень любили игровой хоровод «Розочка алая».

«Кричат: «Колька, давай тебя женить!»

Парни и девушки становятся в круг. В середине становится парень, которого женят. Остальные ходят по кругу, держась за руки. Все поют.

«Хожу ль я, гуляю
вдоль по хороводу.
Розочка алая.
Ищу, выбираю,
дорогую сватью.
Розочка алая.

(Парень ходит внутри круга и выбирает. Тому, кто ему понравится, он предлагает руку и берет к себе в круг. Выбирает «сватью», «свата», «тестя», «тещу» и т.д. и, наконец, «невесту»).

Так за вечер могут поиграть несколько раз.

«РАСТЯПА»

«Игрок играет, все стоят, поют частушки, ходят кругом, приплясывают. Одного парня выберут. Он стоит в середине без пары. Как игрок перестал играть, все хватают себе пары. Один схватить пару не успеет. Говорят: «Раз, два, три – растяпа ты». Раньше молча не стояли, пели и плясали».

«ИГУМЕН»

В «Игумена» играли и на зимних игрищах, и годов 15-ти. Один человек выходит за дверь, один стоит у дверей, держась за ручку двери. Остальные ходят кругом и хором поют:

Чу, игумен идет,
чу, веденин идет.
Мы без игумена-попа,
без веденина сына,
Мы наскачемся,
мы наплящемся.
Не велел нам игумен
ни плясать, ни скакать,
Только велел нам игумен
в черной келье сидеть
Да черно платье носить.
Как у нашего старца щи,
да горох, да гороховица.
Почем, отче, медок?
По три денежки глоток.
Далеко ли игуменок?

Тот, кто стоит у дверей, говорит, например: «В Вохме». Опять поют то же и опять спрашивают:

- Далеко ли игуменок?

- Идет к деревне.

Опять поют то же и спрашивают:

- Далеко ли игуменок?

- Он уже на мосту, открывает двери.

Все быстрее садятся на лавку. Он придет, заругается. Ему помахаться бы охота. Бушует в шутку, замахивается на всех, толкает.

Игра окончена, можно выбирать другого игумена и снова играть.

В зимние игрища ходили по столбику – «Столбик зажигали».

Парень или девка садится за печкой и говорит водящему, кого ему (ей) надо. Водящий передает. Девка идет к парню. Они поцелуются. Посидят, если нравятся друг другу, а если не нравятся, парень уходит и вызывает другого парня, кого заказала девка, и т. д.

«ВОПИЛИ НОМЕРКИ»

Девушки сидят на коленях у парней. «Если парней не хватает, то девка у девки на коленях сидит. Один без пары. Каждый загадывает себе номер. Водящий спрашивает у того, у кого нет пары: «Какой тебе номер надо?» Выкрикивает: «Номер такой-то!» Девушка бежит к парню, а тот парень, у которого она сидела, ее не отпускает. Пока она бежит, ведущий ремнем старается хлопнуть ее по мягкому месту. Опять выкрикивает номер».

«О святках на игрищах было много шуток, игр, переодевания».

«Убежишь с игрища домой, свое же худое чего-нибудь наложишь и придешь. Если в цыганку наряжались, то цыганка ворожила. «Здорово живетё, давайте всем погадаю». Наряжались медведем, «шубы выворотят, прискажут чего».

«Парень снарядится гусем. Нарядится в полог, шею сделает, шило воткнет. Вот шилом девок-то и тычут. На какую девку осердятся, так утычут».

«Переодевались парни в рыбака. Рыбу ловили лаптем. Девку какую-нибудь вытащат: «она рыбу украла».

Девок «парили» березовым веником.

«БЕСЕДКИ»

«Беседки». Не в праздничные дни в Святки девки пряли в какой-нибудь избе». С Михайлова дня начинали прясть. Раньше говорили: «До Заговинья мот не напряжешь, нога отпадет. А Заговинье на Филиппов пост».

В декабре игрищ не было, только беседки были с пресницами. «Мы с пресницами ходили по очереди по всем, у кого девочки есть». «Пряли по будним дням. Мама кудели много велит опресть. Когда в валенки напихаю, когда сожгу».

Девушки на беседках пели песни, выговорки выговаривали, загадки загадывали...

«Мы на беседках первую песню пели «Зачем ты, безумная, губишь» - свадебную.

Одна старая беседная песня:

«Из-под билья вижу лен,
лен кудрявой, зеленой».
- Научи-ко меня, мать,
как земелюшку пахать.
- Эдак, душка, эдак, душка,
эдак, милая дочушка.

(Показывает руками, как пахать).

Из-под билья вижу лен,
лен кудрявой, зеленой.
- Научи меня, мать,
как земельку боронить.
- Эдак, душка, эдак, душка,
эдак, милая дочушка.

(Дальше повторяются эти строчки, только вторая часть второй строки меняется).

Как ленок сеять, как ленок теребить, как ленок колотить, как ленок стлать, снимать, мять, трепать, прясть, как кудельку делать, как ленок мотать, сновать, как полотно ткать.

(И все показывают руками).

На беседки к девкам приходили парни с гармонью, садились в середки.

«Ребятам охота поплясать, а отца стеснялись».

Спрашивают: «Настя, можно поплясать?» - «Я не знаю, надо спрашивать отца». - «А где он?» - «Вроде на полатях».

Придут: «Василий Федорович, можно поплясать?» - «Пожалуйста». Ребята пряницы отбирают, уносят на середь. Плясали».

В Рождественский пост приезжали гости – двоюродные, троюродные сестренки. Гостили недели по 2, по 3 с Филиппова говинья до Масленицы. Ходили на игрища и на беседки. В гости ездили, песни пели про гостьбу:

К зиме милого не надо,
будет холодно ходить.
По гостям я буду ездить,
буду тамошних любить.

Про гостьев пели:

Гостите, гостюшки, у нас,
гостите, унижайтеся,
С нашими ребятами гулять
не занимайтеся.

Гостите, девушки, у нас,
не несите гнев на нас,
Это дело не от нас,
что кавалеров нет у нас.

Будет, гостья, нагостилась,
поезжай, гостья, домой.
Гостя милого отбила,
повези его с собой.

Подготовлено
В.В. ЧИЧЕРИНОЙ
По воспоминаниям
А.В. Омелехиной 1914 г. р.,
д. Яросята. М.Ф. Поповой
1908 г. р., д. Марково.
А.Л. Зайцевой 1910 г. р.,
д. Угольное. М.А. Кобелевой
1919 г. р., д. Плоская.
Г.И. Дьячковой 1934 г. р.,
д. Баляково
Октябрьского р-на.
Запись 2001 г.

РОДНИКИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вохомская земля богата талантами, глубоки ее исторические и культурные корни.

Практика работы учреждений культуры района показывает, что наиболее любимыми у населения формами работы являются те, что произрастают из культуры и быта села.

Сорок лет назад без старинных песен и хороводов деревенского праздника невозможно было представить. И уже тогда работники культуры обратили внимание на свое, местное песенное и танцевальное творчество. Знаменитый фольклорный коллектив «Вохомские узоры» стал первым коллективом, давшим вторую жизнь старинным хороводам и пляскам. У его истоков стояли Полина Яковлевна Орлова, Инна Николаевна Басова, Надежда Герасимова.

В настоящее время богатый материал, записанный работниками культуры в селах и деревнях в ходе областного фестиваля «Дорогами народных традиций», определил характер всех проводимых мероприятий по возрождению традиционного народного творчества вохомского края. Сохранить культурное наследие, богатство и разнообразие старинной песни и пляски, народной кухни, народного костюма, приобщить детей и молодежь к обычаям и традициям, бытовавшим в нашей местности, - такие задачи ставят перед собой работники культуры района.

Полюбились вохомскому зрителю ставшие уже традиционными старинные праздники: Троица в с. Троица, Вознесенье в с. Вохма, Тихонов день в с. Тихон, Покров в с. Покров и т. д. Такие гуляния собирают большое количество народа, приглашаются лучшие фольклорные коллективы из других сел, гармонисты, сменяя друг друга, соревнуются в мастерстве, плясуны и частушечницы изощряются в своем искусстве, привлекает торговая ярмарка, продажа изделий мастеров, старинные спортивные состязания. К таким праздникам готовятся заранее не только работники культуры, но и все жители: благоустраивают кладбища, пекут пироги, варят пиво.

Стало традицией в селах и деревнях праздновать Масленицу. В последний день масленичной недели народные гуляния проходят в п. Вохма, Талице, Заветлужье, Спасе, Лажборовице, Петрецове. Костры, сжигание чучела, частушки и веселый перепляс под гармошку, катание на лошадях привлекают детей и взрослых.

Любят частушку и гармошку в вохомских селах. Ежегодно собираются в районном центре досуга на частушечный марафон «В гостях у Семеновны» сельские артисты. Частушечницы из хора ветеранов РЦД - Любовь Васильевна Яблокова, Клавдия Власовна Аверкиева, Валентина Васильевна Козлова - стали лауреатами областных фестивалей «Ах, это чудо-гармошка», «Играй, костромская гармонь».

Много творчества и фантазии вносят работники библиотек, клубов и домов культуры в подготовку и проведение посиделок, обрядовых вечеров, святочных гаданий. Проводятся они повсеместно, с пением подблюдных песен, старинными играми.

Возрождением традиционной песенной и танцевальной культуры Вохомского края занимаются 5 фольклорных коллективов. Детский коллектив «Светлица», где руководителями Екатерина Петровна Дворецкая и Василий Сергеевич Дворецкий, отличается самобытностью, радует зрителей семейно-родственный коллектив из Талицкого ДК (руководитель Ольга Александровна Топоркова), а фольклорный коллектив из Заветлужья, состоящий из бабушек, завораживает своей манерой исполнения хороводов, плясок, старинных песен.

Есть еще в селах и деревнях интересные исполнители, знатоки фольклора, передающие многообразие жанров традиционного народного творчества. Это Мария Федо-

ровна Попова из д. Марково, Анастасия Васильевна Омелехина из с. Согра, Олимпиада Ивановна Клобукова и Любовь Егоровна Голубцова из д. Латышово, Лидия Филаретовна Кубасова и Зинаида Егоровна Басалаева из д. Черепаново, Клавдия Ивановна Баданина из с. Заветлужье, Петр Изосимович Разумов из п. Малораменье и многие другие. Они, как жемчужины из ожерелья вохомского фольклора, рассыпаны по всему району.

Но такие люди постепенно уходят из жизни. Нет с нами изумительной плясуньи Галины Акимовны Холмовой, певуньи Анны Степановны Кузнецовой из д. Черепаново. Но если дети детского сада № 2 поют «Чижика», учащиеся фольклорного отделения детской музыкальной школы пляшут знаменитую вохомскую «Восьмеру», значит, никогда не иссякнут родники традиций и всегда будут питать молодое поколение своей живительной энергией, идущей от духовной культуры наших предков.

Приобщение детей к истокам народной культуры, сохранение и развитие традиционных вохомских ремесел – такие задачи ставят перед собой специалисты Дома творчества и ремесел. Более сорока детей занимаются в кружках резьбы по дереву, ткачества, вязания, вышивки, лоскутной техники. Под руководством Антонины Мелетиевны Поповой дом ремесел поддерживает тесную связь с

мастерами, помогает им реализовывать свои изделия, занимается выставочной деятельностью. Они достойно представили район в областной выставке «Крестьянский гобелен», посвященной современному ткачеству. Ведь до сих пор не перевелись у нас мастерицы-ткачихи, которые длинными зимними вечерами сидят за станом, где сантиметр за сантиметром наматывается на пришвицу изумительная дорожка.

Яркими красками отличаются половики Любови Михайловны Чичериной и Антонины Мелетиевны Поповой из п. Вохма, в спокойных серо-коричневых тонах выдержаны половики Зинаиды Александровны Куковеровой из д. Сколепово, голубизну цветущего льняного поля и синеющие дали вохомских лесов вобрали в себя дорожки Марии Ильиничны Носковой из п. Вохма. Всех не перечислить, каждое изделие – произведение искусства.

Золотые руки у резчиц Нелли Леонидовны Глуминой и Натальи Валерьевны Лаптевой, которые единственные в области режут механическую детскую игрушку.

А вышитые картины замечательной рукодельницы Ираиды Федосеевны Пигиной из п. Маяк имеют потрясающий успех не только в Вохме, ее работы были выставлены даже за рубежом, в частности, во Франции и в Финляндии. Не таит секретов своего мастерства Ираида Федосеевна, сполна передает его молодежи.

Певцом вохомского пейзажа называют художника Виталия Георгиевича Пономарева, картины которого полюбились нашим землякам.

Традиционное народное творчество – это душа народа, и оно будет жить, пока жив сам человек.

Поэтому, понимая важность сохранения и развития культурного наследия вохомского края, глава самоуправления района Н.Б.Шадрина в декабре 2002 года утвердила районную программу развития и пропаганды краеведческих знаний на 2003-2005 гг., где большое место отведено возрождению традиционного народного творчества. Познание истоков народной культуры даст благоприятный импульс для становления духовной культуры детей, подростков и молодежи.

Л.М.ПЕРВУШИНА,
зав.отделом культуры, кино и исторического наследия администрации Вохомского района.

Леонид ПОПОВ

«ЕЩЕ НЕ СКОРО ХОЛОДА ...»

* * *

Вижу речку под горою,
Чайка вьется над волной.
Вижу – девочка красивая
Смеется надо мной!
Ах ты, чайка, белы крылья,
Ах ты, серая вода,
Скоро, скоро я уеду
На большие города.
Помаши, матаня, ручкой
Голубому кораблю…
Позабуду про тебя я,
Городскую полюблю!
Речка скрылася в тумане,
Нету чайки над волной…
Что ж ты, девочка
красивая,
Смеялась надо мной…

Я так соскучился, что вот
Опять на лист бумаги
белый
Роняю строчки неумелый –
Все о тебе – наперечет.
А долгий дождь
устало льет,
И этот голос, ровный,
мерный,
Дан в утешение, наверно,
Да вот до сердца
не дойдет…

Еще колышется вода
В зеленых берегах,

Еще не скоро холода
Задушат перекат,
И ненавязчиво тепло,
И мягок солнца свет,
И словно в дымное стекло
Сквозной простор одет,
И легким золотом листва,
Сходящая с берез…
А все разумные слова
Верней ли глупых слез?
Да что гадать – жива вода
В зеленых берегах,
Еще не скоро холода,
Прощанья, сборы, поезда,
Тоска, тревога, страх…
Как ягода осенняя сладка!

Ангел Осени – Ангел Грусти.
Горек сумерек скудный свет.
Потому-то и боль
не отпустит,
Потому и спасения нет
От вины перед
умершим лесом,
Перед жухлой,
отжившей травой,
Перед полем,
что жадным железом
Все изрыто порой горевой.
Не забыть бы
в декабрьские ночи,
В сонной одури,
в сытом тепле,
Когда лень одна
душу морочит,
Об усталой осенней земле.
Не презреть бы
заветов старинных,
Те, что прямо
из глуби слова:
«…и земля не законом
единым,
Но и памятью
нашей жива…»

Среди берез такая тишина!
Осенним днем светло
стволов кружение.
Познав поры венчальной
приближенье,
Душа желаний прежних
лишена.
Уж скоро в желтом
жертвенном огне

Березовые свечи возгорятся,
Забытое уменье –
удивляться! –
Нежданно возвращается
ко мне…

Эй, оглянись,
Солнце уходит,
Небо тускнеет,
День догорает.
Светом печальным,
Зябким, прощальным,
Липы зажглись…
Зернышко-жизнь
Жернов стирает!
Жить торопись.

Нам сладко – мы двое
с тобою,
И, значит, никто не один.
Дай Бог нам, поладив
с судьбою,
Дожить до нестыдных
седин,
Средь злобы и смрадного
страху
Зело мудрено уцелеть,
И веру, как малую птаху,
Неровным дыханьем
согреть…

Я восточных ли,
южных кровей,
Только нет мне
на Севере доли…
Потому, брат,
февраль-снеговей
Никогда не бывает
без боли.
Вот предвестие
скорой весны,
Вот оборванный сон
на изломе,
Ничего не придумаю, кроме:
Все слова и пусты,
и скучны…
И ни ясного солнышка нет,
Ни зари, что любовно
алеет…
«Только свет, - ты твердишь, -
только свет!..»
А за светом лишь
тьма леденеет…

Прилежным светом
день январский
Вдруг явит нам – пустым
на страх! –
Как щегольской, заморский,
барский
Снегирь пылает на ветвях!
Грешит повторами
природа,
Все вроде в ней наперечет,
Но только тут
и есть свобода –
Нас изумлять из года в год.
Снегами русскими укроет
Разор бесстыдства,
прах пустой,
И вдруг нечаянно откроет,
Что мир – пречуден,
Бог ты мой…

Наши тихие нивы
не тучны,
И постыдно низки небеса,
И заботы – вседневные! –
скучны,

Имеем сообщить

«Звезда над порогом»

В августе 2003 года в Костроме вышел в свет четвертый поэтический сборник Леонида Попова «Звезда над порогом» в серии поэтических приложений к журналу «Губернский дом» «Клуб поэтов». Издание сборника стало возможным благодаря поддержке администрации Вохомского района, а также спонсорскому вкладу ОГУ «ДЭП-29» (руководитель Юрий Анатольевич Ивков), ДХООО «Вохомская заготконтора» (руководитель Александр Александрович Кнутов), ОГУ «ДЭП-31» (руководитель Николай Вячеславович Герасимов), ОГУ «МЭП-7» (руководитель Николай Алексеевич Ширяев), филиала страховой компании «Согласие» в п. Вохма (руководитель Василий Алексеевич Новых); предпринимателей Сергея Анатольевича Кропачева, Николая Александровича Жаравина и других.

Знать, с того и глухи
голоса.
«Что за низость –
навоз да скотина…
Разве здесь воспарили б
крыла?!»
Где тут вспомнить,
что эта равнина
Нам возможность
родиться дала,
Милосердно дала
опериться,
Чтоб, беспамятством
сытым кичась,
Раз в году заглянуть –
побраниться,
Да и плюнуть
в родимую грязь…

Пожалеть бюрократа –
Собакина брата,
Только, Господи,
грех мой прости:
Я не стану глаза опускать
виновато:
На Руси нынче все
не в чести.
Ах, как скурвилась жизнь…
От Великой и Древней –
Только срам, только прах,
только вой…
От седого Кремля
до последней деревни –
Все царьки с нежилой
головой.
Возопить бы: «Народ!..»
Но безмолвны и глухи
Стали к совести все
в страшный час,
Только в Божьих церквах
С жаркой верой старухи
Молят Господа помнить
о нас…

Пустили по миру народ,
Пустили прошлое в расход,
И – догорай лучина!
Чего сгоревшее жалеть,
Куда надежней руль
да плеть, -
Смекаешь, дурачина?
Ох, велика держава Русь!..
Но ты, разуменький,
не трусь –
Круши ее твердыню.
Крутись, как велено, хитро,
Отринь отжившее добро –
И совесть, и святыню,
Ведь ты такой
сегодня стал –
Копи крамо́льный капитал,
В своем краю безвестном,
Как «вождь» воззвал,
верши свой путь!
Но об одном – молю! –
забудь –
О русском слове честном…

Золотое, светозарное,
Предосеннее тепло…
Лето кончилось угарное,
Время августа пришло.
Светом мягким
очарованный,
Все обманы позабыл,
Позабыл, как
заколдованный,
Ту, что трепетно любил,
Позабыл любовь обманную,
Что была милей всего,
Этой ночью окаянною
Не припомню ничего…
Гроздья звезд промыты
дочиста –
Вызрел вышний виноград…
Если счастье не воротится,
Разве август виноват.

Герман КОТОВ

МОНАШКА

Отгремели победные военные салюты. Казалось, все беды страшной войны остались позади и наконец-то начнется светлая, хорошая жизнь. Светлая жизнь у вохмичей в первую очередь связывалась с едой. Поесть бы досыта хлеба, лучше с маслом. Чаю с сахаром иногда попить. Не цейлонского, нет, о таком мы не слыхали. С нашей доморощенной морковной заваркой. Валенки бы на зиму справить. Как нам хотелось таких перемен!

В 1946 году в стране был неурожай. Темнели лица людей. На огородах много раз перебирали землю руками. Найденным овощам радовались, считали знамением и тут же сносили в подполья. В полях взрослые и

дети собирали колоски, их клали в общий мешок и безвозвратно носили в колхозный амбар. Пайки хлеба были урезаны.

Дети военных лет не сидели, как нынешние, по домам. Холодно в них было, темно, неуютно. Убегали мы на улицу и в морозные дни. Побегаешь, разогреешься, голод в игре притупляется.

Как-то в декабрьский морозный день играли мы около школы в сыщиков-разбойников. Солнце, поднявшись на две четверти от горизонта, как ни пыталось, не могло подняться выше, согреть своими лучами занесенную снегом северную сторонушку. Дым протопленных печей от холода не мог подняться ввысь и плавал где-то под крышами.

Несподручно играть в мороз в эту игру. Спрятаться негде. В снежные сугробы, несмотря на строгие домашние наказы, все-таки лезли. Не раз бывали биты матерями за порванную обутку, отлетевшую заплату, но житейские невзгоды не останавливали нас.

Морозы в те времена были приличными. Следи, парень, за своими ушами, оттирай их вовремя снегом. Им и так доставалось, ушам нашим. Мало что поморозишь, за них же, еще больных от поморозки, отдерут взрослые при случае.

Был я в группе «отпетых» разбойников. Сотоварищей моих почти всех переловили, окружили надежным караулом. Оставалось мне только утикать подальше от «боевых действий». Рот от бега раскрыт, уши на шапчонке развязались, по щекам хлещут. У кладбища торможу. Дорогу перегородила кучка людей. Сани стоят у обочины. Что-то случилось.

Осередь дороги лежала старуха. Черный латаный плат лежал рядом с ней на снегу. Рукавиц не было. Видно, руки она раньше прятала в складки одежды. Лежала на боку, опираясь голыми руками о снег. На серое лицо падали желто-седые волосы, в потухших глазах страдание. На лице резко выделялся черный полуоткрытый рот, черные губы. Она что-то редко и тихо говорила рядом стоявшим женщинам. Я узнал ее сразу. Она часто заходила погреться к нам, попить кипятку с морковной заваркой. Иногда бабушка ее чем-то кормила. Меня поражали ее руки: мосластые, крупные, они, видимо, знали много работы. Особенно удивляли пальцы: на левой руке они сильно искривились влево, на правой – вправо. Бабушка говорила, что монашка из Кажировского монастыря. Монастырь власти закрыли, монашек лишили крова, работы. Вот они и ходят, побираются.

- Бабушка, а пальцы почему кривые? Страшно даже. Ее Бог наказал?

- Нет, внучек. Она большая мастерица. Вяжет вологодские кружева – очень легкие и красивые. Ее кружева купцы в коробах далеко увозили. Платили за это монастырю деньгами.

- Но пальцы почему кривые?

- Она работала не только лучше, но и быстрее всех. Это первая мастерица на Вологодчине по плетению кружев. А пальцы от непосильной работы такие.

Пока все это вспомнилось, из разговора женщин понял, что монашка умирает от голода. Речь идет о том, что ее нужно срочно покормить и отнести в дом, в тепло. В это время монашке кто-то подал корку хлеба. Она вяло посмотрела на него, отвернулась. Хлеб положили ей в руку. Старуха лежала. Взгляд ее упал на меня, немного оживился. Сжав корку, она поманила меня пальцем. Когда подошел ближе, старушка протянула мне хлеб. Я замотал головой. Собрав силы, она выдохнула:

- Съешь, внучек. Мне уже ничего не поможет.

Хлеб выпал из ее руки на дорогу. Ее хотели увезти на дровнях в ближайший дом. Отказалась. Через несколько минут по телу прошли судороги. Старуха упокоилась.

Монашку положили на сани, закрыли глаза, руки скрестили на груди. В них положили корку хлеба и куда-то увезли. Монашки не имеют детей. В последний путь их провожают знакомые люди...

До сих пор не могу забыть и, главное, понять, как женщина, трудившаяся всю жизнь, заработавшая достаточное количество денег, никогда их не имела. А в конце жизни умерла на дороге.

Умирала монашка с большим достоинством.

ПОДПОРУЧИК СЕЛИВАНОВ

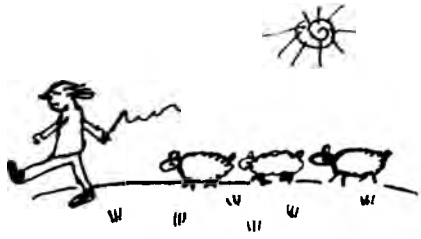
СКАЗКА

Жили-были старик да старуха. У них было три сына. Два сына умных, а третий Иван – дурачок. У царя потерялась дочка. Сначала искать царскую дочь изъявил желание старший сын – ничего у него не вышло. Потом изъявил желание искать дочь царя второй сын, и тоже у него не получилось. Иван-дурачок сказал: «Да-ко те, братья, я поеду. Суши, мать, сухарей мне в дорогу». И вот он отправился в дорогу. Далеко ли, близко ли он ехал, трудно знать. И вот он услышал, что царскую дочь украли разбойники. Иван-дурачок пришатился к этим разбойникам. «Возьмите меня, - говорит, - в вашу партию». А они говорят: «Чего ты можешь делать?» - «А как слуга, все могу вам сделать». Он пек и варил, все готовил им. И они его решили оставить как домовника, а сами поехали на промышление. Первый раз они съездили, он у них все устроил хорошо, они были довольны. А у них в доме было двенадцать комнат, и вот они ему, когда поехали второй раз, отдали ключи ото всех двенадцати комнат и сказали: «Во все комнаты ходи, а в двенадцатую не ходи». Разбойники отправились, а Иванушка-дурачок не выдержал, придумал сходить в эту комнату, открыл комнату и увидел царскую дочь, она была привязана. Она была увезена далеко от своего царства. Отвязал Иван-дурачок царскую дочь, и они собрались бежать. Наклали бочонок золота, и подала она ему обручальное кольцо. Он это взял с собой, и они пошли в дорогу. Еще он поджег дом. Разбойники вернулись, увидели пожар. Чего-то Иван-дурак наделал, решили они. Кинулись к той комнате, где была царская дочь. Ее там не оказалось. И они все поняли, что Иван и царская дочь сбежали вместе. Разбойники пустились за ними в погоню. Но Иван-дурачок и царская дочь успели на переправу раньше разбойников и заплатили перевозчику золотом. Разбойники подъехали и стали угрожать перевозчику. Он испугался и убежал, не стал их перевозить и отпустил плот. Пока разбойники делали себе плот, Иван с царской дочкой добежали до моря к пристани корабля и попросились на корабль. Капитану корабля понравилась царская дочь, и он их пустил на корабль. Корабль ушел в море. Так как капитану понравилась царская дочь, то он стал ее уговаривать бросить Иванушку-дурачка и остаться с ним. Но царевна не согласилась. Капитан уговорил кочегара, чтобы он утопил Иванушку в море. Но кочегар заметил, что у Ивана-дурачка есть чем откупиться: и кочегар ему сказал: «Давай, Иван, я тебя спрячу, а вместо тебя брошу чего-нибудь в море». А потом сказал капитану, что утопил Ивана. Капитан снова стал приставать к царской дочери, и она согласилась остаться с ним, согласилась сказать царю, что ее спас капитан, а не Иванушка-дурачок. Когда корабль подошел к царству ее отца, капитан с царской дочкой вернулись к отцу. А в то время Иван сошел с корабля и унес с собой бочонок золота. Подобрал себе компанию, купил оружие и открыл стрельбу. Донеслась весть до царя, и царь решил узнать, кто это занимается разбоем, стрельбой, а дочь царя тоже стала проситься с отцом. Когда приехали, дочь узнала Ивана и кинулась ему на шею. Сказала отцу, что это Иван спас ее на самом деле. Отец

спросил свою дочь, а как она докажет, что это он ее спас. Тогда Иван достал из кармана кольцо, которое подарила ему царская дочь, и показал его царю. Царь взял Ивана с дочерью, и все поехали домой в царство. А капитана царь привязал к лошади и гонял лошадь до тех пор, пока он не умер.

Царская дочь стала жить с Иваном. Обрядила его она во все царское. Через некоторое время стал Иванушка проситься съездить домой к своим родителям. Жена его отпустила, дала ему денег и

царскую книжку, чтобы бесплатно ехал. В вагоне к нему подошли друзья и стали звать поиграть в карты. Иван проиграл деньги, царскую книжку, кольцо и одежду с себя. Приехал домой к своим родителям, братья сказали: «Был дураком, дураком и остался». А он ответил: «Я не все был дураком, был и царем». И они над ним засмеялись. И опять Иван стал пасти овец, как и раньше. А жена ждала, ждала, не могла дождаться, поехала его разыскивать. Она поехала на поезде, переоделась в мужскую одежду и встретилась с теми же друзьями, с которыми играл Иван. Начала и она играть с ними в карты. Все у них выиграла, что проиграл Иван. Тогда она и поняла все. Вот где мой Иван попал впросак, поэтому от него нет известий. Когда жена Ивана приехала к его родителям, Ивана дома не было, пас овец. Она попросилась у них переночевать. Ее пустили, но предупредили, что у них есть неумный паренек. Зовут его Иван. Она на это не обратила внимания и попросила истопить для нее баньку. Братья не отказали, сразу истопили баню для нее. И вот она сидит и смотрит в окно, Иван идет с овечками. И овцы у него идут, как солдаты, строем. Ей это было смешно. И вдруг Иван заходит в дом, но ее не узнал, потому что она была в мужской одежде. Братья предложили жене Ивана идти в баню. И предложили: «Может, мы, который-нибудь из братьев, сходим с тобой помыть спинку». Им она отказала, а попросила сходить с ней в баню Ивана: «Я его не боюсь». Пришли в баню, она стала раздеваться и заставила его тоже раздеваться. Но Иван упирался, не хотел раздеваться. Она ему сказала: «Ты, Иван, меня не бойся». Когда она сняла с себя мужскую одежду, осталась в сорочке и спрашивает: «Ты меня узнал, Иван?» Тогда Иван кинулся к ней, обнял и стал просить прощения. Она ему сказала: «Не беспокойся, я все



твое вернула, что проиграл». Они задержались в бане долго, а дома стали сомневаться, почему они долго. И один из братьев решил сходить подслушать, не наделал ли чего Иван-дурак. Когда он подошел к бане, то услышал, что Иван разговаривает не с мужчиной, а с женщиной. Он прибегает домой и говорит всем своим: «Ведь дурак моется не с мужчиной, а с женщиной. Может, он правду нам говорил насчет того, что был царем?» Когда они вымылись в бане, жена одела Ивана в царскую одежду. И когда пришли из бани, зашли в избу, братьям пришлось встречать их под козырек. Прогостевали ночь, а наутро уехали в свое царство. Вот и Иванушка-дурачок, утер нос своим братьям.

Записано у А.А. ТЮЛЯНДИНОЙ, 1923 года рождения, дер. Карпово Павинского р-на. Сказку ей рассказывал в детстве дедушка Огарков В.С. 1867 г. рожд., дер. Карпово. Записала Любушкина Л. А., с. Малое Раменье, 1994 г.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ВОХОМСКИХ КРЕСТЬЯН

В середине второй половины XIX века черты русской традиционной одежды более всего сохранял крестьянский костюм.

Вохомские крестьяне шили свою одежду из льняного холста и пестряди, нитки для которой окрашивали натуральными красителями сами ткачихи. Производство домашней ткани и предшествующая ей обработка льна занимали довольно длительный период времени – с осени до весны. Каждая крестьянка пряла и ткала на всю свою семью.

Известный этнограф Г.Н. Потанин указывает на тот факт, что женщина, не имевшая дочерей, должна была обеспечить себя холстами и пестрядью до конца своей жизни, т.к. снохи свекровь не одевали. (1)

Крестьянская одежда была тесно связана со всем многовековым укладом и обычаями русской деревни. Неписаными законами было установлено, какую одежду носить в будни, какую в праздники, по воскресеньям, на свадьбу, по случаю похорон и т. д.

Очень многие обычаи уже забылись, то, что успеем записать – сохраним на века. При изучении народного костюма вохомских крестьян неоценимую помощь оказали женщины 70-80-летнего возраста: Колеватых Александра Федоровна 1920 г. р. из с. Боговарово, Попова Александра Филипповна 1920 г. р. из п. Вохма, Дружинина Серафима Александровна 1924 г. р. из с. Заветлужье.

Костюмы вохомских крестьян почти не отличались от одежды жителей других местностей Никольского уезда.

Рубаха – основной атрибут женской и девичьей одежды. К концу XIX в. в Вохомском крае наиболее широко были известны рубахи, которые Б.А. Куфтин (2) называет московскими. Все они состоят из двух конструктивных частей: верхней – с длинными рукавами и нижней, которую пришивали ниже груди, но выше пояса.

Верхняя часть рубахи, называемая в народе «воротук» или «воротэшка», шилась обычно из красно-белой в мелкую клеточку пестряди (иногда с черной или синей ниткой, разделяющей клетки).

Нижняя часть, так называемая «подстава», всегда выполнялась из более грубого, мало беленного холста.

По крою рубахи вохомских крестьянок близки к северным «долгорукавкам»: все они сшиты из трех полотнищ ткани (один шов по середине спины, два – спереди на груди), с прямыми плечевыми вставками – «пуликами», собранными по вороту в мелкую сборку, с небольшим воротом-стойкой, застегивающимся на 1, 2 пуговицы. Длинные рукава, плотно облегающие руку у запястья, расширяются к плечу пришитым спереди клином от локтя к плечу.

По своему предназначению рубахи делились на повседневные и праздничные, на зимние и летние. В зимнее время носили рубахи с длинной подставой, летом – короткие, с нижней частью всего в 30-40 см.

Рубахи из пестряди без каких-либо украшений считались повседневными, хотя более новая (менее изношенная) и украшенная скромной вышивкой по краю рукавов рубаха могла быть и праздничной.

Крестьяне, материальное состояние которых было стабильным, стремились на праздничную рубаху приобретать покупную хлопчатобумажную ткань: сатин голубого, розового, белого цветов, ситец, а иногда и шелк. Однако ткань эту использовали только для верхней части, а нижнюю традиционно шили из холста.

Основным украшением праздничных рубах была вышивка цветными нитками по краю (запястью) рукавов, представлявшая собою растительный или геометрический узор шириною 3-5 см. По

краю праздничные рубахи из покупных тканей ничем не отличались от пестрядинных, за исключением того, что шились они из двух полос ткани, с двумя швами по бокам (т. к. фабричная ткань была шире домотканой). Ни ворот, ни подолы рубах никогда не украшались.

Исключение составляют праздничные девичьи рубахи, которые шились из белого ремизного (узорного) полотна и украшались красным браным узором на пуликах, на груди у ворота, на рукавах у запястья, к которым еще пришивалась и оборка из красной хлопчатобумажной ткани.

Праздничные шелковые рубахи также имели холщовую «подставу», сборки у ворота, но крой рукавов у них немного отличался от выше описанных рубах: рукава были более короткими (ниже локтя, но выше запястья), широкими и собирались чуть выше края на резинку, край рукава украшался узкой полоской кружева.

Декоративные детали на вохомских рубахах располагались традиционным способом, оттеняя конструктивные и смысловые части рубах, как когда-то в древности: по горловине, груди, плечам, низу рукавов. Оберегового значение этих деталей к XIX в. уже утратилось полностью.

Все вышеописанные рубахи в народном костюме комбинировались с сарафанами и никогда не надевались с юбками.

Сарафан. Эта традиционная крестьянская одежда стала своеобразным символом русского народного костюма. Происхождение этого названия имеет свою историю: в переводе с персидского «сарафан» означает «парадная, длинная с ног до головы одежда».

В XIV веке сарафан в России – народная мужская одежда воевод, великих князей, а в XVII веке – царей. Записи в кроильных книгах Алексея Михайловича за 1637 год дают представление об особенностях кроя и декора царских сарафанов. Размеры сарафана Алексея Михайловича определяются пропорциями человека – количество ткани измеряют аршином (около 78 см – длина руки) и вершком (около 4,5 – 4,6 см – десятая часть локтя), переднее полотнище длиннее заднего, а рукава почти до полу. В средневековой одежде, в том числе и русской светской, рукава могли быть съемной деталью – тогда они временно привязывались, пристегивались или пришивались к плечевой части, при этом пройма под рукой оставалась несшитой. Туда и продевались руки, а сами рукава, будучи не только очень длинными, но и предельно узкими, оказывались чисто декоративным элементом и обычно завязывались сзади. Видимо, первые русские сарафаны были как с рукавами, так и без них.

В Вохомском крае к концу XIX в. был известен лишь один тип сарафана – так называемый «московский»: круглые, сшитые из 4-6-ти полос равной по длине ткани, собранные в мелкую складку на обшивке верхнего края, они напоминают юбку на лямках. Лямки – бретели сарафана – представляют собой прямоугольную полоску ткани, разрезанную вдоль с одного конца. Цельным, не разрезанным концом эта полоска пришивается к середине верхнего края спинки, а разрезанные концы – спереди сарафана на ширину груди. С изнанки бретели подшивались холстом, по краям обшивались полосками хлопчатобумажной ткани черного, красного, синего цвета. Застежка сарафана в виде небольшого разреза по шву размещалась слева, рядом с бретелью, где пришивались большой металлический крючок с петлей.

Другие типы сарафанов, возможно, ранее и бытовавшие в крае, сейчас не известны. Это подтверждает Л.В. Тазихина, описывая в 1970-е

Крестьянин Вознесенской волости. Конец XIX в.

годы крестьянскую одежду Вологодской губернии: «... Косоклинные сарафаны в конце XIX в. не шили заново, а донашивали старые». (3) Крашеные сарафаны, о которых упоминает Г.Н. Потанин, описывая Никольский уезд (4), либо на Вохме не были распространены, либо, что наиболее вероятно, не сохранились.

Сарафаны вохомских крестьянок традиционно шились из домотканой льняной ткани – пестряди. Украшались они очень скромно и не всегда – одна или несколько узких полосок ткани на подоле, контрастная полоса обшивки верхнего края и бретелей. Пестрядинные сарафаны и не нуждались в дополнительных украшениях: льняные нити, окрашенные в красный, белый, синий цвета, умело подобранные и искусно сотканные, создавали разнообразные и колоритные расцветки. Для сарафанов обычно использовались пестряди в крупную клетку или красно-белые, «пестрые».

Зажиточные люди праздничные сарафаны шили из дорогих покупных тканей – шелковых, полушелковых, шерстяных и т. д. Названий их сейчас уже никто не помнит. Известно лишь, что ткани покупали в лавках у местных купцов. В зависимости от ткани изделия их называли «шелковиками», «гарусниками», «шерстяниками», «штофниками» и т. д.

Шелковики, широко распространенные в Вохомском крае, носили в комплекте с шелковой или батистовой рубахой, шелковым широким поясом. Носили их очень бережно, надевали по праздникам, передавали по наследству, но прежде всего комплект с шелковым сарафаном был свадебным подвенечным нарядом. Есть также сведения о том, что тот же костюм, сохраненный до старости, становился и погребальной одеждой.

Основным обрядовым предметом, входящим в комплекс народного женского праздничного костюма, является женский головной убор.

Обычай закрывать замужней женщине волосы – один из самых древних. Он сохранялся в крестьянской и купеческой России вплоть до начала XX века. Представление о том, что открытые волосы замужней женщины приносят несчастье – падеж скота или неурожай хлеба – были как у восточно-славянских народов, так и у южных и западных славян. Волосы связывались с магической силой, свойственной растительности, и через нее – с идеей плодородия.

Вот и закрывали на Руси замужние женщины свои волосы разнообразными головными уборами. Оказаться без него в людном месте было верхом стыда и неприличия: «... негоже женщине простоволосой бытии...», а в отдельных случаях – актом публичного наказания за поступки, несовместимые с моралью крестьянской общины, - например, за измену мужу. Тогда головной убор публично снимали. Так появилось известное всем сегодня выражение «опростоволоситься».

Женские головные уборы старинного образца в Вохомском крае не сохранились даже в воспоминаниях современников. Местные жители знают лишь платок и самшуру (местное произношение «шашмура»). Название «самшура» встречается в документах XVII века. Оно было распространено на ограниченной территории – только на Севере, особенно северо-востоке, и не может считаться общерусским.

Вполне вероятно, что название было заимствовано русскими от их соседей, а сам убор с течением времени трансформировался и к концу XIX в. представлял собою небольшую шапочку с твердым донцем, которая надевалась на теменную часть головы и закреплялась на затылке с помощью завязок, полностью закрывая волосы.

Самшуры носили только замужние женщины: сразу после венчания крестная мать невесты или сваха заплетала невесте две косы на висках, складывая их венчиком надо лбом, и надевала на нее самшуру, в которой «молодая» приезжала из церкви в дом жениха.

Праздничные или так называемые «золотые» самшуры украшались золотым шитьем по наружной поверхности донца в виде выпуклого стилизованного рисунка, условно названного нами «лягушка». Некоторые источники указывают на то, что такой рисунок считался симво-

лом плодовитости, поэтому его присутствие на головном уборе замужней женщины было вполне уместным.

Праздничные самшуры изготавливались кустарным способом – в золотошвейных мастерских при монастырях. На мягкую налобную часть самшуры повязывалась лента, средняя часть которой была выполнена золотым шитьем, по краям пришивались полоски полупарчовой ткани с завязками из шелковой ткани.

Наличие богатых праздничных самшур отнюдь не говорит о том, что все носили такие уборы: бедные крестьянки шили такой убор из дешевой хлопчатобумажной ткани красного цвета, украшая его вышивкой. Дешевые самшуры также носили с парчовой лентой, которую приобретали в купеческих лавках и на базарах.

В конце XIX– начале XX вв. поверх самшур надевали шелковый платок или шелковую шаль, закалывая их под подбородком булавкой. О том, надевали ли самшуру без платка, сейчас уже никто не знает – все информанты упоминают платок (шаль) как обязательную деталь.

Самшуры широко известны нашим современникам прежде всего по выступлениям фольклорного ансамбля «Вохомские узоры». Этот древний головной убор сохраняет и в наше время все признаки подлинного произведения народного декоративно-прикладного искусства.

Еще одна небольшая, но очень значимая деталь народного костюма – пояс. Отношение к поясу было отражением народной нравственности, принятых в обществе норм поведения. В древности считалось, что человек без пояса мог совершать необдуманные, порочащие его, как члена общины, поступки.

Пояс как вещь, образ и символ был настолько значим, что не затерялся в потоке народного сознания. Значение пояса как оберега сохранялось в Вохомском крае до конца XIX века. По назначению все пояса можно разделить на будничные и праздничные.

Будничные, или повседневные, пояса были узкими, с несложным геометрическим рисунком. Праздничные украшались больше – кроме яркого геометрического узора, выполненного разноцветными шерстяными нитями, они имели пышные кисти.

Наиболее широко были распространены тканые пояса из льняной и шерстяной пряжи – покромки. Эти изделия украшены сложным браным узором, значение которого уже забылось. Основные цвета традиционных поясов – красно-белый. По краю пояса заправляли цветные полоски.

Для верхней одежды ткались более широкие пояса – до 15-20 см.

Помимо поясов местного изготовления в Вохомском крае бытовали кушаки из дорогой покупной ткани – шелка или сатина. Такие кушаки женщины украшали кружевами и полосками цветной тесьмы на концах, а надевали их с шелковыми рубахами и сарафанами.

Долгое время пояс сохранял свое значение как подарок. Пояса были обязательной частью свадебных подарков невесты новой родне – обычно их дарили отцу и братьям жениха. На дарственных поясах зачастую присутствовали надписи со словами посвящения или молитв, например: «На долгую память», «В день ангела», «Сей пояс… Александру Степановичу Перетягину» (6) и т. д. Не каждая мастерица могла выткать такой поясок!

Мужской костюм вохомских крестьян, как и в других губерниях России, состоял из рубахи, портов и пояса. Большая часть мужских рубах изготавливалась из льняной домотканой ткани – пестряди в мелкую клетку. Покрой этих рубах обусловлен экономией ткани: все части их представляют собой прямоугольники. Простота и традиционность кроя способствовала тому, что каждая крестьянская женщина могла сшить такую рубаху.

Все рубахи – косоворотки, с разрезом ворота обычно на левой стороне, хотя встречаются изделия и с разрезом на правой стороне груди. Воротник-стойка и планка разреза шириной 3-5 см украшались вышивкой тамбурным швом, болгарским или простым крестом. Длинный, сужающийся к запястью рукав расширяется к плечу за счет пришитого спереди клина. Длина небольшая, до середины бедра. С изнан-

ки к верхней части рубахи пришивалась подкладка из домашнего холста – «подоплечье», также укреплялись и края рукавов у запястья (полосой холста в виде обшлага).

Мужские штаны в Вохомском крае шили из полосатой пестряди синего цвета или холста (портки). Все они однотипны по крою: обе штанины шили всегда из прямых отрезков ткани с косыми клиньями, одинаковыми для каждой штанины. Среднюю часть – клинья – пришивали следующим образом: прямоугольное полотнище разрезали по диагонали на два клина, к каждой штанине пришивали по прямой нитке клин к заднему полотнищу (краю штанины), а к переднему полотнищу этот же клин пришивался по косой нитке. При таком крое штанов задняя часть была более широкой, напоминающей по форме кулек. Штаны застегивались спереди посередине на одну пуговицу, передняя часть штанов называлась «серёдыш».

Пояс штанов («опушка») часто шили из холста, даже если сами штаны были из пестряди. Холщовые порты носили в летнее время, на сенокос, жатву и т.д., а позднее, в начале XX в. – как нижнее белье.

И штаны из пестряди, и холщовые порты делали неширокими и недлинными – немного ниже колена, так как концы штанин обычно закрывались онучами, которыми и обертывали почти до колена.

Праздничные штаны шились из однотонного покупного или домотканого сукна тем же способом, а позднее, в начале XX в., многие мужчины, особенно молодежь, стали носить брюки из фабричного материала.

Мужская и женская обувь, которую носили вохомские крестьяне, имеет очень незначительные отличия, поэтому рассматривается вместе.

Зимой и мужчины, и женщины носили в основном домашней катки валенки, которые изготовляли почти в каждой деревне местные жители – катальщики.

Осенью и весной все надевали лапти с онучами, лапти изготавливали практически в каждом доме для нужд своих домочадцев и даже продавали на базаре. Лапти плели из липового лыка, бересты, иногда даже из мелких тонких корешков, а также из льняных оческов, старых веревок и т. п. Бедные крестьяне, которые не могли заказать кожаную обувь, для сырой погоды иногда обшивали лапти сверху куском кожи, чтобы они меньше промокали.

Онучи делали из льняного холста, а для холодного времени года – из домашнего сукна или шерстяной домашней ткани. Ноги обертывали онучами высоко – почти до колена, подвязывая их крест-накрест оборами (тонкой льняной веревочкой, закрепленной по середине длины в заднике лаптя).

Зажиточные крестьяне шили из кожи домашних животных сапоги с высокими узкими голенищами. Такие же сапоги были праздничной обувью. Праздничной обувью зажиточных крестьянок были кожаные ботинки – высокие, со шнуровкой и на каблуке. Носили их очень бережно: одной пары ботинок хватало на всю жизнь.

Многие подлинные образцы крестьянской одежды конца XIX– начала XX века хранятся в собрании Вохомского краеведческого музея – филиала Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Здесь каждый из нас может не только лишний раз увидеть подлинники, рассмотреть детали кроя и способы их декоративно-художественного решения, но и убедиться в непреходящей эстетической ценности народного костюма, в непревзойденном искусстве народных мастеров, их создавших.

Н.И. ЛЕБЕДЕВА

Примечания

1. Крестьянская одежда населения Европейской России. XIX- нач. XX вв. М., 1971.

2. Потанин Г.Н. «Никольский уезд и его жители» - В кн. «Никольская старина». – Вологда. 2000. С. 384.

3. Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры. Труды Гос. музея центрально-промышленной обл., вып. 3. М., 1926. С. 42.

4. Тазихина Л.В. «Север Европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Петербургская губернии) – В кн. «Крестьянская одежда населения европейской России. XIX- нач. XX вв. Определитель». М., 1971.

5. Потанин Г.Н. Там же.

ВОХОМСКИЕ ПОЛОТЕНЦА

Полотенце – самый распространенный вид орнаментированных изделий в быту русских крестьян, оно до сих пор является неизменным предметом в повседневной и обрядовой жизни. В Вохомском крае все без исключения полотенца выполнены из льняной ткани домашнего ткачества, иногда с добавлением «бумажных» (хлопчатобумажных) нитей. Длина полотенец менялась в зависимости от назначения. Праздничные были более длинные, от 1-1,5 м до 2,5-3 м и при ширине полотна около 40 см.

РУКОТЕРНИКИ

Обыденные, или повседневные полотенца, по-местному, рукотерники, роскутерники, утиральники, используемые ежедневно для вытирания рук и лица после умывания, изготавливались обычно из пестряди или холста. Они были любимы хозяйками за практичность, прочность, «немарковитость», способность хорошо впитывать влагу. Ими с удовольствием пользуются и по сей день, особенно пожилые женщины, зачастую изготавливая их из полотнищ старых распоротых юбок и сарафанов своих бабушек.

Широкое распространение в народной среде повседневные полотенца получили, по-видимому, лишь в начале XX века. Г.Н. Потанин, русский путешественник, географ и этнограф, отбывавший в 1872-74 гг. ссылку в Никольском уезде Вологодской губернии, в состав которого входила и наша Вознесенская волость, отмечал в своих записках: «... В деревнях нет ни зеркал, ни полотенец, утираются какой-либо тряпицей, старой рубахой и прочим. По этому поводу здесь рассказывают такой анекдот. «Чем у вас утираются?» - спросил один прохожий человек у крестьянского мальчика, умывши лицо. «Отец рукавом, мама подолом, а я и так сохну», – отвечал мальчик. (1)

Возможно, в XIX веке полотенце имело большее значение как обрядовый предмет, чем утилитарный. Это можно объяснить культурной отсталостью края, когда главными чертами народной жизни «были малые материальные потребности, почти полное отсутствие духовных» (2), а также соображения экономии.

Несмотря на то, что в нашем крае было хорошо развито ткачество, а холсты и пестряди имелись в каждой семье в достаточном количестве (даже сейчас, в конце XX века, у местных жительниц можно найти и пестрядь, и холсты, а также изделия из них), расходовали их очень экономно. Возможно, еще и потому, что пожилая женщина могла рассчитывать только на изделия своих рук: «... Ни выданная дочь, ни сноха, с которою в одном доме живет старуха, не одевают ее. Под старость старухи копят лен и холст, как невесты к свадьбе». (3)

Очевидно, поэтому в собрании музея-филиала из имеющихся 13 полотенец из пестряди и холста большая часть экспонатов представляет собой совершенно новые, неиспользованные изделия: 8 из них изготовлены из полотна, предназначенного непосредственно для полотенец – у них цветные полоски в виде каймы по краям и поперечные полоски на концах изделия, 5 предметов, датируемые концом XIX-нач. XX вв., выполнены из пестряди в клетку и полоску, используемой обычно для сарафанов, мужских и женских рубах, мужских портов.

ОБРЯДОВЫЕ ПОЛОТЕНЦА

Праздничные полотенца также можно разделить на две группы: обрядовые и собственно праздничные.

Обрядовые полотенца имели огромное значение в крестьянской среде, т.к. они использовались при проведении жизненно важных обрядов.

Полотенце сопровождало человека на протяжении всей жизни: от рождения и до смерти. С течением времени многие обряды видоизменялись, забывались. В сохранившихся до наших дней обрядах попрежнему важную роль играет полотенце.

При проводах в армию, например, девушка дарит своему «дроле» вышитое полотенце. (4)

А в деревне Большой Двор Тихоновского сельского совета еще в 1960-е годы существовал обычай в день проводов в армию прикреплять под крышу дома специально свитый венок, переплетенный полотенцем, который будет висеть до дня возвращения солдата домой. (5)

Полотенце использовалось также в девичьих святочных гаданиях: клали полотенце под подушку и загадывали: «Суженый-ряженый, приходи наряженный умываться – я полотенце приготовила». (6)

Домотканые полотенца с браными или вышитыми концами традиционно являются непременным атрибутом любой свадьбы. Такие полотенца специально сохраняются и передаются от матери к дочери из поколения в поколение. До сих пор хлеб-соль жениху и невесте подносят на старинном полотенце, украшенном вышивкой, браными узорами и кружевами.

Прежде, когда свадьбы еще «играли», каждая девушка к поре замужества готовила столько полотенец, чтобы ими можно было одарить родню жениха, повязать сватам и дружкам, украсить стены дома в день свадьбы. Обычно с момента вступления молодухи в дом мужа в семье употреблялись только ее полотенца. Таким образом, к дню свадьбы каждая девушка готовила от 12 до 30 полотенец, количество их было показателем обеспеченности и трудолюбия невесты. Полотенце – это лицо рукодельницы. Насколько чисто отбелен холст, каково сплетено кружево и насколько затейлива вышивка, настолько умелой мастерицей считалась невеста.

В нашем крае существовал обычай «белой бани» - так называется баня, которую топят подруги невесты накануне свадьбы. Собираясь в белую баню, невеста надевала на голову расшитое полотенце и просила у родителей благословения. (7)

В обряде дарения невестой родни жениха в числе других подарков были и полотенца. Раньше этот обряд исполнялся на 2-й день свадьбы (сейчас обычно это делают в первый день, после того как гости вручат свои подарки молодым). Жениху дарили рубаху, кисет; свекру, крестному жениха и деверям – рубахи; свекрови и крестной жениха – материал (ткань) на платья или платье; золовкам – полотенца. (8)

Когда невеста одаривала родственников, дружка приговаривал: «Наша невеста в торг - ярмарку не ходила, атласу - бархату не купила, тонко пряла, круто крутила, поезжан дарила тонким полотенцем...» (9)

В деревнях Тихоновского сельского совета существовал обычай умывания, когда на 2-й день свадьбы невеста выносит к колодцу свои полотенца и все гости идут туда умываться. (10)

Существенное значение имели полотенца в похоронном обряде.

Обрядовые полотенца мало отличаются от просто праздничных. Основным отличием может служить либо надпись, либо особенно типичная вышивка. Можно сказать, что обрядовым полотенцем может быть любое праздничное, богато орнаментированное вышивкой, браной техникой и кружевом. Ярким образцом таких изделий является полотенце, (11), выполненное из ремизного полотна, с красно-черной вышивкой и широкой полосой ажурного кружева на концах. Сложная симметричная вышивка в виде цветочной композиции и двух птиц удивительно красива: ясные, четкие контуры, образуемые сочетанием красной и черной нитей, упругое движение, размеренная ритмика вырастающих друг из друга фантастических цветов создают атмосферу праздничности, говорят о целостности, гармоничном восприятии окружающего мира.

Несомненно, к обрядовым следует отнести и одно из полотенец, украшенное белым браным узором ромбического рисунка, плетеным кружевом и надписью на прошивке: «Во имя отца и сына и святаго духа».

УЗОРНОЕ ТКАЧЕСТВО

Праздничные полотенца составляют наиболее многочисленную группу в коллекции Вохомского филиала – 108 предметов. Ими украшали избы во время праздников, развешивая в красном углу на иконы, где они занимали почетное место среди небогатой крестьянской утвари; ярко орнаментированными полотенцами украшались зеркала и рамки с фотографиями родных вплоть до 2-й половины XX в. По способам украшения праздничные полотенца

можно условно разделить на тканые, набивные и вышитые.

Наиболее ранним и широко распространенным способом украшения бытовых крестьянских вещей (в т. ч. и полотенец) было узорное ткачество.

Материалом для тканья служили льняная пряжа и хлопчатобумажные нитки (так называемая «бумага»). Красили их обычно сами ткачихи растительными красками, рецепты изготовления которых передавались из поколения в поколение.

Для праздничных полотенец широко использовалось ремизное полотно, которое получило свое название от одной из деталей ткацкого стана – ремизок (по-местному, ниченицы), используемых для подъема и опускания нитей основы и образования между ними зева для пробрасывания уточной нити. В деревнях Вохомского края такая техника называлась «ткать в чапы» (2 ниченицы, соединенные с парой подножек, соответствовали одному чапу. Таким образом, если при тканье полотна использовалось 16 ниченицы и 8 пар подножек, оно называлось восьмичапным и т.д.). Ремизное, или «чапошное» полотно всегда изготовляли из тонкой пряжи и хорошо отбеливали, у такого полотна уже сама фактура ткани служила украшением: самые разнообразные переплетения геометрических фигур создавали неповторимый орнамент, льняные белые нити, поблескивая на свету, придавали изделию необыкновенно свежий праздничный вид.

Широко представлены в коллекции музея и браные полотенца – 48 предметов. Свое название – «браники» – они получили также по способу изготовления: браное тканье – от слова «брать». «Беру каждую ниточку и сквозь пальцы пропускаю», – говорят старые женщины. Для изготовления браной ткани применялись специальные дощечки-бральницы, при помощи которых образовывался зев для прокидки дополнительного цветного утка.

Орнаментальный, сложный геометрический рисунок держит ткачиха в голове. Не только село или край имели свой характерный орнамент, а и семья, бывало, каждая создавала свой неповторимый рисунок. Основные мотивы тканых узоров – ромб, квадрат и их сочетание. Однако художественная ценность тканых изделий определяется не сложностью изображений, а гармонией цвета и ритмического чередования форм узора, ясностью распределения тканого орнамента, разнообразием его форм. В этом наши прабабушки были непревзойденными мастерицами!

В тканых узорах вохомских полотенец преобладает красный цвет, иногда дополненный росплеском оранжевых, лиловых, желтых, зеленых фигур. Мастерицы не боятся звонкости анилиновых красок, и они звучат во всю силу, выражая вкусы, которые сложились к концу XIX– началу XX вв.

Орнаментированные композиции всех без исключения браных полотенец состоят из нескольких полос (в центре самой широкой), заполненных ромбами в виде замкнутых фигур и с выступающими концами, квадратами, звездочками и др. фигурами, имеющими собственное название. Например, боб – узор, похожий на семя из стручка бобового растения; пряник – узор на ткани в виде прямоугольника и т. д. (12)

У некоторых полотенец орнаментированные концы пришиты от других изделий, по-видимому, более старших по возрасту.

Особую группу в коллекции представляют полотенца с белыми браными концами – 18 предметов. В отличие от ярких, веселых, подчас даже буйных красно-белых изделий эти полотенца особенно торжественны, наполнены каким-то сдержанным достоинством.

Н.И. ЛЕБЕДЕВА

Примечания

1. Потанин Г.Н. «Никольский уезд и его жители» - «Вохомская правда», 1975, № 56, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 28.
2. Там же.
3. Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители.
4. Информаторы Швецова А.В. 1917 г. р., Куковерова М.В. 1926 г. р., дер. Пономарево – архив музея.
5. Информатор Томилова Л.П. 1933 г. р., п. Вохма.
6. Записано Пигиной И.Ф.
7. Записано Пигиной И.Ф.
8. Записано в 1994 г. Мамонтовым С.Ф. со слов Герасимовой Г.Ф. 1932 г. р., дер. Сокерино – архив музея.
9. Записано Пигиной И.Ф.
10. Информатор Томилова Л.П. 1933 г. р., п. Вохма. Более подробно об обряде умывания см. «Ветлужская сторона». Фольклорный сборник. Вып. 11. 1996 г. С. 107.
11. Описание полотенца см. в разделе «Вышитые полотенца».
12. Местные названия узоров совпадают с описанными в кн. Громова А.В. Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в Костромских говорах по реке Унже». Яр., 1992.

ЗАГАДКИ

Пересчитайте пять дней по порядку, не называя чисел и названия дней.

(Позавчера, вчера, сегодня, завтра, послезавтра)

* * *

Тысяча братьев одним поясом подпоясаны.

(Сноп)

* * *

Трясется, колотится, обо всем заботится.

(Жерновa)

* * *

Дырочек много, а вылезти некуда.

(Решето)

* * *

Кто в воде родится, тот воды боится.

(Соль)

* * *

Худ конек, а все озеро выпил.

(Ложка)

Ни ножом, ни топором, само делается.

(Щепи, трещины)

* * *

Стоит крошечка, не съест ее кошечка.

(Печь)

* * *

Мать толстуха, дочка краснуха, а сын храбер, пошел во двор.

(Печь, огонь, дым)

* * *

Корыто полно золота налито.

(Жар в печке)

* * *

Белое сукно лезет в окно.

(Дым)

* * *

Если встанет – небо достанет.

(Дорога)

От хатки к хатенке натыканы рогатенки.

(Дорожки-стежки)

* * *

Живет без тела, говорит без языка, никто ее не видит, а каждый чувствует.

(Совесть)

* * *

Два брата, а один из них мой дядька. Кто другой?

(Отец)

* * *

Росту малого, стану пригожего. Кто его знает, тот разум обретает.

(Книга)

* * *

Дай пить – будет говорить.

(Перо, чернила)

Записано
Н.Н.КУДРЕВАТЫХ
в 1994 г. со слов
Е.А.СУРИНОЙ, 1924 г.р.,
д.Пенома Вохомского
района.

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

5 (56) 2003

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Любезные читатели!

Содержание следующего номера журнала определяют несколько «круглых» дат, связанных с рождением и деятельностью Костромского фонда обязательного медицинского страхования, Костромского общества Красного Креста, его больницы, ныне онкологического диспансера. Мы познакомимся с историей страховой медицины в Костромской губернии и узнаем о ее сегодняшнем опыте, вспомним о благотворительной помощи Красного Креста всем пострадавшим и болящим, расскажем о старейших в Костроме лечебных заведениях, встретимся с костромичами, сказавшими *свое слово в медицинской науке и практике, совершим* полезную прогулку по нашим здравницам...

В общем, будем готовиться в познавательное оздоровительное путешествие.

Милости просим в «Губернский дом»

Редактор Николай Муренин
Заместитель редактора Татьяна Гончарова
Художник Юрий Бекишев
Фото Г.П. Белякова, из фондов Вохомского филиала КОИАМЗ, архива ЦБС Вохомского района.
Компьютерный набор -- Екатерина Соколова
Корректура – Татьяна Бекишева
Верстка и подготовка оригинал-макета – Евгений Виноградов

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, ул. Молочная гора, 9/4.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 20.05.2003 г. Подписано к печати 10.07.2003 г. Заказ № 3011
Печать офсетная. Объем 15,5 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала «Губернский дом», отпечатано в ГУП «Областная типография им. М.Горького» департамента по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2

Герб поселка Вохма. 2003 г.